

Л. Т. Ситников

Земляки

Книга 2

Томск
2007

УДК 957.084.8
ББК 63.(2Р53)
С41

Ситников Л. Т.
С41 Земляки: Книга 2. — Томск: Ветер, 2008. — 236 с.

Вторая книга Леонида Ситникова о земляках, портретные зарисовки жителей земли Каргасокской. Цель, которую ставит перед собой автор, — оставить память об этих людях, продолжать традицию преемственности поколений.

© Л. Т. Ситников, 2008
© Оформление. Издательство «Ветер», 2008

Прошлое во имя будущего

Перед нами — вторая книга Леонида Ситникова о земляках — портретные зарисовки жителей земли Каргасокской.

По роду своей профессии Л. Т. Ситников — работник кино, и ему немало пришлось поехать по деревням и сёлам, где он и встречался со своими героями. Это рабочие, учителя, врачи, юристы, работники культуры, представители коренного населения. В судьбах этих людей, как в зеркале, отразилась история страны. Многие из них переселенцы или дети переселенцев, люди, прошедшие через горнило войны, пережившие трудности послевоенного лихолетья, обустроившие родной край и осваивавшие его нефтяные и газовые богатства. Все они — добрые, умные, ответственные люди, многое сделавшие для своей родной земли.

Цель, которую ставит перед собой автор, благородная — оставить память об этих людях, продолжать традицию преемственности поколений.

Человек, не знающий и не понимающий прошлого своего рода, своей земли, — это человек без корней, по своей психологии «перекати-поле». Он не способен к творческому труду на благо России, не способен к нравственному воспитанию своих детей.

Леонид Трифионович в своей книге воссоздает прошлое во имя будущего. С большой теплотой и любовью пишет он о своих земляках. Эта добрая по своему содержанию книга написана очень добрым человеком. Будем надеяться, что за ней последует продолжение, появятся новые герои, внешне ничем не заметные люди, а вместе с тем люди, на которых и держится русская земля.

*А. П. Хмелева,
кандидат философских наук*

От автора

Святая память

Только уважение к старшим прибавляет мудрости
(Восточная поговорка)

Главная тема моих рассказов — память. Митрополит Кирилл говорил: «Память — преемственность поколений. Чтобы мы помнили о своем прошлом, чтобы увековечить добрые дела и поступки».

Исходя из этого, я стараюсь оставить память о пожилых людях нашего края, много сделавших для его освоения, много переживших, настрадавшихся, перенёсших тяготы и лишения, голод и холод, но выстоявших и оправившихся от всех ударов судьбы.

Это они своим добросовестным трудом преобразовали край, и не их вина, что сейчас всё пришло в упадок. Их пот и кровь — раскорчёванные поля, развитое животноводство — канули в Лету. Но велика вера этих людей в то, что всё образуется: вновь все специальности станут востребованными, а труд будет в почёте. Поэтому они с одобрением встречают усилия районной и областной администраций по созданию новых предприятий, а значит и новых рабочих мест.

Важность выхода этой книги ещё и в том, что молодые люди с удивлением узнают, что у их бабушек и дедушек, оказывается, такое героическое прошлое, что их «предки» своим трудом добились почёта и уважения.

И мне очень повезло, что моя первая книга попала на глаза человеку неравнодушному, относящемуся к старшему поколению уважительно и с пониманием.

Это Геннадий Александрович Спавлин — директор ООО «Спецгеострой», который вместе с Владимиром Вениаминовичем Туровым возродил это предприятие.

Они занимаются бурением водяных скважин и подсчётом водных ресурсов по Томской области, а также разведкой и поиском твёрдых полезных ископаемых и инженерными изысканиями для строительства.

Ведь потребление воды в связи с интенсивным развитием промышленности области резко возрастает. Чтобы добыть одну тонну нефти, надо затратить десять кубометров воды. А сколько у нас добывается нефти, газа! Сколько работает других предприятий! Да и населению никак не обойтись без воды.

Освоение любого нефтяного месторождения начинается с инженерных изысканий. А это сотни километров новых дорог и трубопроводов. Используя новейшие геоинформационные технологии, они создали новую карту развития нефтегазового комплекса Томской области с транспортно-промышленной инфраструктурой, так необходимой для нефтяников. Работа эта очень нужна для развития Томской области.

Вот почему так важно это возрождённое предприятие ООО «Спецгеострой», занимающееся комплексным использованием природных ресурсов. В штате его пока 56 человек, но растёт предприятие, растёт и число рабочих мест.

Геннадия Александровича хорошо помнят в Новом Васюгане многие жители. Они говорят, что он очень общительный человек, коммуникабелен, всегда готов оказать помощь словом и делом.

Я глубоко благодарен Геннадию Александровичу за финансирование издания книги «Земляки-2». Очень надеюсь, что она будет читаться с таким же интересом, как и первая.

Леонид Ситников

Часть первая

Для славы мёртвых нет!

Не верили мальчишки в смерть,
Мальчишки верили в героя
И встали за страну горою,
И был приказ: «Назад не сметь!»

В руках — взведённые гранаты,
На грани срыва хрип и мат.
Вперёд! За Родину, ребята! —
Кричал израненный комбат.

Дышали кровью автоматы,
А по растерзанной земле
Ползли убитые солдаты:
Был вечный бой в их вечном сне.

Они не признавали смерть,
Мальчишки верили в победу.
А сколько полегло их, бедных!
Ведь был приказ: «Назад не сметь!»

Владимир Черновский

Наша боль, и совесть, и укор

... Это были спецпереселенцы —
наша боль, и совесть, и укор...

Читаю поэму Владимира Роскошных «Светлый Яр» и каждое четверостишие «примеряю» к себе и своим героям: они встают перед моим мысленным взором, люди, прошедшие через этот ад. Каждый из них рассказывал про баржи, на которых везли в ссылку «кулаков». Действительно, «натерпелись скорби и позора сотни тысяч стариков и чад».

Подвозили стонущие баржи

Георгий Алексеевич Плюснин — ровесник Октября. Когда высылали их из Бурятии, ему было 14 лет. И он, вспоминая то давнее страшное время, сказал почти такими же словами, что и В. Роскошных: «Подвозили стонущие баржи новых «раскулаченных» людей».

В тот раз эти стонущие баржи были заполнены людьми из Кяхтского района. Остановились они у островка подле Парабелли. Людей пересадили в неводники и повезли по речке Омеличи. Высаживали на берег в диких, почти необжитых местах.

Эта высадка врезалась прочно в память Георгия жестокостью конвоиров: людей били по малейшему поводу и без повода, даже стреляли. Сколько люда поумирало! Георгию и самому приходилось голыми руками рыть в иле ямы и потом укладывать в них трупы. А было и так, что трупы просто выбрасывали за борт.

О таких зверствах охраны мне ещё не доводилось слышать ни от кого из ссыльных, живших по Васюгану. А ведь кулаков, как их называли, мироедов, среди высланных с Кяхты практически не было. Были это крепкие середняки, настоящие, рачительные хозяева, многие из которых с оружием в руках защищали советскую власть в годы гражданской войны. А были даже и бедняки,

осмелившиеся заступиться за своих соседей. На них стояло клеймо подкулачников.

Как рассказывал Георгий Алексеевич, у них на восемь человек семьи было всего четыре лошади да пять дойных коров. Управлялись с хозяйством и десятью десятинами земли собственными силами: никаких батраков не было у них и в помине. А вот поди ж ты...

Они и здесь работали так же, не жалели ни сил, ни времени.

Как-то в посёлок завернул директор леспромхоза Карабасов — требовались люди для работы в лесу. Добровольцы нашлись сразу. Плюснины тоже предпочли иметь дело с лесом и вскоре перебрались в Пыжино, где располагался лесоучасток. Георгий стал заправским лесорубом. Его заприметили в администрации леспромхоза, а потом он и сам почувствовал изменения, обратил внимание, как уважительно стало разговаривать с ним приезжее начальство.

Жизнь стала налаживаться. Но тут грянула война.

Шёл солдат, преград не зная

В 41-м Георгия в армию не взяли, как не брали никого из числа спецпереселенцев, но уже в следующем году он получил повестку из военкомата. Защищать Отечество он уходил вместе со старшим братом Василием.

Прибыли они в Бийск, где формировалась дивизия. Прошли ускоренный курс молодого бойца — и в эшелон, взявший курс на Сталинград. Там и приняли боевое крещение. На одном плоту братья форсировали под прикрытием ночи Волгу, рядом ходили в контратаки, следующие одна за другой. Потом дороги братьев разошлись (в одном из боев Георгий был ранен), как оказалось, навсегда — Василий погиб под Ростовом в 1943 году.

После выписки из госпиталя его направили на краткосрочные курсы артиллеристов. По окончании учёбы зачислили в боевой расчёт 122-миллиметровой гаубицы. Полк, в котором служил он, вскоре оказался на Яссо-Кишиневском направлении. Штурм Измаила, форсирование Дуная, поход через Румынию, освобождение Болгарии и Югославии — таковы основные вехи фронтовых дорог полка, а вместе с ним и Георгия.

Никогда не забыть ему ту теплоту и восторженность, с какой встретили их на югославской земле. Встретили, как дорогих братьев и сыновей, как освободителей. А ещё запомнилось солдату, как девушки и парни выпрашивали у них патроны. За полсотни патронов можно было получить многое...

Из Югославии путь пролег в Венгрию, где в районе озера Балатон шли жестокие бои с фашистами, затем — в Австрию и Германию.

Уже был подписан акт о капитуляции Германии, и война официально закончилась, но отдельные эсэсовские части сдаваться советским войскам не собирались, упорно прорываясь на запад. Броде и мир наступил на земле, а люди продолжали гибнуть в жестоких схватках.

Гаубичный полк Георгия срочно передислоцировали в Венгрию, в местечко Шемантория. Вокруг праздновали победу, а

им предстояло снова идти в бой. Сердца сжимались в предчувствии беды. И это были совсем не те чувства, которые испытывали они, когда буквально рвались в бой, громя врага и видя впереди заветную цель — победу. Ободрили солдат слова маршала Толбухина, произнесённые по рации: «Держитесь, сынки, к вам идет танковая дивизия. Через три-четыре часа будет у вас. Надо только выстоять это время».

Расположились они удачно: с двух сторон хорошо просматриваются подходы к единственной дороге через горы. Потянулись томительные минуты, не зря же говорят в народе, что ждать и догонять хуже всего. Но вот показалась колонна «тигров» и самоходок «фердинанд», а сразу за ними колонны эсэсовцев.

— У нас было, — вспоминает Георгий Алексеевич, — только пять орудий. Дали залп, и сразу вспыхнули пять вражеских машин. Мы сметали эсэсовцев цепь за цепью, но они упорно двигались к нашим позициям...

Падали убитые и раненые. Вот уже почти половина оружейных расчетов мертва. Да и остальные, пока ещё живые, готовятся принять смерть, как и подобает советским бойцам, в бою, держась до последнего.

И тут вдруг показалось вдали быстро растущее облако пыли — это шли наши танки. Шесть десятков мощных машин мчались на перехват эсэсовцев. Фашисты сдались.

Маршал Толбухин лично поздравил каждого бойца. Подойдя к Георгию, он обнял его со словами: «Молодец, старший сержант. Не дрогнули, выстояли. Спасибо!» Этот эпизод часто снится Георгию Алексеевичу.

Любое дело по плечу

18 июня 1946 года Георгия демобилизовали. Немного отдохнув под крышей родного дома, устроился он на Пыжинский лесоучасток, где проработал три года, вплоть до закрытия. Его частенько посылали туда, где по какой-либо причине лес скапливался и требовалось его срочно отгрузить или подготовить к сплаву.

А когда участок закрылся, Георгия с бригадой направили в Вертикос. Там, на Легальке, сооружали они маты. Что такое мат? Это укладка леса в шесть рядов высотой до трех метров. Потом всю эту конструкцию увязывали так, что один мат вмещал около 25 тысяч кубометров леса. Весной, когда начиналось половодье, маты всплывали, и их буксировали вниз по Оби к месту назначения.

С наступлением зимы Георгия отправили в Чумжельку бракером. Здесь и встретил он свою судьбу — молоденькую фельдшерницу Зою, приехавшую из Тамбовской области по распределению. 50 лет прожили они душа в душу, вырастив детей, а затем и внуков, которых любили безмерно. Георгий Алексеевич, когда речь заходит о воспитании детей, убежденно говорит: «Гневаться на детей нельзя, никогда, потому как гнев для них — очень страшное чувство».

Несколько лет назад похоронил он свою Зою Петровну, но светлую память о ней хранит свято.

На вид он ещё очень крепкий, хотя идет ему 89-й год. И всё же, чем дальше движется жизнь, тем сильнее сказываются былые ранения и контузии. Вот и давление начало «скакать», даже инвалидность дали. «Ну, что ж, — рассуждает ветеран, — инвалиды такие же люди, разве что двигаются меньше да думают больше, чувствуют тоньше».

Глядя на Георгия Алексеевича, я невольно думаю, что жизненных ресурсов его достанет ещё лет на десять минимум. Так что есть шанс встретить 100-летие. Дай-то, Бог! Пусть живёт и дольше этот добрый человек.

Человек с горячим сердцем

Не перестаю восхищаться людьми с горячим сердцем и чистыми помыслами, которых никакие жизненные невзгоды не сумели сломить. К таким людям относится и Валентин Григорьевич Рудский.

Вошёл в историю полка

Он попал на фронт в апреле 1944 года, когда ему ещё было 18. И даже то, что у него была очень сильная близорукость, не смогло помешать горячему стремлению наравне со всеми своими сверстниками защищать Родину.

Из-за той же близорукости Валентин стал героем популярной фронтовой байки. А случилось это так.

В одном из боёв он потерял очки. И когда пошёл из штаба в расположение своей роты, не заметил, как миновал линию обороны, — спокойно зашагал напрямик к немецким окопам. И только подойдя почти вплотную, по силуэтам солдат понял, что идёт не туда. Резко повернул назад, что-то бормоча и размахивая руками. Из вражеских окопов не раздалось ни одного выстрела — видимо, решили, что бедолага умом тронулся, а чего по такому палить...

Ну а Валентин не только сам прославился, но и свою роту прославил. «Это та самая рота, из которой солдат ходил днём к немецким окопам», — говорили в полку, когда хотели уточнить, о каком именно подразделении идёт речь. А уж сколько баек про это сочинили! Словом, нежданно— негаданно вошёл в истории полка.

«Возьмёте его учителем?»

Демобилизовался Валентин в марте 47-го. Дальнейшую жизнь продумал заранее — пойдёт учиться в ТИСИ на архитектурно-строительный факультет. Однако встреча с бывшим одноклассником, который в то время уже заведовал РОНО, круто изменила планы. Почти в принудительном порядке он оказался в классе, где у первоклашек не было учителя.

— Ты кто? — спросил самый любопытный мальчишка.

— Солдат, — ответил Валентин, ещё не успевший снять форму.

— А где воевали?

И завязался оживлённый разговор. Как оказалось впоследствии, его слушали, стоя за дверьми класса, заведующий РОНО и директор школы. И едва прозвенел звонок, они вошли в класс:

— Ну что, ребята, возьмёте его учителем?

— Да-а-а!

Пришлось вместо ТИСИ поступать в пединститут.

На второй учебный год он начал преподавать ботанику да ещё взвалил на себя станцию юных техников.

Нагрузка, что и говорить, громадная, но на его руках была больная мать, а никаких пособий им не выплачивали, поскольку висел на них ярлык семьи «врагов народа» — дед Валентина был священнослужителем. И даже когда директор школы дал ему рекомендацию в партию, не принял, не смотря на то, что он вёл активную педагогическую и общественную работу. А ещё говорят, что дети за родителей не отвечают.

Сын земли

Развитая районная фенологическая сеть вывела Валентина Григорьевича в ведущие специалисты, и в 63-м ему было предложено возглавить работу фенологов области. За сравнительно короткий срок ему удалось создать самую крупную фенологическую сеть не только в масштабе Сибири, но и всей страны.

В отдельные годы этим увлекательным и, несомненно, полезным делом занималось до тысячи человек. И это при том, что в целом по стране таких людей насчитывалось всего чуть более трёх тысяч.

За 40 лет у Рудского накоплено столько материалов наблюдений, что к нему обращаются за ними даже маститые учёные.

Он живёт в городе уже 34 года, но по-прежнему считает себя жителем деревни. Пока был жив брат Юлий, он ежегодно приезжал на отдых к нему в Нёготку, на реку Тым.

— Какие там прекрасные места!— восторгается Валентин Григорьевич. — Чистые боры с похрустывающим под ногами мхом — хоть в тапочках ходи. А сколько там рыбы в реках и озёрах.

Я видел фотографии, на которых запечатлён он на рыбалке, охоте, за сбором ягод и грибов. Слушал истории о невероятных приключениях, каждая из которых — увлекательнейшее повествование о природе и людях, которые её любят и берегут.

Валентин Григорьевич и сейчас занят делом. Преподаёт в институте усовершенствования учителей, ведёт уроки экологии в детском садике. Можно быть уверенным, что из детей вырастут такие же равнодушные к природе люди, как и он сам.

Наша память — не тонкая нитка, а сверхпрочный шпагат

Александра Рубеля призвали в армию в 1942 году, когда стали брать на фронт тех, кого ещё недавно клеймили врагами народа, кулаками-мироедами. Ему, двадцатилетнему парню, было не страшно, наоборот, интересно. Недаром говорят, что самые мужественные люди — это те, кто ни черта не знает.

Пока тянулись на неводниках до Каргаска, там уже битком набили пароход «Тихонов». Их вернули назад и до весны 43-го не тревожили. А весной, по большой воде, попали они в Каргасок как раз к приходу «Тихонова». Погрузились и — до Новосибирска. На Александре по настоянию матери был надет новый костюм, что сразу бросалось в глаза. И его земляк-тёзка Александр Осадчий, подойдя в Новосибирске, сказал:

— Ты что это так разоделся? Продавай костюм, как только получим обмундирование. Все остальные складывали свою одежду в мешок, цепляли бирку с домашним адресом и отсылали домой, а Александр, послушавшись тёзку, продал костюм. Деньги выслал матери, рассудив, что они дома нужнее. Надо ведь покупать и соль, и спички, и керосин, а в колхозе денег не дают.

По путям-дорогам фронтовым

Призывников увезли в Бердск. Оттуда после прохождения курса молодого бойца их отправили в Омск, где формировалась 219-я стрелковая дивизия. Александра зачислили в роту

разведки. 24 августа 1943 года дивизию передислоцировали в Белоруссию в направлении Ярцево-Духовщина. И вот первое боевое крещение — его отделение направили в разведку. Что происходило, как, воспринималось словно во сне: в траншее противника скрутили нескольких спящих немецких солдат, но тут по ним открыли огонь, они стали отстреливаться. Но вернулись с пленными.

Командир похвалил Александра, что не сдрейфил, вёл себя мужественно, бесстрашно. А он и сам удивлялся: оказывается, не так страшен чёрт, как его малюют, а, может, ему просто везёт.

После этого много ещё раз ходили в разведку, и ничего экстремального не случилось. Но вот 5 декабря 43-го года их отделение вновь получило задание привести «языка». Праздник — День Конституции, и старшина пообещал шикарный ужин по возвращении.

Пошли, вернее, поползли, и вдруг — стрельба сзади. Оказалось, что это немецкая разведка возвращалась из нашего тыла и ползла вслед за ними. По счастью командир обнаружил её и расстрелял несколько разведчиков противника. Но один из них успел кинуть гранату. Осколки вонзились Александру в ногу и лицо. Один ударил в висок справа, повредив зрительный нерв, и вышел под левым глазом.

Александр вскочил на ноги, да и застыл в такой позе. Болевой шок. Говорят, что у раненых, как кинокадры, мелькает прожитая жизнь, а у него билась одна мысль: ослеп, выбило глаза, что будет с мамой?

Стрельба ушла дальше и вправо, а он всё стоял. К нему подполз раненый товарищ: «Садись, перевяжу, а то кровь по лицу бежит и из ноги хлещет». Только тогда подкосились ноги у Александра, и он рухнул на землю, как спиленное дерево. Их подобрала санитары. В госпиталь увезли в город Иваново.

Правый глаз не видел, а в ноге осколок застрял в мякоти. Вырезали, и он даже не хромал, когда бросил костыли.

Вот в госпитале у него было время припомнить свою жизнь с детства и до госпитальной койки. О многом передумал солдат, недаром говорят, что человек без думы, что соловей без песни.

Мы все родом из детства

Их семью выслали из Новосибирской области. Дед, Иван Максимович, был богатым мужиком, и дети его не бедствовали. Когда поднялась волна репрессий, отец распродал свой скот, за что и был арестован. Саше в то время исполнилось 9 лет, и период раскулачивания семьи он хорошо запомнил.

Его с братом посадили на телегу и повезли в Камень-на-Оби. Там пересадили на баржи и — до Жёлтого Яра. На всю жизнь запомнилась эта дорога скорби, очень высокий яр, на который они без отдыха с братишкой не могли взойти. А мама тащила мешок с пожитками. Лето перебивались, как говорят, с хлеба на квас. Радовались, что удалось немного посадить картофеля, кое-что из овощей и капусту.

Осенью жили уже в доме. Саша пошёл учиться во второй класс. Как могли, помогали дети матери драть дрань, колоть клёпки и т. д.

После окончания Жёлтоярской начальной школы поехал в Усть-Чижанку, но проучился только два года. Летом председатель Долгушин выдал ему сапоги и направил в посёлок Курундай рубить пихтолапку. Два дня мальчишка полазил по деревьям и сбежал: не понравилось ему это занятие.

Мать как раз вышла замуж за остяка из посёлка Качарма. Саше он сразу понравился своей простотой и хорошим к нему отношением. А ещё отчим хорошо играл на однорядке и начал обучать Сашу игре на гармошке. До сих пор сердце его полнится благодарностью за эту науку.

Наступила осень, и паренек вместо школы стал возить почту.

Два года пролетели незаметно. А потом пришла беда — скончался отчим. Мать решила переехать в Забегаловку. Там Александра назначили бригадиром, он принял склад. Бухгалтер

П. Н. Бондаренко стал присматриваться к юному бригадиру: нравилось ему, как грамотно оформляет сводки Саша. В результате последовал перевод паренька счетоводом. По рекомендации того же Петра Ивановича Бондаренко Александра отправляют в Каргасок учиться на бухгалтера. Шёл сороковой год.

И вот война. Госпиталь...

И снова в бой

На комиссии Александр сказал, что он левша, а левый глаз его видит на 100 процентов, так что стрелять может. Его не комиссовали, отправили в запасной полк. Там как раз отбирали солдат в минёры. Отцы-командиры сказали, что с одним глазом в разведке он не пригоден, а вот разминированием вполне может заниматься. Конечно, в минёры тоже нужны люди здоровые, но можно и с одним глазом — главное не ошибиться, твёрдо усвоить, что минёр ошибается только раз.

Начали они с разминирования полосы Корсунь — Шевченковского направления, а когда I и II Украинские фронты разгромили 10 дивизий Манштейна, минёров перебросили в Белоруссию, затем в Литву и Восточную Пруссию.

В Восточной Пруссии разминировали проходы для штурмовых отрядов накануне штурма Кёнигсберга. Память об этом — медаль «За взятие Кёнигсберга». Закончилась война, а минёры всё продолжали ходить в бой. И это длилось ещё два года: освобождали от мин город. Но и до сих пор находят заминированные объекты.

Не так-то просто найти мину. Работали и щупами (длинные металлические прутья), и с собаками.

В 47-ом году пережили большое потрясение. Их дорогой старшина — наставник, который не уставал повторять, что минёр ошибается только раз, допустил ошибку при разминировании польской противотанковой мины, у которой в отличие от русских и немецких мин взрыватели располагались сверху, с боков и на днище. Старшина вывернул боковые взрыватели, верхние

и, приказав минёрам залечь в укрытие, приподнял мину. Страшный взрыв потряс землю, и к Александру подкатилась голова старшины. Тело разнесло в клочья. Это было последнее разминирование Александра. Назавтра он демобилизовался.

Мирная жизнь

15 мая 1947 года Александр заявился в посёлок Забегаловку к матери. Вначале подался в рыбаки. А вскоре представился случай: уехала бухгалтер, и Александру предложили его прежнее место работы.

В Жёлтый Яр приехала девушка Маша из Архангельской области после окончания химико-лесотехнического техникума.

Александр, следящий за своей внешностью, гармонист, девичий сердцеед, сразу понравился девушке-поморке. Да и он тоже начал за ней ухаживать, а потом и посватался. Мария согласилась, и в 50 году справили скромную свадьбу. Через год

произошли сразу два важных события: Мария стала мастером спиртопорошкового завода, и родился сын Владимир.

Александр дважды ездил в Колпашево на полугодовые курсы бухгалтеров: отчёты усложнялись, приходилось изучать двойную бухгалтерию.

В 66-м году спиртопорошковые заводы в стране приказали долго жить, люди начали разъезжаться. Рубели переехали в Староюгинский сплавной лесоучасток. Александр стал работать снова в конторе, но через 8 лет перешёл в профессионально-пожарную часть, где проработал до выхода на пенсию.

Появились внуки, и Александр Иванович занялся животноводством. Покосы рядом, и сена всегда накошено вдоволь. Крестьянского труда не боялся. Вспоминал своих дедов и родителей. Сейчас бы они развернулись, ведь скота можно содержать хоть целую ферму. Даже почётно было держать много животных.

Но приходит время, когда и одну корову держать трудно. Дети разъехались, жена стала прихварывать, и вот уже 6 лет как Александр Иванович овдовел.

Сын Владимир, проживающий в Каргаске, предложил переехать к ним. Согласился. Постепенно привыкает. Занятий немного, главное — гимнастика. Удивительно, но у него практически нет седых волос. Немного ноги подводят, но с палочкой ещё гуляет по улицам Каргаска.

У Александра Ивановича девиз: пока живёшь на белом свете — радуйся и не считай свои года. Он говорит, что жизнь надо оценивать перед смертью, а день — вечером. Хорошо бы и все, кому за 80 лет, так же оптимистично смотрели на жизнь и были бы такими же активными, как Александр Иванович в свои 84 года.

И мужество, как знамя, пронесли

Для всех поколений, на все времена — Весна сорок пятого года

На фронт Борис Шорин пошел добровольцем 8 марта 1943 года. Рвался он туда с первых дней войны, но их, молодых парней, мобилизовали на рудник Тельбес, снабжавший железной рудой Кузнецкий металлургический комбинат — стране нужен был металл, и на этом разговор в военкомате заканчивался

Прошли почти два года. Наступил 43-й. Это было время, когда Красная армия в битвах под Москвой и Сталинградом нанесла фашистам сокрушительное поражение. Однако, враг всё ещё был силен и готовился взять реванш на Курско-Орловском плацдарме. Фронту нужны были опытные и грамотные солдаты. Бориса вместе с его сверстниками направили в Томское артиллерийское училище. Через два с половиной месяца — на фронт

От Днепра — до турецкой границы

Их привезли к Днепру, в село Колосовка. Бориса назначили командиром боевого расчета 45-миллиметровых орудий.

Глубокой ночью две «сорокопятки» погрузили на понтон вместе со штурмовой ротой автоматчиков. Да что-то замешкались с погрузкой и начали переправу уже на рассвете, когда туман стал рассеиваться.

Немцы открыли шквальный огонь, и в первые же минуты почти половина роты погибла. Оставшимся в живых командир приказал немедленно покинуть понтон. Борис бросился в воду. То и дело ныряя, он благополучно добрался до своего берега и, оглянувшись, увидел, как понтон с двумя его орудиями и горой убитых уплывает вниз по течению.

Вновь получил две «сорокопятки». Пополнили и боевой расчёт, а ночью начали форсировать Днепр. На этот раз зацепились за противоположный берег, и автоматчики очистили укрепления от противника. Это было 27 сентября 1943 года. Борис Шорин получил первую свою боевую награду — медаль «За боевые заслуги».

Вскоре полк, в котором он служил, был передан десантной дивизии, за освобождение Кривого Рога получившей почётное звание 92-й гвардейской Краснознамённой Криворожской. А Борис за проявленное мужество был награжден орденом Красной Звезды.

Первое серьезное ранение — при освобождении украинского городка Пятихатка: осколок снаряда угодил в правую сторону груди. Один из находившихся рядом бойцов перетянул рану бинтом, и Борис самостоятельно пошел в санчасть, располагавшуюся в трех километрах от передовой.

Потом дороги войны провели его через Николаевскую область, Молдавию, Болгарию. После освобождения Варны полк был направлен в портовый город Бургас, на самой границе с Турцией. Там их и застала радостная весть о победе.

Незабываемая встреча

46-й год. Полк из Бургаса перебазировался в город Николаев. И тут Борис впервые оказывается на госпитальной койке. Что самое обидное — из-за аппендицита.

Прооперировали, через неделю выписали. А состояние отвратительное. И надо же такому случиться, что именно в это время их 127-й арtpолк посещает маршал Г. К. Жуков.

Несмотря на неважное самочувствие, Борис на построение пошел, хотя мог бы и остаться в казарме. Очень уж хотелось ему взглянуть на прославленного полководца.

Встал в строй, немного согнувшись. Затянутый слабо пояс потихоньку сползал. И это не ускользнуло от внимательного глаза маршала.

— Что за вид? Почему так гнешься?

— Аппендицит вырезали, товарищ маршал.

— Когда?

— Да уж восьмой день пошел.

— Я после такой операции на пятый день уже был на коне.

И Георгий Константинович своими руками туго затянул Борису пояс.

Не прошло мимо внимания Жукова и плохое обмундирование солдат, их разбитые сапоги. Трижды за день побывал он в столовой и ел то, что давали солдатам. Затем проверил воинские склады, забитые новым обмундированием и продовольствием. Видно, крепко всыпал кое-кому, потому что на другой день солдаты получили новое обмундирование, и кормить их стали хорошо.

Итог маршальской проверки не замедлили сказаться: были уволены или понижены в звании 25 больших и малых начальников интендантской службы.

Один из первых

После демобилизации Борис окончил Томский машиностроительный техникум и получил направление на шарикоподшипниковый завод, где 27-летнего парня назначили начальником отдела оборудования. Обзавёлся семьёй. А через три года — новое назначение, Парабельский район, где он возглавил механический цех МТС.

Следующей ступенькой в трудовой биографии стала работа инструктором Парабельского райкома партии.

И тут до него донеслась весть: в Каргасокском районе создается нефтеразведка. Новое, пусть нелёгкое, всегда влекло к себе

Шорина. Недолго думая, отправляется он в Колпашево, где располагалась контора разведочного бурения.

Приветливо встретила бывшего фронтовика начальник конторы, легендарная Ирина Михайловна Павленко, а узнав, что он закончил машиностроительный техникум, тут же взяла на заметку как будущего механика.

«Ну а пока, до утверждения штатного расписания, будешь у нас слесарем по шестому разряду. Согласен? Тогда бери лист бумаги и пиши заявку на всё необходимое для буровых работ и обустройство посёлка буровиков».

Дважды повторять не понадобилось. Заявка вскоре была готова. Причем, Шорин предусмотрел в ней все: и катер, и паузок, и трактор, сварочный агрегат...

Павленко осталась очень довольна новичком. Похвалив за предусмотрительность, тут же подписала заявку и благословила в путь. А лежал он в Усть-Сильгу.

В книге «Земля Каргасокская» Н. Г. Монголина пишет так: «Первыми на Усть-Сильгинскую землю высадились слесарь Б. П. Шорин, плотники А. Ф. Бойко и Е. Р. Лавров... Буровые работы начались в 1959 году под руководством мастера Г. С. Федотова».

Не знал тогда Борис Павлович, что проработает на Усть-Сильгинской земле 30 лет. За это время он и в Москве поучился в институте усовершенствования буровых технологий, и стал механиком буровых установок. Так что во всех открытиях нефтяных и газовых месторождений томского севера есть частица его труда.

«А нас становится все меньше»

В 84-м Борис Павлович впервые «почувствовал» свое сердце — прихватил приступ стенокардии: не прошли бесследно ни военная гроза, ни тяготы первопроходца. Но пасовать, сдаваться на милость болезни он не собирался. Приобрел лыжи и почти ежедневно выходил на лыжню, по 3—4 километра и не

меньше — такую установку дал себе. И вот держится, не брюзжит, не жалуется. Поистине: в здоровом теле — здоровый дух. И хотя возраст ветерана перевалил на девятый десяток, на вид ему больше 60-ти не дашь.

Много лет подряд 9 мая, в День победы, он возглавляет факельное шествие к памятнику погибшим воинам. Так будет и в нынешнем, юбилейном победном году.

Говорят: время не властно над памятью. Вот и Борис Павлович частенько вспоминает встречу с прославленным маршалом и цитирует написанные Г. К. Жуковым строки: «С каждым годом по времени мы всё дальше уходим от военной поры. Выросло новое поколение людей. Для них война — это наши воспоминания о ней. А нас, участников этих исторических событий становится все меньше и меньше». Потому и надо следовать заветам Г. К. Жукова, писавшего: «К ветеранам нужно относиться бережно, внимательно, чутко и уважительно и всегда помнить, что они для нас сделали».

Жизнь, измеренная потрясениями

Самым ярким событием, запомнившимся из детства Александру Александровичу Колотовкину, был прилёт двухмоторного самолёта, который сел на лёд Оби в 1932 году. Как сбежались люди посмотреть на это чудо. А самое главное — когда самолёт начал взлетать, на другой стороне Оби он вдруг врезался в вершины тополей.

После крушения самолёт разобрали и привезли на то место, где сейчас находится здание районной администрации.

Здесь шумела тайга вековая

Семья Колотовкиных переехала в Каргасок из Нарыма, когда Александру было всего полгода. На пристань Еловка вела тропа со Старого Каргаска, которая проходила там, где сейчас улица Красноармейская. А на мысе где сейчас территория РЕБа, стояла школа.

Улиц в Каргаске в то время было всего две: Октябрьская и Пушкина. Сразу за Октябрьской шумела вековая тайга. Шло время, Каргасок понемногу расширялся. Население прибывало.

В 34-м году семья переехала в посёлок Каша, где была начальная школа. Когда Саша закончил её, родители решили перевезти в Каргасок свой дом. Место облюбовали на переулке Гоголя и Лесной — там, где сейчас находится филиал школы № 2.

Учился Александр хорошо и по окончании семилетки думал ехать в Колпашево или в Томск. Однако судьба распорядилась по-своему — пришлось идти работать на рыбозавод. Через два года 17-летний Александр был направлен в Колпашево, учиться на судоводителя. И уже в апреле 42 его назначили капитаном катера, поскольку все взрослые были призваны на фронт.

Со своей командой подростков ходили за рыбой в Бульвар. И вот однажды в бурю оставили катер без присмотра. Судно затонуло. Александр ждал сурового наказания, но пришла повестка из военкомата, и он с радостью отправился на фронт. Хотя ему не было и 18 лет.

Боевое крещение принял под Ржевом

Привезли их в Куйбышев (ныне Каинск) Новосибирской области и определили в запасной пехотный полк. Изучали автоматы, пулеметы, строевую подготовку.

В апреле 43-го из полка отобрали сорок человек и отправили в Калачинск в школу снайперов. Александр, освоивший все виды стрелкового оружия, с удовольствием готовился стать снайпером. Но...

В сентябре их выпуск в полном составе «бросили» под Ржев. Первый бой, бомбёжки. Снайпером так и не пришлось побыть — нужны были младшие командиры.

Первую награду — медаль «За отвагу» Александр получил за успешное содействие наступающему батальону. Его отделению дали задание нарушить связь противника, зайти с фланга и обеспечить успешную атаку батальону. Задачу выполнили. Но до конца своей жизни ветеран не мог забыть, как боролся с проводами связей немцев: и скручивал, и зубами пытался перегрызть, пока не выручил подползший связист: «Эх, ты, пехота, смотри, как надо!» — и ловко прицельной планкой автомата пересёк провода. Дело пошло.

Оставил неизгладимый след в памяти, преследуя по ночам, бой под Великими Луками.

13 января 44-го года началось общее наступление советских войск. В 5 часов утра пошли в атаку и на их участке. Три раза немцы отбивали атаки наступавших батальонов. Хорошо, что на пути был овраг — там и отсиживались.

И вот очередной сигнал к атаке. Бойцы рванулись вперед. И вдруг Александр почувствовал удар в тыльную сторону ладони правой руки. Автомат выбило из рук. Разрывной пулей раздробило всю кисть. Товарищ наскоро перевязал ему руку, и они вместе поплелись по оврагу в медсанбат.

Ночью всех раненых увезли на станцию Осташкино, а затем переправили в госпиталь. Руку хотели отнять, но сержант не дал: пусть скрюченные пальцы, но свои.

Кости срослись, 30 апреля 44-го года его комиссовали. В Каргаске врач похмыкал, осмотрел руку и предложил полечить народными методами. Но самым действенным методом оказалась молодость.

«Мы жизнь создаём своими поступками»

Не привыкший к бездеятельности Александр решил поискать себе посильную работу, несмотря на инвалидность второй группы. Был принят счетоводом на рыбозавод. Да, видно не его делом оказалась эта работа: проработал всего три месяца, и на тебе — выявили недостачу.

Решил держаться «от греха подальше» и выучиться на токаря. Но рука не позволила. Тогда он начал тренировать пальцы — стал учиться играть на гармошке.

Немного поработал в спецсвязи, затем секретарём в МГБ. Но однажды в Новом Васюгане «побаловались» стрельбой из револьвера, а патроны были строгой отчётности. Александра уволили.

Пришлось вновь менять работу. Его приняли инспектором в Госстрах. Дела шли хорошо. Предложили переехать в Асино, но не захотел покидать родину. А потом его назначили начальником инспекции в Каргаске, где он проработал до 1985 года.

Жизнь такова, неоднократно говаривал Александр Александрович, какой мы создаём её своими мыслями и поступками.

Перестройка, начавшаяся в 1985 году, была ему очень не по душе, буквально выбивала почву из-под ног. Все вдруг стало таким нестабильным. Жизнь, по его мнению, можно изменить только тогда, когда каждый человек будет отвечать за свои поступки, вносить любовь в каждую минутку своей жизни, будет активно участвовать в общественной жизни, будет творить добро.

Сам Александр Александрович не мыслил себя вне общества. С первого дня создания хора ветеранов был его активным участником. На протяжении целых 15 лет. Самодеятельность доставляла ему глубокое удовлетворение, благотворно отражалась на здоровье и самочувствии. Это был хороший отдых для души и тела, дарящий радость общения.

Таким он оставался до своего последнего часа. Таким остался в памяти своих земляков.

Без веры нам жизнь не прожить

Деревня Боголюбовка, располагавшаяся на степных просторах Омской области, была основана в 1910 году переселенцами с Украины и Белоруссии. Площадь занимала большую, а дворов было все полторы сотни. Если взглянуть на неё с высоты, похожа она была на огромную букву «Г».

Максименки приехали сюда с Украины, из-под Белой Церкви. Было их четыре брата. Земли получили вволю, почти даром:

мизерная плата, да выставленное для общины угощение.

Николай Алексеевич родился в 1922 году. К труду приобщился сызмальства: мог делать многое, но больше всего тянуло его к лошадям, и уже в семь лет самостоятельно боронил пашню.

Отец занимался торговлей, или, как говорят сейчас, бизнесом: скупал по окрестным деревням подсвинков, откармливал их, а потом увозил мясо в Омск на продажу. На вырученные деньги прикупал ещё земли. В 1929 году, несмотря на то, что владел 30 гектарами, купил у общины ещё десяток га целины. Вспахал трактором «Фордзон» 6 гектаров, и Коля со старшим братом Владимиром за два дня засеяли это поле.

Работали только сами, не прибегая к наёмному труду. Но всё равно их считали кулаками и обложили твердым налогом. Однако, выкручивались, благо ни сил, ни времени не жалели. Хозяйством в основном занималась мать с пятерыми детьми, отец же почти постоянно находился в разъездах, стремясь как можно быстрее реализовать продукцию. И когда в 30-м году докатилась волна раскулачивания до Боголюбовки, дома его не оказалось. А остальных...

Лес рубят — щепки летят

Остальных выбросили из-под родной крыши и привезли на Кулай-речку — приток Черталы. Стоял март. Их выгрузили прямо на снег.

Предаваться горю времени не было, надо было думать, как жить. И стали строить шалаши, а потом рубить избы. Но это те, в семьях которых были мужики. Кто не смог соорудить хотя бы подобие жилья, ударились в бега через болота. Но достичь «большой земли» удалось мало кому. Этот путь назвали впоследствии «дорогой смерти».

По этой дороге раньше приезжал к Максименкам отец, привозя целую подводку хлеба.

Мать собрала необходимые документы и отправила жалобу аж в самую Москву. Видно, в хорошие руки попали они, так пришло разрешение вернуться на прежнее место жительства и распоряжение вернуть все, что было отобрано: две лошади, корову, жеребенка орловской породы.

Отец вступил в колхоз, находившийся в соседней деревне, но мать отказалась переезжать туда. Тогда отец перешел в совхоз, где разводили лошадей. Свойственная ему предприимчивость поначалу сослужила добрую службу: ему удалось по дешёвке купить 600 лошадей, чем заслужил благодарность директора.

Жизнь стала налаживаться. Но тут фортуна повернулась к Максименкам спиной: 15 мая 1931 года накатила новая волна репрессий. Алексея Максименко арестовали одним из первых. Директор совхоза кинулся было его защищать, но ему посоветовали утихнуть, пока сам не загремел.

Погрузили их вновь, на этот раз вместе с отцом, на баржу и повезли по Иртышу на север, затем по Оби до Каргаска. Люди падали, как мухи: каждый вечер хоронили в илистом обском берегу по 15—20 человек. И если в начале пути, в Коломино, баржа была так забита, что можно было только сидеть, то к концу дороги можно было уже лежать.

В Каргаске людей перегрузили на баржу «Сибпушнины», и Максименко со своими земляками попали на чижапскую землю. Шкипер Федор Цыган на катере «Остяк» повез их по Чижапке.

Остановились у яра, названного в честь жившего здесь остяка Максима Максимкиным. Место понравилось: кругом кедрач, вдоволь ягод и грибов, а речки полны рыбой. Да и озёра, которых было немало, кишели рыбой. А поскольку отец Николая был заядлым рыболовом, то местом остался доволен.

Воистину, кто малым доволен, тот у Бога не забыт. Тремя семьями начали рубить барак, половина которого отошла Максименкам, а во вторую вселились Кальченко и Ярченко.

Сложил Алексей с сыновьями русскую печь, настелил полы, а вдоль стен соорудил нары. Тут очень кстати выдали им месячный паек, и Алексей созвал всех соседей на новоселье:

Ласкаво просимо, шановни громадяне, на уху...

Охота пуще неволи

Отец пошел в рыбаки, а Коля с Володей — ему в помощники. Обеспечивали они семью рыбой, помогали отцу готовить дранку, кололи клёпку. А на следующий год вскопали в кедраче огород, рассадив сбережённый мешок картофеля. Урожай поразил: накопили целых 22 мешка! Собрали 60 ведер моркови, насолили 2 бочки капусты. Жить можно!

Отцу удалось купить ружьё, и Коля с Володей каждое утро плавали на обласке на охоту. Стрелять отец разрешал только 12-летнему Володе, но он отдавал ружьё Коле: тот не торопился, стрелял очень спокойно и всегда точно. Случалось, одним выстрелом брал сразу двух гоголей — эту хитрую птицу. Отцу не говорили, кто главный добытчик, но каждое утро до десятка уток привозили. И это было хорошим подспорьем в питании.

Но вот построили школу, и Коля с Володей сели за парты второго класса: первый они закончили в Боголюбовке. Однажды приходит Коля из школы и видит: над самым домом пролетел селезень и сел в конце огорода. Мальчишка быстро заскочил

в дом, схватил ружьё, выстрелил — селезень в руках. Только вернулся в ограду, как наткнулся на отца.

— Стреляешь, Колька? И давно?

Ни жив ни мёртв стоял мальчишка, ожидая отцовского арапника, зная, что тот скор на расправу. Но всё же признался, что стреляет с весны.

— Ну хорошо. Только соблюдай правила зарядки и разрядки ружья...

А с 12 лет отец уже сам брал Николая на охоту, благо Коля к этому времени с отличием окончил 4 класс, и на работу. Кроме клёпки и дранки готовили пихту. Сменная норма — 2 кубометра лапки. Нелегко приходилось мальчишке. Но он справлялся.

Наступило лето. Коля на обласке начал возить сводки на 70-й километр, где располагалась комендатура. Поднимался вверх по Чижапке на 25 километров, с трудом пробиваясь сквозь ревуший поток километрового переката у Белой горы и теша себя мыслью, что на обратном пути он уже лихо промчится вниз.

70-й километр тоже располагался на высоком яре. Комендант Кречетов обычно поджидал его на берегу. Это был представительный и строгий мужчина. Но справедливый, не в пример их уполномоченному, который ближе 5 метров не разрешал к себе подойти: сразу выхватывал револьвер.

Кречетов за руку, как со взрослым, поздоровался с Колей.

— Николай, ты, наверно, есть хочешь? Вот возьми бумажку, по ней тебе выдадут килограмм хлеба. А если ночуешь здесь — надо завтра пакет в вашу деревню послать, то утром ещё килограмм хлеба получишь.

Да за килограмм хлеба можно и не то сделать! Коля с радостью согласился.

Короткой оказалась жизнь в «раю»

Школу в посёлке сначала закрыли, потом вновь открыли, и Коля с Володей повторно пошли в четвёртый класс. А что

дальше? Учиться очень хотелось, и Коля сказал отцу, что в Чижапском детском доме есть и пятый класс, и шестой, а ему очень хочется продолжить учёбу.

— Ну что ж, — ответил отец. — В лесу лес неровен, а в миру — люди. Не всем же пахать. Работник ты хороший, но ученье поможет тебе в жизни. Пойдём к Кречетову, может, отпустит, в детдом отправит. Он как раз здесь.

Как на крыльях, полетел Коля к коменданту. Тот поздоровался опять-таки за руку, спросил, как дела.

— Хочу учиться, хочу в детдом.

Кречетов улыбнулся, послал за отцом.

Взяли в детдом Николая и семилетнего Петю, а Мишу и Лену определили в детсад. Кречетов сам проводил детей до Чижапки и всех пристроил. На прощание напутствовал:

— Учись так же, как работал, и с ребятами из детдома будь в дружбе. Запомни: горек будешь — расплюют, сладок будешь — расклюют.

Вслед за ребятами сбежал и Владимир. Тоже поступил в пятый класс.

Коля чувствовал себя так, словно попал в рай: не работаешь, а кормят «от пуза». Да ещё как! Белый хлеб, каша рисовая и другие каши, компоты, колбасы, мясные и молочные блюда, сливочное масло. Коля менял на хлеб и другие продукты различные вещи и игрушки собственной поделки и подкармливал Володю, который жил на квартире. За вечное собирание продуктов детдомовцы прозвали его Бурундуком.

Учились братья блестяще и пятый класс окончили с похвальными грамотами.

Каждой сношке — свои серёжки

Фортуна — девица капризная: только что смотрела в глаза и вдруг резко повернулась спиной — всех, у кого были живы родители, отчислили из детдома, в том числе и Колю, которому исполнилось 14 лет. Петю, правда, оставили.

Поехали они в Малый Яр, потому что поселок Максимкин Яр был ликвидирован. Снова новое место, снова надо было обустроиваться. И работать.

Жить стало много труднее. Погоревал Коля (кому-то квасок с хренком, а кому-то в зад пинком), да жить надо. Рыбы и здесь оказалось навалом, особенно в Малоярском чуворе. Трижды в день бегали на этот чувор, налавливая каждый раз по ведру окуней на брата. Рыба была крупной, однажды попался такой окунице, что Иван не мог его вытащить в одиночку.

К осени поехали в Максимкино, где знали много ягодных мест и где рос богатый кедрач. Николай установил норму для младших братьев: набирать за день по 3 ведра смородины. Сам тоже брал ягоду, сушил. Сухая смородина была в цене — 5 рублей за килограмм. А деньги были нужны в первую очередь на учебу и одежду.

Потом к братьям присоединился Владимир, и они вчетвером насобирали 100 мешков кедровых шишек. Шишки оставили в бараке, а с мешком сухой смородины поехали домой. Выручили за него 250 рублей, деньги по тем временам немалые...

К сентябрю вернулись в Чижанку. Устроились на квартиру к Гориным. Отец, провожая сынов, дал им ружьё. Это был замечательный подарок: глухарей и боровой дичи в округе было достаточно, а стрелок Николай отменный.

Так прошли два года. Николай с Владимиром окончили семилетку с отличием, и их без экзаменов зачислили в Томское педучилище. Впереди была взрослая жизнь.

Через тернии — к цели

1939 год. Томское педучилище. Провожая Николая с Владимиром на учебу, отец сразу предупредил, чтобы на большую помощь не рассчитывали, а комендант Кречетов пошутил:

— Хотя ученье горьким зрится, да сладкий плод от него стодится.

Стипендия была всего 50 рублей, и хватало её лишь на хлеб да сахар. Изредка позволяли они себе роскошь — сходить

в цирк или кино. А 7 января 1940 года ввели лимит на продажу хлеба. Однако, Николай оказался парень не промах: ухитрился проникать в столовую медиков и там получать ещё 600 граммов хлеба. Так что можно было жить, особо не голодая.

Проучились братья год и отправились на каникулы, поставив перед собой цель — заработать за лето столько денег, чтобы можно было одеться, обуться и кое-что скопить как прибавку к стипендии.

Но не зря говорится, что человек предполагает, а Бог располагает: в октябре учащимся сообщили, что стипендия отменяется. 30 человек сразу же бросили учебу. В их числе и братья Максименки. Николай пошел охотничать от колхоза, а с наступлением лета перешел на пихтовый завод. Следующую зиму отработал на лесоповале в Старо-Маргине. Надо сказать, что ему повезло с напарником: за зиму они с Сергеем Симкиным свалили 800 кубометров леса.

Сквозь огонь и дым пожарищ

Шла война. В первый год после её начала ссыльных кулаков и их детей на фронт не брали. Но потери оказались большими, особенно с началом Сталинградской битвы, и тут было уже не до деления. 20 сентября 1942 года получил повестку из военкомата и Николай.

По дороге встретился он с Иваном Дворенко, отличным гармонистом. Вскладчину купили гармонь, и жизнь пошла веселее.

В Новосибирске выдали новобранцам обмундирование, отправили в Омск. Месяц учебы в Чертовых Ямах и — в эшелон. До Москвы ехали 22 дня. Потом трое суток просидели на Казанском вокзале (в город не пускали) и снова погрузились в эшелон.

Их привезли в укрепрайон Клин — Калинин — Ржев. Располагались в окопах, а мороз трещал под 40 градусов. К тому же кормили плохо, по ночам — непрерывные атаки, днем — бомбежки. Личный состав рот пополнялся почти непрерывно, так как к концу дня, вернее к утру следующего, в роте оставалось

по 15—20 человек. Однажды привезли пополнение, состоящее из мужиков 50—55 лет.

Николая, как обстрелянного, грамотного солдата, назначили командиром отделения. А, узнав, что он отлично стреляет, направили в разведку.

Советские войска готовились к освобождению Ржева. Накануне атаки 30 января 1943 года разведчики вдруг обнаружили, что город свободен от оккупантов: немцы, опасаясь котла, скрытно и спешно вывели свои войска.

Кинулись вдогонку, и здесь не повезло молодому разведчику: немцы забросали их отряд минами, и Николай получил тяжёлое ранение в руку, да ещё и контузию.

Его привели в госпиталь в Клин, затем переправили в Шую, а оттуда в Чувашию. Руку он отстоял, не дал ампутировать, но пролежать пришлось без малого три месяца.

Учить и учиться

В августе добрался до родителей. В Каргаске военком посмотрел документы, оценил бравую выправку и то, что больше месяца Николай командовал отделением (для фронта это срок немалый) и предложил поехать в Тымск военруком.

Николай не спешил давать согласие, уж очень соскучился по лесу, хотелось поохотиться на боровую дичь: не раз ему снилось, что целится он из ружья в глухаря. Но только долго отдыхать ему не дали: из военкомата пришло предписание немедленно выехать в Тымск.

Поскольку Николай был хорошим математиком, ему тут же предложили параллельно с военным делом преподавать эту точную науку, поскольку учителей катастрофически не хватало.

Первый учебный год пролетел незаметно, а на следующий Николая направили в Вертикос, где находились дети, эвакуированные из Ленинграда. Работал военруком. А в 45-м ленинградская детвора вернулась в родной город на Неве. Директору настолько понравился молодой учитель, что она пригласила его ехать с ними,

обещая, что в Ленинграде ему помогут с учёбой. Однако Николай пожалел родителей: братья Владимир и Александр воюют, Иван учится, значит надо помогать. И он вернулся в Тымск.

Съездил в Колпашево, сдал экзамены за второй курс педучилища, и РОНО направило его учителем начальных классов в Усть-Тым. Согласился, рассудив, что учить — ум точить, а это всегда полезно.

В 1947 году Николая перевели в Мучпар. Понравилось ему здесь. Родителей перевез, и брат Александр сюда же приехал после фронта.

Николай женился, обзавелся хозяйством, спустя два года получил диплом, и на душе стало спокойнее: не зря говорят, что кукушка — не ястреб, а недоучка — не мастер. И в РОНО отношение к нему изменилось — дипломированный работник. И когда в Наунаке открыли семилетнюю школу, зав. районо Г. П. Шаволгин без колебаний назначил её директором Н. А. Максименко.

Директорствовал Николай Алексеевич год, а потом передал этот пост молодому человеку, имеющему высшее образование, сам же начал преподавать математику. В институт поступать не стал, потому что все чаще стала сказываться фронтовая контузия: голова болела при самом незначительном напряжении.

В 57-м Максименки переехали поближе к райцентру, к больнице. Николай Алексеевич стал заведовать начальной школой в Лозунге. Поселок был большим, детей много, и Максименко поднял вопрос об открытии восьмилетней школы. Его поддержал зав. РОНО Геннадий Антонович Моисеев, и за лето бригада гуцулов срубила здание школы. Первым её директором стал Николай Алексеевич.

Девиз: не сдаваться!

В начале 70-х школу в Лозунге закрыли, и Максименко остался без работы. Его педагогический стаж насчитывал 31 год. Здоровье слабело на глазах. После очередного сердечного приступа ему дали инвалидность II группы.

Но сдаваться не хотелось. Переехав в Каргасок, пошел в ПТУ воспитателем. Но спустя три года врачи настоятельно потребовали, чтобы он оставил работу, сменил обстановку и избегал волнений. Пришлось послушаться. Но сидеть без дела он не привык. И тут повезло: нашлось дело по душе — дежурным на причале. Всегда на свежем воздухе, на людях. Принимал и отправлял теплоходы. Чувствовал себя полезным членом общества, а для семьи — помощником: все же регулярно приносил зарплату. И он поставил перед собой задачу: недуг побороть!

Однако, болезни атаковали: случился инфаркт. Не сдался сибиряк! По совету врачей занимался физическими упражнениями, посильным трудом. И совсем было собрался вновь выйти на работу, как вдруг скрутило живот. Эскулапы предположили рак. Прооперировали, убрали вс` «лишнее», и он снова встал на ноги. Ежедневные прогулки, физкультура помогли окрепнуть. Николай Алексеевич решил, что самое плохое осталось позади.

— В лес и на рыбалку, конечно, пойти не могу, — говаривал он, — но через полгода-год снова буду на коне. Болезнь — зло, и я верю, что оно будет мною одолено.

Наметил цель — обязательно отметить свое 80-летие. Увы! Не дожил всего 9 дней. Сходил в поликлинику, где врачи отметили улучшение в работе сердца (так показала ЭКГ), и уже на подходе к дому почувствовал себя плохо. Сердце остановилось...

Терпеть и надеяться

Как-то мы с Константином Алексеевичем Серяковым ехали в одном автобусе в сторону Брагинского. Когда проезжали больничные корпуса, он, глядя в окно, заметил, что когда-то на этом месте было их поле, которое засевали овсом, а территория промкомбината — это бывшее место их хозяйственных построек. Потом показал рукой на покосившийся двухэтажный дом: «Это родительский дом. Его мои прадед и дед построили ещё в девятнадцатом веке, и ничего, стоит. Хотя и в землю врос, покосился, однако до сих пор живут в нём люди».

В этом доме родился отец Константина Алексеевича и он сам. Наверное, его дети тоже ро-

дились бы здесь, если бы не началось в 30-е годы пресловутое раскулачивание, и семья Серяковых не оказалась в Напасае.

Детство в памяти Константина Алексеевича отложилось как беспросветная работа. И одно лишь светлое пятнышко — огромная ель на краю обрыва неподалёку от дома, с которой хорошо просматривалась вся округа...

По путям-дорогам фронтовым

В Напасае Константин окончил семилетнюю школу. В сентябре 44-го был призван в армию. Путь лежал не на запад, а на восток, в город Свободный. А он, как и многие его сверстники,

рвался в бой. И когда объявили набор добровольцев для сопровождения штрафного батальона на фронт, он вызвался одним из первых.

Штрафники получили оружие, но без патронов, которые находились в специальном, хорошо охраняемом вагоне. Где-то под Иркутском, когда Костя с другом находился в наряде, исчезли двое штрафников. Комендант эшелона решил задачу просто: вы проворонили, вы их и замените (ему лишь бы сдать людей по списку). Вот так без суда и следствия парни оказались штрафниками. Поистине: судьба играет человеком.

По прибытии на фронт их с ходу бросили в бой. Каждый день состав батальона убывал наполовину, а то и больше. И каждый день прибывало пополнение.

18 дней шли непрерывные бои, а Костя оставался жив и здоров, воюя за двоих — себя и погибшего друга. Но когда-то кончается и везение: 4 января 1945 года по время массированной бомбёжки немцами позиций штрафников, его тяжело ранили — осколками разворотило правое плечо и левый пах.

Из полевого госпиталя Константина увезли в Красноярск. Мест в госпитале не хватало, и раненых размещали по частным квартирам, откуда они самостоятельно ходили в госпиталь на перевязки и обеды. Здесь и застало радостное известие о победе. Выздоровливающих начали отправлять: кого по домам, кого по воинским частям. Костя поехал в Свободный. Однако его бывшей части там уже не было, и комендант города направил парня в полк связистов, которые усиленно готовились к войне с Японией.

Начались бои. Однажды Константин с другом, находясь в разведке, заметили японского солдата, прохаживающегося с винтовкой на плече взад-вперёд. Вернулись в часть, доложили командиру и получили задание — снять часового и доставить в часть. Костя вызвался в одиночку сходить за «языком».

Обул на ноги мягкую обувь, прихватил гранату «лимонку», чтобы в случае чего долбануть по башке противника,

и отправился в путь. Подполз, слышит храп — спит японец. Долбанул, как и намеревался, по голове, связал руки, а когда «язык» очнулся, знаками показал, что, мол, надо идти.

В штабе Костю похвалили, пообещали, что будет представлен к награде. Забегая вперед расскажу такой случай. Когда в 2000 году Константинович Алексеевич узнал, что в военкомат пришла его награда — орден Отечественной войны II степени, решил, что это за тот давний случай на Курилах. Оказалось, что награда в честь 45-летия Победы. И хоть искала героя целых 10 лет, все же нашла.

Хлеб — на стол, так и стол — престол

Демобилизовавшись в августе 46-го, Константин вернулся в Напас и устроился старшим инспектором в райсобес. Спустя три года Тымский район ликвидировали, и он переехал в Каргасок. В собесе вакантного места не оказалось — устроился в нарсуд конюхом. Потом предложили поработать судебным исполнителем, а затем направили в Иркутскую юридическую школу.

Проработал в юриспруденции в общей сложности 24 года, до самого выхода на пенсию. Но поскольку дочери подрастали и им требовалась материальная помощь, Константин Алексеевич дома не сидел — и кочегаром поработал, и грузчиком в аэропорту. Да и подворье держал немалое — 3 коровы, 2 свиньи, овцы, куры.

Любил он, чтобы в доме всегда было, что на стол поставить: как говорится, хлеб — на стол, так и стол — престол.

Но годы идут вперёд, а не назад. Не под силу стало держать такое хозяйство. Огород, конечно, сажается, так что и овощи, и картофель в достатке, и стол по-прежнему не пустует. Но видеть, как нищает страна, ему всегда было очень больно. Частенько в разговоре приводил слова римского императора, который на предложение увеличить налог с народа, ответил: «Хороший пастух должен стричь шерсть с овец, а не сдирать с них шкуру».

А что мы видим? Объявили экономику рыночной, а предпринимателей, особенно мелких, топят, как кутят.

— Слушал как-то радиопередачу. Говорят, что 30 процентов населения России находится в депрессии. Страшная цифра — в голосе ветерана прозвучала горечь. — И всё-таки, я верю, что встанет наша страна на ноги.

А наиболее действенный метод выздоровления, по его мнению, — физический труд, способный улучшить благосостояние людей, укрепить их физическое здоровье, а вслед за тем психическое. И жизнь обязательно наладится, только надо для этого поработать, восстанавливая то, что по дури разрушали собственными руками. Терпение и надежда — вот его девиз.

Он знал вдохновенье труда

Сколько помню Дмитрия Григорьевича Погорелова, всегда он был приветлив, доброжелателен, разговорчив и очень остроумен. А ещё жизнелюбив: радовался каждому мгновению и дорожил каждым часом. Безделье — не для него: летом — рыбалка, зимой — ремонт и восстановление старых снастей, уже однажды выброшенных.

За работой время летит незаметно. Руки заняты, а мысли витают свободно, как бы поворачивая жизнь вспять.

Из Воронежа в неведомую даль

Сибиряками Погореловы стали в начале прошлого века, когда поиск лучшей доли привел их на Алтай. Дед был отличным сапожником, так что семья не бедствовала. А когда установилась в наших краях советская власть, получили Погореловы землю, развели хозяйство. Отец работал в военкомате, обучая призывников. Все было хорошо. Но началась коллективизация, и на предложение вступить в колхоз, отец опрометчиво заявил: «Зачем создавать колхоз? Есть рекомендация Ленина по созданию кооперативов, давайте скооперируемся».

Не учёл он, что инициатива во все времена была наказуема: уже на следующий день его увели из дома, по-скорому осудили и отправили в Нарым. Впрочем, вскоре разрешили забрать туда и семью, определив местом поселения деревню Русановку

Каргасокского района. Спустя шесть лет они переехали в Каргасок.

Через два года 18-летний Дмитрий был принят инструктором в райзо. Немало довелось ему поехать по окрестным поселкам, знакомясь с местами и людьми. А в 1940-м призвали в армию.

Шли они в огонь и дым...

Служил Дмитрий на Дальнем Востоке, а с началом войны оказался на Волховском фронте.

Стоял сентябрь 1941-го. Бои шли непрерывные, жестокие. Бойцы в пылу сражений и не заметили, как наступил холодный октябрь, заставший солдат в летнем обмундировании. Что и говорить, несладко пришлось.

Однажды ночью, после тяжелого боя, бойцы забылись крепким сном, а утром девять из них не встали. Обширное обморожение ног получил Дмитрий. Его вывезли в Бийский госпиталь, где он пробыл до февраля 1942-го.

Когда встал на ноги, попал в часть, формировавшуюся из выздоравливающих бойцов и новичков. Выдали им валенки, полушубки. Прибывшее начальство скомандовало: «Кадровые военные, два шага вперед!» Их отправили в распоряжение штаба полка, а оттуда в Бердский учебный батальон по подготовке младших командиров. Из них сформировали снайперскую бригаду, а Дмитрия назначили старшиной роты. В январе 1943 года он уже был на 3-м Украинском фронте.

После тяжелого ранения при форсировании Южного Буга Дмитрий Погорелов, выписавшийся из госпиталя, был комиссован по состоянию здоровья.

Главный жизненный этап

Прошло два года после возвращения под крышу родного дома. Дмитрий успел поработать в райзо инструктором и в школе военруком. И тут ему предложили принять районный Дом культуры. С этого времени и начался новый, главный этап его жизненного пути.

Познакомился Дмитрий Григорьевич с коллективом, активистами, пригласил учителей. Ему здорово помогло то, что жили в Каргаске в те годы сосланные сюда прибалты — люди грамотные, культурные, среди которых оказались и музыканты-профессионалы.

Начали ставить спектакли, сопровождаемые музыкой, потом организовали хор. Концерты самодеятельного коллектива Дома культуры принимались на ура. А когда в 1949-м из Напаса приехал М. К. Нестеров, ставший директором и руководителем хора, Дмитрий Григорьевич с головой ушел в работу художественного руководителя. По три-четыре спектакля готовили они за зиму. Репертуар был очень насыщен: тут и «Наталка-Полтавка», и «Свадьба в Малиновке», и «Ревизор», пьесы А. Островского, с которыми артисты выезжали даже в соседние районы.

Однажды поехали в гастрольную поездку на вёсельной лодке. Доплыли по Чижанке до Еремино, спустились по течению

до Васюгана и по нему уже поднялись до Рабочего. Больше месяца пробыли в пути. В каждом поселке — остановка и ежедневные концерты. Сделали остановку даже там, где жила всего одна остяцкая семья: спели свои песни, частушки. Благодарные хозяева накормили артистов лосятиной, напекли им в дорогу хлеба. Прямо на костре.

В 1961 году Погорелову предложили возглавить отдел культуры, и он четыре года успешно справлялся с нелёгкими обязанностями. А освобождён от должности был по совершенно нелепому поводу: в селе Ильино мужик застрелил двух односельчан, и Дмитрию Григорьевичу поставили в вину, что не воспитал жителей в духе социалистического общежития.

— Ничего, — успокоило его начальство, — вся жизнь — сплошная комедия. Не огорчайся, принимай народный театр.

И снова закрутилась жизнь, пока в марте 1971-го не пригласил Погорелова первый секретарь райкома:

— Есть мнение назначить тебя начальником ОРСа.

Отчаянно сопротивлялся Дмитрий Григорьевич, упирая на то, что совершенно незнаком с торговыми делами. Но Соколов сказал, как отрезал:

— Надо знать — узнаешь.

В торговой круговерти пролетели 11 лет. Подошло пенсионное время, но ещё три года Погорелов то и дело возвращался к работе.

Сколько необъяснимого и непонятого увидел он! Некоторые вещи просто «выбивали из седла». К примеру, делят мужские носки: каждому ветерану войны по две пары. А между тем целых три машины этих самых носков сожгли. Или уничтожались мясо, колбаса, печенье как порченные, хотя были вполне свежими, годными для реализации. Острой болью отзывалось всё это в сердце ветерана-фронтовика.

Спасала природа, в первую очередь, река — рыбаком он был прямо-таки одержимым. Ну, и конечно, свойственная ему жизнестойкость и вера в Россию, в её могущество и способность выстоять перед натиском даже самых чёрных сил.

Что миновало — забыть нельзя

В 1943 году Анисим Черноусов был призван на фронт. Решение призывать на фронт так называемых кулаков, а потом спецпереселенцев, обрадовало молодёжь: теперь они — не изгой, а защитники Родины. И это ненавистное слово «спецы» их не будет раздражать. Со всех деревень Васюганья собралось несколько сот здоровых парней и мужчин. До сих пор в ушах звучат переливы гармоней, песни, смех и причитания женщин — матерей, жён, невест. Много их осталось беременными, и их родившиеся дети никогда не увидели отцов, сложивших свои головы на полях сражений.

Как будто заговорённый

Анисим с товарищами попал на третий Украинский фронт. Его зачислили в артиллерию, в гаубичный полк 122-миллиметровых орудий.

Первый бой — при форсировании Днепра. Они благополучно на понтонах перевезли орудия и их залпами поддерживали наступающие цепи пехоты, уничтожая оборонительные сооружения и бронетехнику противника. Получили первые награды. Анисим до сих пор бережно хранит Благодарность Верховного Главнокомандующего за форсирование Днепра. Анисиму везло: в каких только переделках он ни побывал, а на нем — ни царапины. Словно заговорённый: шинель прострелена, поиссечена осколками, а сам цел, невредим.

Был такой случай. Прервалась связь с КП. Все до одного связисты, уходившие на восстановление связи, погибли. И тогда Анисим бросился восстанавливать связь. Вокруг ухали взрывы мин, снарядов. Он видел тела погибших товарищей. У одного из рук взял провода, скрутил — связь восстановлена!

Командование высоко оценила героический поступок сибирского парня, наградив медалью «За отвагу».

С боями прошли Румынию, Болгарию. Крепко досталось им в Венгрии. Около Балатона застряли, неся большие потери в живой силе и орудиях. Практически один Анисим остался цел, хотя, правда, был контужен, но оставался в строю. Наградой стала медаль «За боевые заслуги».

Прошли Югославию, брали штурмом Белград. На груди засияла награда «За освобождение Белграда».

Победа застала Анисима в Австрии. Они двигались в направлении города Граца, навстречу американцам. Опередили союзников и освободили концлагерь, где находилось около 15 тысяч заключённых разных национальностей. Увиденное в лагере потрясло до глубины души: перед ними стояли живые мертвецы, испуганно глядевшие на освободителей. Они не понимали, кто перед ними, поскольку ещё не видели советских военных в погонах.

Узнав о победе, узники бросились обнимать и целовать освободителей. Анисим, глядя на это подобие людей, его обнимающих, не смог сдержать слёз и плакал вместе с ними. И не он один. «Закалённые в битвах солдаты плакали, как дети», — писал об этом однополчанин Анисима А. С. Старычин из Абакана.

Война окончилась, но для Анисима началась действительная военная служба. В 46-м году их часть перевели на Украину, и наконец в 47-м он демобилизовался и поспешил к родителям в Майск.

На майской земле

В Майске Черноусовы оказались в 1935 году. А раскулачили их ещё в 31-м, когда они жили в Омской области. На баржах по

Васюгану довели до Салапичей, где они и прожили два года. Следующее двухлетие прошло в Осиновке. А потом уже был Майск. Здесь и в колхоз вступили, здесь Анисим за школьную парту впервые сел, хотя было ему в ту пору 11 лет.

Три года проучился и решил идти работать в колхоз. В 14 лет он выглядел старше своего возраста, и ему доверяли пахоту, другие мужские работы. На таких крепких парнях держались хозяйства на селе.

За предвоенные и два военных года было много раскорчевано земли под пашни. А новые земли давали богатые урожаем зерновых. По 2—3 плана хлеба сдавали государству, засыпали семенной фонд, да ещё хватало колхозникам.

В 43-м уже без мужчин убирали хлеба, и, хотя трудно пришлось (хлеб серпами жали даже подростки), но под снег урожай не ушёл!

...И вот родители встречают своего героя-солдата, у которого вся грудь в медалях, по которым можно проследить боевой путь его части. Завидный жених, счастливчик, один из тех редких участников войны, которые пробыли столько времени в боях и не получили даже царапины.

Анисим решил остаться в колхозе: жаль было расставаться со своими родителями. Работы хватало, но ему всегда по сердцу было строительство. Это знали все, и потому, если предстояло что-то построить или сделать капитальный ремонт, обращались именно к нему в полной уверенности: Анисим не подведёт.

Однажды и навсегда

Из соседнего посёлка Увал переехала в Майск семья Красновых. Анисим как увидел в клубе Аню Краснову, сразу решил: это моя! Познакомились, понравились друг другу, и Анисим сказал обрадованным родителям, что есть у него невеста. Их радость понять легко: сыну уже 32 года, пора обзаводиться семьёй, а им нянчить долгожданных внуков. Дождались — один за другим в молодой семье появились два сына.

Время шло. Анисим всё чаще стал задумываться: неужели его сыновьям придётся всю жизнь провести в этой глухомани? А тут брат жены Николай стал звать его в нефтеразведку. В колхозах уже не было прежней строгости, никто Черноусовых насильно не удерживал, и Анисим с семьёй переезжает вначале в Калчанак, а через год — в Маломуромку, где работала нефтеразведка.

Через годы, через расстоянья

В Маломуромке нефтеразведка базировалась до 1968 года, а потом всех перевели в Средний Васюган, где разведку преобразовали в васюганскую экспедицию. Анисим Васильевич работал в строительном цехе, главная задача которого — обустройство буровых, строительство дорог, базы.

Работы было много, как и много открытий новых месторождений нефти и газа. Анисим Васильевич вправе гордиться тем, что во всех открытиях этой экспедиции есть толика и его труда.

Подошёл пенсионный возраст, но Анисим Васильевич даже не думал уходить на отдых. Он ещё лет десять поработал. А в общей сложности его трудовой стаж в нефтегазоразведочных организациях 35 лет.

Его не забывают друзья-однополчане. Многие побывали у Черноусовых в гостях. Со многими он переписывается.

Конечно, годы и испытания не прошли бесследно, и 61-ю годовщину Победы довелось встретить не всем фронтовикам-однополчанам, но память о них, о былом всегда в сердце — о минувшем нельзя забыть.

Хотя и смолкли залпы орудий...

Ивану Николаевичу часто снится тот последний бой, когда он был ранен. Случилось это 30 января 45-го года.

В составе первого Украинского фронта их часть перешла через Одер и «зацепилась» за шоссе. На одной стороне — противник, на другой — взвод бэтээровцев. Иван поднял взвод в атаку и первым выскочил на шоссе. Тут же они попали под ураганный огонь противника. Повернули назад. Сильный удар в лопатку швырнул Ивана на землю. Разрывная пуля вырвала всё плечо...

Повоевал он немало

На фронт был призван в августе 42-го. Сначала — в учебку, поскольку на фронте не хватало младших командиров. Вместе с ним учились Л. Е. Писаров и Н. И. Кошкин из Каргаска.

Через шесть месяцев сержантами отправились на фронт. Но перед этим Иван Осипов как отличник боевой и политической подготовки некоторое время обучал новый призыв. Затем готовил снайперов.

На фронте Ивана назначили помкомандира взвода бронбойщиков — на БТРе тоже, мол, снайперы нужны. Рота старшего сержанта Осипова уничтожила немало вражеской техники.

...И вот атака с бронбойными ружьями против автоматов и пулемётов — многих не досчитались после боя. Долго вспоминался этот эпизод войны. Его привезли во Львов и только там «заковали» в гипс. Пока был на лечении, закончилась война

с Германией, затем с Японией. Комиссовали в октябре 45-го. Сразу поспешил к матери на Иртыш. Два года работал в колхозе, затем ушёл в леспромхоз.

Не страшны ни снег, ни слякоть

В 50-м году выучился на шофёра — рука к тому времени достаточно окрепла. А через пять лет поехал в Каргасок — сестра уж больно нахвалила здешние места.

Купил Иван домишко на Октябрьской и поступил работать в структурно-поисковую разведку. База находилась на месте бывшей СХТ: гараж, кузница, мастерская. Через год перевёлся из Каргаска в Новый Васюган, где ему очень понравилось. До сих пор Иван Николаевич с благодарностью вспоминает завхоза нефтеразведки Сычёва Анатолия Павловича, который устроил и оказал помощь новосёлу.

В то время монтировалась уже четвёртая секция на буровой вышке у озера Бездонное. Поднимали «фонарь» двумя старенькими тракторами.

Ивану дали четырёх грузчиков — женщин, и на своей машинешке они собирали по всему селу ломаный кирпич, который использовали под фундамент для лебёдки буровой.

А вскоре в разведку пришли «настоящие» машины. Иван

получил МАЗ— цементовоз, началась настоящая работа. Девять лет пролетело как-то незаметно. Много было разных интересных случаев, которые крепко засели в памяти.

Уехать из Нового заставила всё та же фронтовая рана. Рука стала сильно уставать и болеть.

Переехал в Усть-Сильгу, где была работа без дальних рейсов. Работал там до закрытия разведки и переехал в Каргасок. Много славных дел на счету Каргасокской экспедиции. Иван Николаевич очень гордится, что лично в них участвовал.

Ветеран проработал ещё целых три года после пенсии, больше просто здоровье не позволило. Много пережито, в том числе взлёт и падение Каргасокской НГРЭ. Но что экспедиция — вся страна «на боку». Иван Николаевич верит: придёт время возрождения, а пока продолжается испытание русского человека на прочность.

Ах, как хочется застать время подъёма, чтобы не было тревоги за внуков. Но эхо войны с каждым годом всё сильнее даёт о себе знать. Давно смолкли залпы орудий, а в мыслях Иван Николаевич всё ещё на фронте, всё воюет за будущее детей и внуков и верит, что оно будет достойным, как и будущее России.

И отыскалася в жизни стезя

84-я весна наступила в жизни Афанасия Терентьевича Юрьева. И хотя он живет один (несколько лет назад у него умерла жена), Афанасий Терентьевич бодр, полон жизненных сил и всегда готов прийти на помощь соседям. По мере своих сил копается в огороде, ходит на рыбалку, летом наслаждается чистым воздухом в деревне и тишиной.

Дом его стоит на высоком берегу протоки, впадающей в Обь. Кругом сосны, и деревня называется Сосновкой не зря. Дочери, из которых одна живёт в Германии, а другая в Юрге, зовут к себе, но разве можно его оторвать от такой красоты?

Недавно я читал стихи алтайского поэта Владимира Башунова, и одно из них почти слово в слово пересказывает «мысли вслух» Афанасия Юрьева:

Вот и я дождался, сны мои сбываются:
Родина, деревня, сосны, тишина.
Воду в дом таскаю, огород копаю,
Покурю, подумаю, просто огляжусь.
Руки тяжелеют — значит, привыкаю,
Люди окликают — значит, пригожусь .

Интересные совпадения в рассуждениях поэта и пожилого человека о житейских делах.

В краю, где прежде жили староверы

Ещё в начале 20-го века семья Юрьевых бежала из Омской области. Они добрались до села Мирное Парабельского района, основанного староверами, бежавшими от преследований

ещё в петровские времена. Занимались охотой, земледелием, животноводством. Собирали отменные урожаи ржи, пшеницы, ячменя, овса.

С приходом советской власти уклад крестьян стал меняться. В 29-м году стали организовываться артели, колхозы. Отец Афанасия, Терентий Юрьев был против вступления и в артель, и в колхоз. В 30-ом году его арестовали, и сгинул мужик.

Афанасий проучился в школе только четыре года, а потом пошёл в охотники. Райцентр был в 40 километрах от Мирного, и добраться до него можно было летом только пешком.

Началась война. Афанасий все так же охотничал и всегда перевыполнял задание по добыче пушнины — «мягкого золота». И он, и другие охотники знали, что на это «золото» закупалось вооружение, продовольствие, техника в США и Англии, и старались во всю. На лучших охотников налагалась бронь и они гордились тем, что их труд помогает ковать победу над врагом.

«Боги войны»

В 43-м году 19-летний Афанасий пошёл на фронт.

Сначала новобранцев привезли в Бердск и начали из них готовить артиллеристов. Обучали опытные, побывавшие в боях «Боги войны». А через пять месяцев «новоиспеченных» артиллеристов увезли в Тамбов. Там распределили по воинским частям. Афанасий попал в истребители танков. Ещё два месяца его вместе с другими новичками «натаскивали» по материальной части 76-миллиметрового орудия, обучали секретам ведения боя.

И вот первый бой. Они стояли под Киевом. Огнём своих орудий преграждали путь немецким танкам, стремившимся сбросить десантников в Днепр.

Ночью, погрузив орудия на плоты, форсировали Днепр. Вроде было не страшно, но страх всё же присутствовал, где-то под кожей. Как писал поэт А. Исаев:

Подкожный страх!
Он восходил, как ртуть,
Со дна небронированного сердца...

Первые бои, первые награды, первые ранения, контузии. Но так велик был такой наступательный порыв, что легко раненые и контуженные не покидали своей части.

Афанасию особенно запомнилось форсирование Вислы, когда немцы кинжальным огнём из пулемётов выкосили все их боевые расчёты на плотях. Сапёры вылавливали плоты с орудиями и убитыми артиллеристами, а ночью навели понтонную переправу.

Пополнили боевые расчёты новым составом артиллеристов и утром оказались на другой стороне. Их часть наступала в направлении Чехословакии.

Везде уже праздновали победу. А они вступали в бой с танками противника, которые прорывались к Праге. Не пропустили.

В феврале 1946 года Афанасий был демобилизован. Из Томска до Пудино он шел пешком, правда, кое-где подвозили на быках.

Пришел солдат с фронта

На фронте он стал коммунистом. В Пудино, когда становился на учёт в райкоме партии, ему предложили возглавить Чижапский сельсовет, в который входили деревеньки Мирное, Томбаево, Калганак, Калугино, Амурка. В них были небольшие колхозы и охотники.

Через несколько лет молодого председателя переводят в более крупный сельсовет, в Рогалёво. Затем сельсоветы объединили с Тавангой. Началась компания по укреплению колхозов. Направляли председателями 20 тысяч человек из руководителей среднего звена производств. Направили и коммуниста Юрьева заместителем председателя колхоза в Тавангу.

Он помнил завещание отца: ни в какие колхозы не вступать. «Пепел стучал в его сердце». Два года все же проработал в Таванге, хотя чувствовал себя предавшим отца.

Однажды ночью он сел в обласок и уехал вниз по речке Чижанке до реки Васюган. Доехал до поселка лесников Рабочего. Здесь приняли его в лесничество и направили лесником в Шкарино.

Из Пудино пришло сообщение, что за побег из колхоза Афанасий Терентьевич исключен из партии. Начальник посоветовал написать в обком. Дальше дело пошло по известной схеме: обком прислал письмо в Каргасокский райком, и секретарь РК Далазин С. А. вызвал Юрьева на бюро.

В это время началась распутица, и Афанасий по радиации попросил рассмотреть его дело заочно. Получил строгий выговор и был направлен заместителем председателя правления сельпо в Усть-Тым. Проработал два года и снова ушёл в лесхоз.

10 лет прожили спокойно. В его семье родились две дочери. Как говорят, дом — полная чаша. Но в 67-м году вспомнили, что он работал и председателем сельсовета. А как раз искали председателя в Сосновский совет. Пришлось переезжать в Сосновку.

Жене и дочерям сразу понравилось здесь. Особенно расположение дома: с высокого берега видна была Обь и идущие по ней суда, вокруг поселка сосновые и кедровые боры. Почва песчаная, но огороды так удобрены, что картофель родился отменным как по вкусовым качествам, так и по урожайности. Место рыбное, людное, в лесу много дичи и зверя всякого.

Жил достойно и любя

Вот уже 40 лет пролетели на этой благословленной земле. И никуда не хочется отсюда уезжать.

Девятый десяток разменял ветеран, и гордится тем, что, как сказал поэт Е. Артюхов,

Жил достойно и любя
Всех, с кем на белом свете дышим,
Не отделяя от себя !

И снова память давней раной ноет

Мне всегда казалось, что работники сельского хозяйства отличаются от ветеранов других производств: осознание того, что они являются кормильцами страны, невольно вырабатывает в них степенность и особую статью.

Когда я только познакомился с Николаем Никитичем Васильевым, как-то сразу подумал: «Сельхозник и как минимум бригадир». И не ошибся: до ухода на заслуженный отдых Васильев работал в колхозе бригадиром,

а затем управляющим отделением в совхозе.

«И как на первое свидание, иду я к молодости той»

В деревне Тарахлы Шегарского района в конце 20-х годов прошлого века случился большой пожар. Много народа осталось без крова, и далеко не все погорельцы пожелали оставаться в Тарахлах. Один из селян, Каличкин, звал на новые земли, в Кривошеинский район. Он же первым срубил новый дом на высоком берегу Шегарки. Он же активно помогал всем новоселам. И нет ничего удивительного в том, что новый поселок единогласно решили назвать Каличкино.

Дома крестьяне рубили добротные.
Глаголом, кошелем и брусом
Дом строился. С резным крыльцом,
С обдуманым мужицким вкусом,
И каждый — со своим лицом.

Бывшие хлебоборобы, они в первую очередь начали строительство водяной мельницы на Шегарке. Нашелся и мастер —

Михаил Путинцев. А когда мельница была готова, вся округа съезжалась сюда, потому что мука получалась отменная и хлеб из неё отличался особой пышностью. Даже из Шегарки везли зерно в Каличкино.

Николай, привезённый сюда двухлетним малышом, как строились дом и мельница, не помнит, но вот наводнение запомнил хорошо. До сих пор стоят перед глазами ужасающие картины падающих в реку с подмытого берега домов.

Потом деревню перенесли выше, мельничную запруду восстановили, и жизнь потекла дальше.

В 1933 году Коля пошел в первый класс. И все бы ничего, но стал камнем преткновения русский язык, и Коля начал сбегать с уроков то на ферму, то на поля. Отец сердился, заставлял учиться. Только все было напрасно: окончив начальную школу, Николай пошел работать в колхоз.

— Ну, что ж, добрый разум наживешь не сразу, — сказал отец. — Иди и зарабатывай. Не выучит школа — выучит нужда.

В Каличкине в это время стоял тракторный отряд Володинской МТС, и Коля постоянно крутился около техники. Механизаторам по душе пришёлся смешлёный паренек, и они взяли его к себе учётчиком. Жалеть не пришлось: с математикой Николай был в ладу, и его сводки отличались точностью. Правда, над писаниной подшучивали:

— Где чихнуть пришлось — запятая, где икнулось — двоеточие, а где табаку понюхать — точка.

«Кровь лили мы на каждой пяди»

9 мая 1943 года Николая Васильева призвали в армию, хотя до 18 лет оставалось более полугода.

Привезли новобранцев в Юргу. Получили они обмундирование, приняли присягу, а дальше — по воинским частям.

Николай попал в артиллерийский полк. Полтора месяца проучился в разведзвезде полка и — на фронт.

Прибыли в Карелию, в Лодейное Поле. Линия обороны проходила по реке Свирь. Шла подготовка к наступлению. Подобрали штурмовой отряд, и после артиллерийской и авиационной подготовки штурмовики ринулись на передовые укрепления финнов. Вскоре командир отряда сообщил, что укрепления взяты без единого выстрела.

По-видимому, этой операции командование придавало большое значение, потому что на штурмовую группу из 22 человек буквально пролился «золотой дождь» — всем было присвоено звание Героев Советского Союза.

Полк, в котором служил Васильев, вошел в состав 14-й артиллерийской дивизии резерва Главного командования. Позднее она была направлена на штурм линии Маннергейма, которую уже взламывали советские войска в 1940 году. Она перегораживала Карельский перешеек на протяжении 135 километров, уходя в глубину почти на сотню километров.

Николаю, правда, штурмовать эту линию не довелось: в августе 1944-го Финляндия «вышла» из войны, а часть, в которой он служил, была передислоцирована под Минск; и воевал артиллерист Васильев в составе армии генерала Чуйкова на 1-м Украинском фронте, которым командовал маршал Жуков.

За освобождение Варшавы Николай получил медаль, за форсирование Одера — орден Красной Звезды, за взятие Берлина — орден Отечественной войны II степени.

После взятия Берлина дивизию, в которой он служил, отвели в город Наумбург-Зале. Здесь ему вручили ещё две медали — «За взятие Берлина» и «За победу над Германией».

И хотя война закончилась, служба его продолжалась до 1948 года. Демобилизовавшись, сержант Васильев поспешил в родное Каличкино к заждавшимся его родителям.

«Ни одной тропинки я не позабыл»

Наконец он добрался до дома. Господи, красота-то какая! Целую неделю ходил по окрестностям знакомыми тропинками, ни одну из которых не позабыл за пять лет, любовался и не мог налюбоваться.

Потом отправился в Володинскую МТС и устроился трактористом. Работал в родном селе. А через год упростили фронтовика принять полеводческую бригаду. Ну, разве мог он не уважить колхозников? Так и бригадировал девять лет, пока не образовался совхоз «Володинский», куда Каличкино вошло одним из отделений. Васильева назначили его управляющим.

Всякое довелось пережить, руководя бригадой, а затем отделением. Что такое человеческий фактор, постигал на практике. А это не так и просто.

Он знал людей неблагодарных,
Проказ, лукавцев, пустомель...
Добро и зло идут по кругу,
Как чёт-нечёт, как тень и свет.
Вдруг не протянешь руку другу
Лишь оттого, что веры нет...

Потом директор совхоза Павел Тимофеевич Журавлев задумал ликвидировать Каличкино, а людей перевезти в Володино. Страшно не хотелось народу покидать обжитое место, так что переселение стоило многих усилий, споров и откровенной ругани.

Николая Никитича Журавлев очень уважал и сразу же предложил ему должность управляющего центральной усадьбой совхоза. Посоветовавшись с женой, тот согласился, тем более, что нужно было учить детей, приобрести дом или квартиру для дочери в Томске, а это немалые расходы.

В Володине Николай Никитич проработал до 1987 года, пока не заболела жена и не возникла необходимость жить поближе к областной больнице. Тогда они переехали в Томск и стали жить в доме, который в своё время купили для дочери.

**«Теперь я без особого труда всё больше понимаю
одиночек»**

Семь лет назад Николай Никитич овдовел. Жил один, но возраст сказывался все сильнее, да и здоровье подводило. На помощь пришел совет ветеранов, выделив ему квартиру в новом ветеранском доме на улице Ивана Черных.

Условия жизни, конечно, прекрасные, но, как пишет поэт В. Федотов,

Тревожнее и острее
Переносятся невзгоды...
Неужели мы стареем
С изменением погоды?

Всякие атмосферные катаклизмы сказываются на самочувствии, настроении в таком возрасте. Однако ветеран сохраняет бодрость духа. Он все так же худощав и строен, как в далекой молодости, его зеленоватые глаза смотрят на мир пытливо, с интересом.

Ему далеко не безразлична судьба страны, судьба деревни. С большим сожалением говорит он о развале сёл, считает, что в одиночку людям не выжить, тем более, что за годы колхозной и совхозной жизни они отвыкли от единоличного труда. И это одна из причин повального пьянства на селе. Коллективное начало — основа всей сельской жизни, считает ветеран. Он верит, что село непременно вновь твёрдо встанет на ноги, и вся наша жизнь изменится к лучшему.

Года идут, а сердце не стареет

Моим соседом по комнате в санатории «Строитель» оказался крупный, внешне похожий на маршала Жукова, мужчина Фёдор Николаевич Фаустов.

Зная о своем внешнем сходстве с маршалом и стараясь ещё более подчеркнуть это, он даже делал такую же причёску, как у маршала Победы.

Да и в разговоре не раз приводил высказывания Г. К. Жукова, в частности, «Оглядываясь назад, мы всегда будем помнить о тех, кто не щадил себя для Победы над врагом нашей Родины», или его пожелания молодежи: «Среди вас живут бывшие солдаты. Относитесь к ним бережно...будьте предупредительны. Не оскорбляя гордости, относитесь к ним чутко и уважительно. Это очень малая плата за то, что они сделали для вас в 1941—45 годы».

Федор Николаевич — человек очень общительный, моментально располагающий к себе любого собеседника.

Мы много говорили о пройденном им жизненным пути, и у меня сложилось впечатление, что он относится к той категории людей, которых судьба «ведет под ручки».

Какое щедрое внимание судьбы

Родился Фёдор на Алтае, в селе Романово в 1926 году. Когда ему исполнилось восемь, семья переехала в Кемерово. Там он и пошел в школу.

Три года прошли безоблачно. И вдруг обрушилась беда: арестовали отца. Что только не пришлось пережить семье «врага народа»: презрение окружающих, переходящее в полное отчуждение, не на кого было опереться, неоткуда ждать помощи.

Однако судьба вновь повернулась лицом. Даже в те страшные годы бывали счастливые случайности: отец сумел доказать свою невиновность и через два года его освободили. Причём, ему вернули награды, выплатили зарплату за все время, проведённое

в тюрьме, и направили на работу в Новосибирск, а точнее, на 179-й завод, что находился в Кривошеково.

После окончания семилетки Фёдор пошёл учиться на шофера. В 16 лет получил права и машину ГАЗ-АА. Стоял 42-й год.

Война его не миновала

Отец, ушедший на фронт добровольцем, погиб на Курской дуге, и семнадцатилетний Фёдор подал заявление в военкомат с просьбой отправить на фронт, чтобы заменить погибшего отца.

Его направили в учебный полк, располагавшийся в Бердске. Спустя восемь месяцев «новоиспечённых» сержантов уже отправляли на фронт. Однако некоторых, в том числе и Фаустова, из Омска вернули в Бердский учебный полк: сержанты нужны были и в тылу, чтобы обучать молодых солдат миномётному делу.

В июле 1945-го года 21-й запасной полк, в котором служил Фёдор, подняли по тревоге и повезли в Монголию. Снова учёба.

Окончивших курсы миномётчиков распределили по разным частям. На этот раз и Фёдора направили в часть, которая стремительно наступала, да так, что он с товарищами целую неделю разыскивал её.

Война, жестокая, кровопролитная, не миновала сержанта-миномётчика. Цепкая память сохранила многие картины тех опалённых огнём дней. Он отчетливо помнит, как преградили им путь японские танки. Завязался бой.

Первые два дня судьба берегла Фёдора: он оставался цел и невредим. На третий день на их позиции вновь устремились японские танки, не обращая внимания на потери. «Наверно, камикадзе», — подумал Фёдор, глядя, как одна за другой вспыхивают вражеские машины, но танковая атака не ослабевает.

И тут везение изменило ему. Только он выглянул из окопа, чтобы подкорректировать стрельбу миномёта, как прямо перед

ним взорвался снаряд. Сильно ударило по глазам, окоп засыпало землёй.

Контуженного, ослепшего Фёдора откопали и отправили в госпиталь. А в голове пульсировала только одна мысль: «Глаза выбило. Как жить слепому?»

Но вот и госпиталь. Прочистили, промыли глаза, и, о чудо, он видит! Это судьба вновь проявила свою благосклонность: в госпитале оказался специалист — окулист, который и сделал его зрячим.

Демобилизовался Фёдор в 1950-м году.

«Не уйдет, но отнимется: биографией станет»

Семь лет не видел он матери. Жила она в Первомайском районе, и Фёдор поспешил туда.

Начиналась мирная трудовая жизнь. Мать посоветовала поступить на работу в организацию «Табак-сырьё». Как послушный сын, внял совету и устроился туда шофёром. Своей колоритной внешностью он сразу бросался в глаза. Вот и «присмотрел» его председатель райисполкома Михаил Лукьянович Хмелев, пригласил к себе водителем.

16 лет работы в райисполкоме стали для Фёдора хорошей школой жизни, он не только зарекомендовал себя высококлассным водителем, но и стал отличным механиком. И когда ДРСУ понадобился старший механик, райисполком рекомендовал именно Фаустова.

В ДРСУ Фёдор проработал 10 лет. А потом дала о себе знать фронтовая контузия: Фёдор серьёзно заболел и был вынужден оставить любимую работу.

После выздоровления его назначили председателем ДОСААФ. И ещё десятилетие прошло в работе, пока контузия вновь не напомнила о себе, вынудив уйти на отдых.

Только ведь отдых для сельчанина — понятие относительное, забот и хлопот хватало. Огород, коровы, свиньи, овцы, куры — уход за всем требовал времени и труда. Правда, жена, Мария

Павловна, внимательно следила за состоянием его здоровья, за тем, чтобы не переутомлялся, побольше отдыхал. Но вдруг и сама начала недомогать.

Стали понемногу сокращать хозяйство, а к концу девяностых годов и вовсе ликвидировали. Решили переезжать в Томск поближе к областной больнице.

Переехали в 1999-м. Оказалось, что поздно. Фёдор Николаевич овдовел и вот уже семь лет живёт один.

28 августа ему исполнилось 80 лет. Преодолевать житейскую усталость помогает то, что рядом дочери и внуки, которых он по-прежнему согревает своей добротой и лаской.

«Война меня преследует повсюду»

Командованием авиаполку, в котором служил Гаврила Чичигин, была поставлена задача — уничтожить сильно укрепленный мост под Даугавой, по которому непрерывным потоком шли войска, техника, вооружение на помощь немецким войскам, сдерживающим наши воинские части, рвавшиеся в

Восточную Пруссию. Наши авиаторы несли большие потери, особенно бомбардировщики.

Тогда и была задумана военная хитрость: в воздух поднимается армада бомбардировщиков в сопровождении истребителей, а в момент, когда внимание немцев сосредоточивается на них, к мосту на бреющем полёте прорывается Ил -2, прозванный нашими солдатами «летающим танком», а немцами — «шварценгод», что означает «чёрная смерть». На Илах были установлены реактивные миномёты — «Катюши», после залпов которых всё горело, и трупы солдат были чёрными.

Они вернулись живыми

Перед операцией с экипажем штурмовика со слезами на глазах прощался командир части. Он каждого обнял, поцеловал, ведь уцелеть — это все понимали — был один шанс из тысячи. Полковник напутствовал Гаврилу Чичигина — стрелка-радиста, которого звал «охотником», такими словами:

— Ну, охотник, действуй! Как говорится, на всё воля Божья: и на печи умрёшь, и в сражении уцелеешь. Вернись живым!

Всё получилось: под шумок Ил прорвался к мосту, дал залп из орудий и бомбы сбросил. Гаврила нажимал на затвор фотоаппарата, укрепленного на турели с пулемётом. Позади себя он вместо моста видел только огромные водяные столбы. Мост был уничтожен, а Ил благополучно приземлился на своём аэродроме. Вот это была встреча! Ведь живыми никто не предполагал их увидеть. Прилетел генерал, командир дивизии:

— Где наши герои, где эти соколы?

Все думали, что за этот героизм они получат высокие награды. Героя получил начальник их политотдела, видимо, за идею уничтожения моста с жертвой одного экипажа, а они, неожиданно оставшиеся в живых — благодарственные письма с подписью Верховного главнокомандующего, что тоже немало.

Твёрдая рука и меткий глаз его не подводили

Судьба милостиво отнеслась к Гавриле Чичигину. Он родился в 1925 году недалеко от п. Инкино в семье селькупов — рыбаков. В 30-м году селькупам предложили ехать в Тымский национальный район. Так семья оказалась в Напасе.

Отец рано начал брать с собой на охоту Гаврилу, который охотно постигал азы промысла, научился стрелять белке в глаз, чтобы шкурку не попортить. Не гнушались они и рыбалки. После 5-го класса Гаврила стал кадровым охотником.

25 апреля 43-го года ему исполнилось 18 лет, и его сразу призвали на фронт. Как отличного стрелка зачисляют в авиацию на курсы стрелков-радистов. Через полтора месяца — на фронт. Посадили на Ил-2. Командир спросил, приходилось ли раньше летать.

— Только во сне.

— Это уже хорошо, каждый должен ощутить прелесть полёта. Главное, хорошо на учебе поражаешь мишени. Стреляй так же метко по вражеским самолетам.

И Гаврила стрелял. Многие самолеты врага, получив порцию свинца, отставали от их «горбатого». А однажды прицепивший-

ся к ним «мессершмидт» он отправил прямо на землю. Получил первую награду — медаль «За отвагу».

Авторитет Гаврилы-охотника заметно вырос в полку, и командир Ила дорожил своим стрелком, обеспечивающим экипажу прочный тыл, а главное — сохранность самолёта.

Но однажды при атаке объекта противника их всё же подбили. Самолёт дотянул до аэродрома и грохнулся. Все получили травмы, но в госпиталь ехать отказались. Больше всего досталось Гавриле — сильно ударился головой и повредил позвоночник. Но всё равно, пролежав в медсанбате 3 дня, он не отстал от своего экипажа, который был освобождён от боевых вылетов по контузии и переведён для перегона самолётов с завода на фронтовые аэродромы. Из Куйбышева Илы перегоняли на аэродром, находящийся недалеко от линии фронта, а оттуда на полевые аэродромы.

Их экипаж совершил 50 боевых вылетов, провёл в боях 31 день. Так было принято в авиации, что за 30 дней боёв экипаж получал высокие награды. За месяц боёв был представлен к награде и Гаврила Чичигин — к ордену Славы III степени, который так и не получил.

И вот снова боевой вылет и героическое его выполнение. Гаврила Александрович до сих пор уверен, что его экипаж был представлен к званию Героев Советского Союза. Подвиг этого заслуживает, ведь сколько тысяч жизней наших солдат они спасли, насколько приблизили Великую Победу.

Обратился в архив Минобороны. Пришли интересные документы, отнёс их в военкомат, а там их затеряли. Может быть, военкомат теперь сам сделает запрос, раз уж виноват в утере важных документов. Награда должна найти своего героя.

Война оставила свой след

После окончания войны Гаврила остался служить в военной авиации. Его часть стояла в Липецке. В 1950 году старший сержант Чичигин демобилизовался и после семи долгих лет

разлуки появился перед родителями. Пошел работать в колхоз охотником. Через два года женился на Аннушке Монголиной, приехавшей из Верхнекетского района, с которой в согласии прожили 50 лет.

Прожита большая жизнь, но тот последний их боевой вылет снится всюду: и в лесу, и дома, и в гостях, и здесь, в ветеранском доме. В компьютере памяти навсегда отложилось, что их посылали на смерть. Эта война преследует его всегда и, видимо, так будет до конца дней.

Гаврила Александрович с гордостью говорит о своей причастности к тому, как маршал Победы Георгий Жуков «проскакал по стягам, брошенным врагами».

Вознесённый землёй Васюганской

В 1970 году бригадир укрупненной бригады Нюрольского ЛЗП Семён Хасанович Бахтеев был награждён орденом Ленина.

Все члены бригады, жители посёлка Мыльджино были рады тому, что такая высокая награда досталась великому труженику.

Выдюжить и выжить

Человек всегда будет счастливым, если он не брезгует трудом. Примерно так говорит отец Семёна Хасан Бахтеев.

Они жили в городе Славгороде Алтайского края. Зажиточная была семья — своя мельница, два магазина, один из которых торговал скорняжными изделиями, изготавливаемыми здесь же — шапками, тулупами, полушубками, рукавицами и многим другим.

Семья у Хасана Рахматуловича была большая — четыре дочери и три сына.

В 31-м всё отобрали у Бахтеевых, а самих усадили в поезд и, — до Новосибирска. А там пересадили на баржи и вниз по Оби до реки Васюган. По Васюгану довели баржи до речки Нюрольки, и начали подниматься по ней вверх, пока позволяла осадка баржей. Высадили на берег в лесу, вблизи болота. Почти две с половиной тысячи человек.

Выдали топоры, лопаты, верёвки. И началось обживание пустынных берегов: рыли землянки, строили шалаши, кто мог, ставил дома и бараки. Поскольку все были или из Славгорода, или из его района, то посёлок называли Славгородкой.

В первую же зиму 1300 переселенцев умерли от голода, холода и болезней. Хасан Бахтеев, хоть и призывал всех выдюжить, выжить и трудиться, свою семью в целостности сохранить не сумел: умерли два сына, старший и младший, а вот средний, шестилетний Семён, выжил на радость родным.

Как бы ни было тяжело, но посёлок отстроился. Создали колхоз, начали корчевать лес под пашню, а потом засеяли хлебом первые гектары...

Каргасокский лесхимсоюз настаивал на том, чтобы село было передано ему. И добился. Построили заводик по выработке смолы и скипидара. А это значит, что селяне получили дополнительную работу.

В Славгородке Семён окончил начальную школу и начал учиться в Усть-Чижапке. А через два года началась война. Отец, хотя и мечтал видеть своего наследника грамотным,

образованным человеком, но не стал настаивать, чтобы он пошёл в 7-й класс. Подросток стал работать в артели, наравне со взрослыми по 12 часов в сутки.

В июне 44-го он получил повестку из военкомата. Ему не было и 18-ти.

Их имена забыть не должны

Новобранцев привезли в Бердск, выдали обмундирование. Семёна зачислили в миномётчики. Учёба длилась два месяца. Потаскал он на своей спине и трубу, и лафет, и плиту! Каждая весом 22 килограмма.

А потом сели в эшелон, путь которого пролегал в Прибалтику.

Началась фронтовая жизнь с освобождения Таллина. Правда, теперь говорят, что советская армия оккупировала этот город. Погибших в боях за Таллин хоронили как героев-освободителей. Теперь приходится перезахоранивать останки. Это ли не кощунство — трогать прах погибших, предавать забвению имена тех, кто жизнью заплатил за освобождение города от коричневой чумы фашизма!

Но вернёмся к военным годам. Миномётчиков отвели из города на хутор Генки. Не успели расположиться, как налетели немецкие самолёты, вниз полетели бомбы. Семён впервые попал под такую массированную бомбёжку: несмолкаемый грохот, смерть всюду гуляет по полю. Осколок одной из бомб перебил ему голень правой ноги.

Раненых собрали, убитых похоронили. Семёна увезли в госпиталь на Украине. Он буквально вымолил не ампутировать ногу. Четыре месяца срастались разбитые кости. Но молодость взяла своё — он встал на ноги, и его прямо из госпиталя отправили в Челябинское танковое училище. Спустя два месяца младший сержант Бахтеев уже командир орудия тяжёлого танка. Вместе с другими бойцами его отправляют на Дальний Восток. 6 августа эшелон прибыл на границу с Манчжурией. В этот день американцы сбросили атомную бомбу на Хиросиму.

8 августа Советское правительство объявило войну Японии, и 9 августа наши войска всей своей мощью обрушились на Квантунскую армию. В этот день американцы сбросили вторую атомную бомбу, на Нагасаки.

Семёну довелось участвовать в штурме Чанчуня и Харбина. Вышли к Порт-Артуру. А 2 сентября Япония капитулировала.

В Порт-Артуре простояли до ноября 45-го. Семен получил сразу несколько наград — орден Отечественной войны, медали «За победу над Германией» и «За победу над Японией». Новый год он встретил во Владивостоке, где его часть охраняла японских военнопленных. Только весной 1948 года он был демобилизован.

Первым делом решил навестить сестру, живущую на Кубани, которую он не видел с пятилетнего возраста. Четыре месяца прожил там, а потом захотелось домой, где край родной и север милый, где можно поохотиться и порыбачить. Домой, где с нетерпением ждали его родители.

В Каргасок приехал осенью, когда Обь уже сковал лед. Начал пробираться по зимнику в Славгородку. Через неделю был дома... Как сказал поэт А. Исаев,

И вот он — позабытый клочок земли,
И вот она — негаданная встреча...

Годы трудовой славы

Отгулял Семён весёлые встречи с друзьями-сверстниками, оставшимися в живых, и устроился на работу в лесхоз. Сбылась одна мечта — он попал в тайгу.

Три года проработал лесником и решил перебраться с семьёй в Мыльджино — там как раз открыли лесоучасток. Работать начал вальщиком леса. А лес вокруг — загляденье, каждая сосна — кубометр. Так что план выполнял «играючи».

Вначале лес валили лучком, потом появились бензопилы, а на Нижнем складе и электропилы. Вот туда Семёна и перевели — нужен был толковый руководитель, чтобы не задерживалась работа заготовителей.

Бригаду, которую возглавил Бахтеев, укрепили. Теперь на Нижнем складе был один хозяин, и работа пошла, повысились эффективность и качество.

Бригадир был молод, собой хорош, и все девчата заглядывались на крепкого рослого парня. А ему по душе пришлась Маша Руппель, и больше ни на кого он не смотрел. В 56-м сыграли свадьбу. Потом появились две дочери и наконец долгожданный сын, названный Юрием.

Авторитет бригадира был огромен. Он — бессменный депутат сельсовета, три созыва избирался депутатом районного Совета. Итог работы — награждение орденом Ленина.

Методы работы укрупнённой бригады Семёна Бахтеева внедрялся не только в районе, но и в области. Это был пик его трудовой славы.

Все дети получили образование, добились уважения и признания людей: хорошая «закваска», которую они получили от

родителей, оборачивается успешной работой, где бы они ни трудились.

Человек жив, пока живёт в нём память

Пришло время, когда стали выдавать небольшую компенсацию за порушенные в 30-е годы хозяйства. Семён Хасанович тоже написал заявление о выплате компенсации. Запросили документы, в ответ на что пришла справка: у семьи Бахтеевых были реквизированы конь с упряжкой и тулуп. Про дом и мельницу, магазины, склады, конюшню и ещё одного жеребца ни слова. И выплатили за всё про всё Семёну Хасановичу 3,5 тысячи «деревянных». Он лишь махнул рукой: Бог с ними, своим трудом он добился многого.

Годы берут своё. Стало пошаливать у обоих супругов Бахтеевых здоровье, и решили они переехать в райцентр, поближе к больнице. Купили в Каргаске дом. Правда, не удачно — местность болотистая, и летом в подполье стоит вода, которую приходится откачивать по три раза в день.

Районная администрация не осталась равнодушной, предложила прекрасную благоустроенную квартиру в новом четырёхэтажном доме. Но Мария Иосифовна все никак не может решиться — жалко бросать землю, привыкла к своему огороду, любит работать в нём, пока есть силы. Хотя возраст перешагнул планку 80-ти.

А в заключение хочу подчеркнуть, что Семён Хасанович на Советскую власть, по сути лишившую его детства и юности, зла не держит и мстить не собирается, памятуя японскую пословицу: «Собрался мстить — выкопай две могилы».

Он благодарен руководителю проекта «Прощение и память» Валентине Михайловне Зарубиной. Этот проект всколыхнул жителей района и заставил задуматься о том, чтобы не допустить подобного в будущем.

И не надо забывать, что человек жив, пока живёт в нём память.

Часть вторая

Я снова в прошлое стучусь

Была война. Был быт суровым,
Без меры — горя и тоски.
В лесу подохшую корову
Рубили бабы на куски.
Была грызущей, непрестанной
Их материнская печаль.
Рубили, прятали, на санках
Домой возили по ночам.
Война корёжила и мяла,
С земли шли беды и с небес.
Войну кляла, я помню, мама:
Ходила ночью в тёмный лес.
О, мама, понял, подрастая,
Ты всё отдашь — детей спасти,
И эта жертвенность святая
Мне светит факелом в пути.

Василий Новокшионов

Жизнь моя, иль ты приснилась мне...

После разговоров с людьми, которые были высланы, или, как раньше говорили, раскулачены, после знакомства с их жизнью, жизнью их детей до меня дошёл смысл слов, сказанных одним умным человеком: «Бедность — это состояние души, это не исправить. А разорение исправить можно».

И действительно. Какому разорению подверглись крестьяне — богатые и середняки! Но ведь, в основном, встали на ноги и зажили по-человечески. Пример тому — Галявины.

В Нарымский край, в тайгу глухую

Жили Галявины в деревне Мысы Омской области. Была деревня большой и зажиточной, с раскинувшимися по берегу озера улицами.

Куприян Осипович Галявин, объединившись с братом, купил жатку-самосброску — солидную по тем временам технику. Бла-

годаря ей, они не бедствовали, нанимаясь к односельчанам жать хлеба в период уборочной страды. Платили им хорошо, а если у кого не было денег для расчёта, те отработывали на уборке хлебов у самих Галявиных. Так и попали они в разряд кулаков, и в 32-м году во время коллективизации власти приняли решение о высылке их семьи. Из всего немалого подсобного хозяйства разрешили бедолагам взять лишь одну лошадь.

Загрузили они подводу скарбом, посадили поперх детей и дедов и отправились, как поется в одной из песен, «в Нарымский край, в тайгу глухую, в распроклятый Васюган».

Высадили их на берег Васюганской протоки. Осмотрелись люди, убедились, что к жизни местность эта, затерявшаяся среди болот, мало приспособлена. Однако, не сидеть же сложа руки. Начали рыть землю, опускать срубы. А пока строились, обитали в землянках: сыро, холодно, да и голодно. И так до 36-го года. Сколько же за это время было похоронено! Галявины схоронили старшего брата Василия и деда с бабкой.

Но лошадей удалось сохранить, и осенью того же года мужики запрягли их и поехали рубить дома в Майск. Захватили с собой по пути народ из посёлков Смелый и Новая жизнь, что располагались около Среднего Васюгана.

Детства-то и не было

Сын Куприяна Галявина Василий за школьную парту сел уже в Майске — селе, в котором насчитывалось целых четыре колхоза. Основные направления — хлебопашество и животноводство. Только под пашни было раскорчёвано мозолистыми крестьянскими руками свыше двух с половиной тысяч гектаров земли. Гигантский труд!

В 40-м привезли на майскую землю спецпереселенцев из Прибалтики — латышей, эстонцев, литовцев. Среди них оказался всего один мужчина, остальные — женщины и дети. Потом прибыли немцы с Поволжья, задержавшиеся, правда, не надолго — увезли их в Берёзовку.

И без того тяжёлая жизнь стала ещё тяжелее с началом войны. Что такое детство с его радостями Василию, как и остальным его сверстникам, не довелось испытать: они работали наравне со взрослыми будучи совсем мальцами. Мальчишек садили верхом на лошадей и отправляли на утрамбовку силоса, девчонки пололи колхозные поля, которые основательно зарастали осотом, молочаем, васильками и прочими сорняками.

11–13-летние подростки считались уже взрослыми. Они гребли сено, возили копны, боронили пашни, пахали. Как правило, школы в селах были только начальными, и дети после их окончания становились кадровыми рабочими колхозов, причём работали безо всяких скидок на возраст: по 12–14 часов в сутки и без выходных.

Василию Галявину едва исполнилось 14 лет, как председатель колхоза отправил его на лесозаготовки: вместе с такими же, как сам, четырьмя пацанами он должен был вывозить с делян лес. Правда, бригадиром поставили взрослого мужика. Весь зимний сезон проработала мальчишечья бригада в Мыльджино, а потом вернулась домой.

Можно представить, как они важничали, гордились собой, и как завидовали им младшие, ведь они вернулись при деньгах, в то время как в колхозах деньги совсем не платили, и работал народ за «палочки». Взрослые лишь добродушно улыбались их степенному поведению: умудрённые жизненным опытом, они прекрасно понимали ребят. Но вся степенность моментально исчезала, как только начинались игры и танцы — они тут же превращались в обыкновенных мальчишек.

Испытание холодом

Пять зим подряд провел Василий на лесозаготовках. Никакого снисхождения на возраст не было: не выполнил план вывозки — домой не поедешь.

Рядом с мальчишками валили и кряжевали лес девчата по 16–20 лет. Понятно, что и они, ползая по глубокому снегу, не

выполнив нормы, не могли идти отдыхать. Потому старались свалить деревья засветло, обрубить все сучья, собрать и сжечь, и уж потом приниматься за раскряжёвку.

Василий Куприянович вспоминает о работе на Махне, где начальником был некто Хахолин. Строгость его граничила с жестокостью: даже в 50-градусный мороз отправлял он на работу.

Барак, в котором жили, был большой, проконопаченный плохо, потому в нем постоянно стоял холод. Сушилки не было вовсе, и даже плохонькая одежонка и обувь не успевали за ночь просохнуть. Однажды, в лютый мороз, девчата решили не ходить в лес в сырой одежде. Затопив печь, развесили её для просушки. И тут прибежал начальник. Схватил ведро с водой и плюхнул его в печь, после чего выгнал всех на мороз.

Что оставалось делать? В лесу сразу же запалили костры и начали греться. И тут прибыл посыльный из Желтого Яра с объявлением, что день актирован, то есть считается нерабочим. Обрадовались, по-быстрому собрались и вернулись в барак. Снова растопили печь и организовали мытье со стиркой. Ни бани, ни столовой, ни магазина, понятно, не было, и без мытья всех буквально атаквали вши. Это было что-то невообразимое: снимаешь рубашку и кажется, что она шевелится.

Подобная картина стоит перед моими глазами. Старший брат вернулся с лесозаготовок. Снимает с себя черную отцовскую косоворотку, которая от обилия вшей кажется серой. Мать тут же хватает её и отправляет в русскую печь для выжарки.

Но в последний год работы Василия в лесу на Махне уже многое изменилось: построили баню, столовую, специальную камеру для выжарки одежды, к бараку пристроили сушилку. Появились магазин и прачечная. Дошла и сюда цивилизация.

И сеял, и жал, и зерно молотил

В армии Василию служить не довелось. Трижды в течение лета 45-го года получал он повестки из военкомата. Садился с другими призывниками в обласок и грёб по Васюгану. А расстояние-то

немалое — 360 километров. Бывало, приплывают парни в Новый Васюган, а остальных призывников уже отправили. Возвращаются назад. Так и проездили всё лето, а там и повестки приходиться перестали.

В 49-м Василия направили в Колпашевскую зооветшколу, после окончания которой он три года проработал колхозным ветфельдшером. Но уж очень тянуло его к технике. В том же Колпашеве с отличием окончил школу механизации и, вернувшись, получил новенький ДТ-54 и комбайн СК-4.

Началась будничная работа: пахать, сеять, косить, молотить, зимой — корма вывозить. Приходил опыт, а вместе с ним и уважение. Василий Куприянович стал заметным человеком на селе. В 1972 году его назначили управляющим отделением совхоза «Майский».

Дела в начале шли очень даже неплохо. Совхоз добился 100-процентной сохранности скота, за что главного ветеринарного врача Ивана Ивановича Губерта премировали мотоциклом.

Что и говорить, люди работали на совесть, и результаты труда были налицо. Василий Куприянович, даже оформившись на пенсию, ещё несколько лет не расставался с работой. Теперь отдыхает. Вот только не дает покоя душе сегодняшняя действительность. Горько видеть, как умирают села, с которыми связана почти вся его сознательная жизнь.

...Помните, сказанную в начале фразу, что «разорение можно поправить»? Поправится ли наше сельское хозяйство, как и всё остальное? Или это уже стало «состоянием ума»?

Пролетели годы вереницей

Простая русская женщина. Сколько тяжестей перенесли эти хрупкие плечи, даже вообразить себе трудно. Но ведь выжила и славных детей воспитала. Ей всё было по плечу. Это Вера Филимоновна Дивина, которой в день Победы пойдёт восьмидесятый год. Поражаешься, как можно, пережив такие ужасные потрясения в детстве и юности, а также и во взрослой жизни, достичь столь солидного возраста.

Детство, опалённое репрессиями

Семья Дивиных жила в селе Коинсас Седельниковского района Омской области. Семья большая — девять детей. Держали много скота, владели кузницей и магазином. К тридцатым годам старшие дети уже имели свои семьи.

Отца предупреждали о грядущих бедах, но очень уж не хотелось ему в это верить, и он долго раздумывал: жаль было разрушать крепкое хозяйство, ведь чем больше таких хозяйств, тем крепче государство. Но, побывав в других районах, понял: надо бежать в тайгу и что можно успеть — распродать.

Начал активно продавать скот и имущество, только было уже поздно. Однажды ночью нагрянули вооружённые люди и увели отца. Больше о нём семья ничего не слышала. Мать предупредила, что всё их хозяйство вместе с домом передаётся в колхоз.

На следующий день её с тремя младшими детьми посадили на телеги и повезли в Новосибирск. Там погрузили на баржи и привезли в Усть-Чижапку. Ей повезло — удалось сохранить всех детей. А сколько их зарыли в ил реки Оби!

Из Усть-Чижапки на неводниках повезли дальше — по реке Чижапке до устья реки Салата. Здесь, в бору, на высоком берегу Салата стали строить себе жилище.

Создали артель. Основное занятие — клёпка, бондарные работы, дрань, ружболванка, дрова для заводов СПШ. Заготавливали багульник и гнали масло для химической промышленности.

Земли под пашни было мало. Раскорчёвывали небольшие участки и засевали льном — надо было шить одежду.

Четырёхлетняя Вера не помнила ни дорогу, ни деревню, откуда их вывезли, и Салат стал самым родным местом, малой родиной. Тем более, что деревушка располагалась в очень красивом месте.

Детей с самого раннего детства приучали к труду. Они теребили лён, увязывали его в снопики и составляли в суслоны. Затем подсохший лён расстилали по полю, а через определённое время вновь собирали в снопы и увозили на сушилку. Потом женщины «трепали» его на мялках, чесали и готовый лён отдавали девчонкам прясть.

Умелые руки пряли тонкие нити, которые шли на ткань для мужских рубаш, кофточек женщинам и на полотенца. Нитки потолще — на полотно, из которого шили штаны и юбки. Готовые полотна стирали и расстилали на берегу для выбеливания. Потом драли кору с лиственниц и краснотала для покраски полотна. На вечерках щеголяли в новых портяных одеждах. Все это прочно отложилось в памяти.

Начальную школу Вера окончила в 39-м году. Очень хотелось учиться дальше, но она вынуждена была идти работать.

Богатством не сияла юность

Работа для подростков в промартели была такая же, как у взрослых. А уж рубить пихтолапку поручалось только им. Они залазили на дерево и, постепенно спускаясь вниз, обрубали сучья ножом или топориком. У каждого была норма — кубометр пихтовых веток. За недобор можно было лишиться пайка. За этим строго следили. Бывало, что не хватало светового дня, и приходилось дотягивать до нормы в темноте. Кушать-то хочется!

Самое простое — пилить дрова для спиртопорошкового завода. Трудоёмкая работа, но «втягивались» и норму выполняли. Пилили 70-сантиметровые чурки, кололи и складывали.

Правда, кору надо было ошкурить, но это делалось уже около завода перед загрузкой дров в реторты. А из бересты гнали деготь.

Потом Веру перевели скотником. Тоже нелегко. Покосов вдоль по Салату не было, и сено готовили по Васюгану, около Наунака. Жили в Наунаке по месяцу. Позже это стали называть вахтовым методом.

В войну, в 1944 году, артель была преобразована в лесоучасток. Установили пилораму, стали готовить лес. Семнадцатилетней Вере дали лучковую пилу, и они с подружкой Марусей Подопригора стали валить лес, кряжевать. В их же обязанности входило делать подъезды к сваленному лесу, сжигать сучья. Как-то умудрялись выполнять планы, работая по 12 часов — с 6 утра до 6 вечера.

Когда Веру перевели на пилораму, ей там показалось много легче, хотя надо было по покатам закатить бревно на транспортер, а после распиловки снять готовый материал и уложить в штабель. Чередовались: один день накатывали бревна, второй день убирали готовый пиломатериал.

Пролетают годы вереницей

В 64-м лесоучасток объединили с лесхимзаводом «Красная звезда», находившимся в Жёлтом Яре, но уже через два года, в связи с внедрением в промышленность дешёвых заменителей спиртопорошка, все заводы СПШ закрылись. Люди стали разбегаться кто куда. Лесоучасток Салат присоединили к Каргасокскому леспромхозу топливной промышленности, и посёлок просуществовал ещё до 1970 года. Затем лесоучасток закрыли, а людей отправили в Большую Гриву и Восток.

Вера решила с детьми переехать в посёлок Восток. Там снова пошла транспортировочным рабочим в цех лесопиления и проработала семь лет.

Появились внуки. Сыновья начали уговаривать мать, мол, хватит, ты не костяшками в конторе щёлкала, а всю жизнь

баланы катала, пора и о здоровье подумать, и с внуками повозиться. И вот с 16 мая 1977 года Вера Филимоновна — пенсионерка.

О работе теперь напоминают нажитые болячки, медали и грамоты, полученные за ударный труд. Сколько же кубометров перетаскали эти натруженные руки, эти хрупкие женские плечи! И совсем не лесной богатырь передо мной, а лишь миловидная женщина с задорным блеском глаз. Особенно тогда, когда заговорили о проведении досуга в войну и в пятидесятые годы.

Работая в лесу, находили сухую кедру и для вечёрок напиливали смолёвых чурочек для чувальчика, который пристраивался (прикладывался) к печи для освещения. А вечером молодёжь пряла, ткала, вязала, пела и плясала под балалайку. Было весело, и никто не думал, что назавтра снова в лес на 12 часов.

Вера Филимоновна показала мне справки, в которых указано, сколько у них отобрали коров, лошадей, молодняка, овец, кур, гусей, уток, а ещё дом, кузницу и магазин. И за всё это выплатили всего 8 тысяч деревянных рублей на всех.

Интересно, кем бы она стала, если бы не раскулачивание?

А сейчас осталось одно — просыпаться на рассвете и благодарить Бога, дарующего ещё один день.

В политику она не вдаётся, но в разговоре прослеживается сожаление, что рухнула такая великая страна и миллионы людей потеряли свою Родину. Вера Филимоновна считает, что не стоит поливать грязью прошлое, ибо в святом Писании сказано: каким судом судите, таким и вас судить будут.

Доктор Феня

Ласковые белые халаты —
Много слов о вас говорено.
Звали вас по именам когда-то,
А теперь оно у вас одно.
Это имя не дают с рожденья,
Это имя надо заслужить.
Имя добывается терпением —
В битвах и сражениях за жизнь.
И не важно, врач он или фельдшер,
Лаборант, а может, медсестра.
Все равно мы говорим, бывает, шепчем
Ваше имя — имя «доктора».

Владимир Черновский, пос. Светлый

— Поехали, доктор. Мой баба, однако, захворал.

— А что случилось? И куда ехать?

— Та переменный он, родит, однако, в Калганаке.

Федосья Галактионова — «доктор Феня» — быстро взяла свой чемоданчик с

необходимым набором лекарств и инструментов, плащ — и на берег. По пути забежала к санитарке, наказала присмотреть за детьми, хозяйством да мужу передать, что поехала в Калганак... О покое лишь мечталось.

Беспокойная работа у фельдшера— акушера на селе, тем более когда к медпункту приписаны ещё несколько деревень.

А транспорт — обласок. Когда они с мужем приехали из Томска, поначалу даже близко боялись подходить к такой «скорлупке». А сейчас, глядишь, сама уже может сносно ездить.

Семья Корякиных оказалась в Каргаске в 60-м году — по состоянию здоровья врачи порекомендовали переехать в деревню. Здесь им предложили несколько посёлков на выбор. Остановились на Калганаке, где был крупный лесоучасток, а значит, и работа для мужа.

Правда, поговаривали, что переведут этот участок в Тевриз. И действительно, через три года переехали. Жизнь в поселке была ключом, молодежи было много, и Федосье частенько приходилось принимать роды.

Хорошо, что в Томском медучилище она основательно подготовилась к самостоятельной работе. Как же пригодилось всё это ей сейчас! Работы хватало с лихвой, о покое можно только мечтать: в ночь-полночь приходили за ней, и она, быстро собравшись, уходила из дома, чтобы спасти человека, оставляя детей одних.

Бывало в работе всё: и радости и огорчения. Приняла раз новорождённого, а он не дышит. Тут же массажик ему, похлопывание по спинке и, наконец, — первый вздох. Ожил малыш, вспыхнула в нём жизнь, как огонёк на лучинках, при свете которых он появляется на свет...

А помимо основной работы Федосья много ещё занималась общественными делами — бессменный депутат сельского совета, член исполкома, возглавляла культурно-бытовую комиссию. Беседы, лекции — всё это тоже отнимало немало времени.

Сложно, но интересно

Федосья Галактионовна, или Феня Галкина, как звали её в детстве и девичестве, жизнь свою вспоминает в разных тонах. Но в основном в светлых. Хоть и хватила семья Галкиных лиха всякого, в памяти остались только хорошие воспоминания. Плохие как-то приглушались. Сейчас, конечно, жалеют, что уехали из

Томска, лишились квартиры, а значит, в чём-то ущемили детей. И в тоже время столько всего хорошего пережито в посёлке! Как сложно было начинать жизнь на селе. Но зато как интересно!

В Калаганске, помнит, была больница на десять коек. Кроме того, участок обслуживал Маломурку, Тевриз, Петровку и остояцкое поселение Калганак, что располагалось недалеко от лесоучастка. Главврач Чуев посылал Феню во все посёлки. Здесь и научили управлять обласком.

А в Тевризе как жизнь расцветала, с каким оптимизмом смотрели в будущее! В те времена из года в год увеличивались государственные ассигнования на нужды здравоохранения, постоянно совершенствовалась медицинская помощь населению, появилась санавиация. Тяжелобольных, травмированных и рожениц стали отправлять в райцентр и даже, если была необходимость, в областную больницу. Жизнь становилась лучше, и на душе было радостно, ведь в училище преподаватели внушали, что самое дорогое у человека — его здоровье, а здоровье — это и работоспособность, и долголетие.

Истины эти Федосья Галактионовна усвоила с юных лет и старалась, как могла, бороться за их торжество. А если случалось ей, как доктору, ловить последний вздох человека, видеть перед собой смерть, тяжесть на сердце ложилась огромная. А ещё давило чувство перед родными умершего, хотя умом понимала, что сделала всё возможное, а то и невозможное, что перед смертью и врачи бывают бессильны.

Стоит ли о прожитом жалеть

В любых воспоминаниях есть одна особенность: как бы ни были они точны, ярки и насыщены, вчерашний день видится нам в свете сегодняшнего.

В 97-м Федосья Галактионовна закончила свою трудовую деятельность и переехала в Каргасок. Сегодня с грустью осознаёт, насколько всё изменилось. Трудно стало доставлять больных в районную больницу — санавиация в том виде, как и раньше,

«приказала долго жить». А внук по состоянию здоровья нуждался в постоянном врачебном наблюдении. Знать бы, что всё так сложится, может, и осталась бы жить в городе, работала бы в 4-й поликлинике, куда после окончания училища устроилась медсестрой. Но, опять же, мужу, который, работая начальником цеха на одном химическом предприятии, заработал аллергический бронхит, нужен был свежий воздух. Словом, выбор был сделан, и жизнь прожита именно так. Жалеть о чём-то поздно и вспять не повернуть.

Своей квалификации Федосья Галактионовна не потеряла и сегодня. Она знала и любила свою работу, и когда осталась не у дел, то лишь формально. А на деле... Идут к ней соседи, знакомые, просят совета, сделать прописанные уколы. Она никому не отказывает. Не привыкла. Считает своим долгом помогать ближним согласно данной в юности клятве Гиппократов.

А мы — рабочие земли

В Новый Васюган Иван Ситников приехал осенью 55-го после службы в армии. Как раз в октябре там организовывалась Нововасюганская нефтеразведка, преобразованная впоследствии в Западную экспедицию.

Молодого служивого с удовольствием взяли в бригаду плотников: нефтеразведка обустроивалась, и плотники нужны были в первую очередь, потому что начиналось всё с инфраструктуры — строили гаражи, мехмастерскую, электростанцию, кернохранилище, склады, жильё, культбазу и другие объекты.

Был здесь главный момент

Наконец приступили к обустройству буровой вышки, место которой определили на краю села, около озера Бездонного. Вручную (лопатами) копали котлован под фундамент. Из техники и было всего ничего — два трактора. Да и те без конца ломались: то поочередно, то оба враз. Потому их берегли и использовали только для подвозки стройматериалов. Да ещё когда «фонарь» вышки поднимали.

Иван со своей бригадой плотников, подготовив фундамент под вышку, перешел к строительству сарая, желобов под раствор, а с приездом монтажников-высотников стали помогать монтировать вышку.

И вот она готова. Как писал наш земляк-поэт, воспитанник Усть-Чижанского детского дома Никон Сочихин,

Стоит буровая,
Как литой монумент
Тем, кто, звёзд не срывая,
Был здесь в главный момент.

А главный момент — 4 ноября 1956 года — забурение, которое осуществила бригада в составе бурильщика Григория Попова, помбура Андрея Варенникова, верхового рабочего Ивана Ситникова, рабочего буровой Григория Прудникова и дизелиста Александра Черныша. Пробурили шурф под квадрат, установили трубу и прошли первые 60 метров в глубь Земли.

Иван сменил профессию, перейдя из плотников в верховые рабочие. Курсы были весьма краткосрочными: А. А. Варенников поднялся вместе с Иваном на вышку, показал приёмы работы и, попрощавшись, ушёл. Как писал Сочихин,

Всё «Вира!», «Майна!», круть да верть
И в ясный день, и ночью хмурой

Кстати, сам Никон Сочихин прошёл такой вот путь на буровой: рабочий, помбур, буровой мастер, инженер по эксплуатации скважин. Потому мир его поэзии — суровые рабочие будни нефтяников, красота родной природы, любовь, осмысление жизни и своего места в ней. Это о себе и своей бригаде он пишет:

А мы — рабочие Земли.
И знаем мы, что это стоит...

В полной мере и Иван узнал, что это стоит. Более четырёх лет просуществовала буровая. Скважина была разведочной, а потому всё время отбирался керн.

Потянуло в родные места

Прошло несколько лет. Иван узнаёт, что на Новый Игол переезжает Бочкарёвская нефтеразведка. И вместе со старшим братом Петром они решают отправиться на родину: тянуло в родные края, тем более что и мать там жила.

На Новом Иголе начальник нефтеразведки как раз набирал рабочих, утрясал вопросы с лесничими, сельсоветом и

колхозом об отводе земли под строительство посёлка нефтяников. Но оформление на работу проводилось в посёлке Колбаса Кыштовского района Новосибирской области. Вертолёт тогда ещё не летали, и братья пешком, через болота, отправились в Колбасу, находившуюся за 100 с лишним километров.

Большое болото переходили в самом узком месте, которое называется Воронов перешеек и тянется всего 4 километра. А вокруг — ни кустика, ни деревца. Когда-то купцы с «большой земли» вели дорогу на васюганские зем-

ли, богатые пушниной, кедровыми орехами, грибами и другими щедрыми дарами природы. Дорога дошла до болота, а далее 4 километра были загачены лесом. Уже всё было подготовлено для засыпки гати землёй, но помешала война 1914 года. Так и остался перешеек недопомощённым.

Устроились братья плотниками. После работы и в выходные рубили себе дом на две квартиры.

Зимой начала прибывать техника. Механик М. И. Слезко, узнав что Петр — шофёр, предложил ему вездеход ГАЗ-47, а Иван со своей бригадой обустроивал буровую, находившуюся в 30 км от посёлка. Дорога к ней шла по гриве, но тяжёлые трактора так размолотили её, что она превратилась в канал, заполненный жидкой грязью, по которому медленно «плыл»

вездеход. Любители побаловаться ружьишком свободно вышаживали из кузова на бровку дороги и шли рядом, постреливая дичь. Сколько же её было в те годы!

Мне прихотилось проделывать этот путь до буровой тогда и лет 25 спустя. Куда девалась птица? Даже рябчиков не видел. Ужаснулся и вновь вспомнил Сочихина:

Нет, я не против, что нефть мы открыли.
Будем ещё открывать.
Против, что снова Сибирь покорили...
Всякие люди сюда понаехали —
Соколы и пустельга.
И оскудела грибами, орехами,
Ягодой наша тайга.
Звери ушли и большие, и малые,
Дичи совсем не видать...

Не нравилась Ивану организация труда в этой нефтеразведке. Например, вахта, отработав своё время, не дожидаясь смены, останавливала буровую и уходила домой. По 2—3 дня, бывало, простаивала буровая. А отсюда и частые аварии, прихват инструмента и другие беды.

Возвращение в Васюган

В июле 61-го он уезжает в Новый Васюган, заявив, что отсюда больше никуда не двинется до самой пенсии. И сдержал слово: кроме Западной экспедиции, нигде больше не работал до ухода на пенсию в 1988 году. А Игольскую буровую так и бросили. Дважды бурили скважины и дважды обрывались колонны, хотя по приборам и образцам керна специалисты доказывали наличие нефти. Западная экспедиция подтвердила это, пробуравив рядом скважину, давшую нефтяной фонтан.

Пётр также вернулся в Новый Васюган, получил вездеход. Довелось ему немало поездить по местным гатям.

Веселое — ехать — дело
По сваленным в топь стволам,

Когда и мужское тело
Вот-вот затрещит по швам.

Но появились вертолёт, доставляющие вахтовиков на буровые. Пётр передал свой «газик» Дмитрию Алибурде, развесёлому балагуру, а сам он и Иван получили новые АТЛы (тягачи).

Случалось всякого немало

Чего только не случалось в дальних и близких рейсах! Однажды понадобилось доставить на буровую вертлюг с прикреплённым многокилограммовым квадратом. Погрузили эту махину весом в 2,2 тонны на сани, подцепленные к трактору, и в путь-дорогу. А на полпути сани развалились, и тракторист вернулся на базу. Вызвал механик-диспетчер Петра:

— Езжай на буровую, там на дороге лежит вертлюг. Кран загрузит его тебе, доставишь по назначению. Буровая из-за него простаивает.

Приехал Петр на место крушения. Подождал часок — нет погрузчика. Надо что-то придумать, пока светло. Увидел рядом берёзу с мощной раздвоенной верхушкой. Троса и зажимы у любого водителя в тайге всегда с собой, в кузове. Закрепил он вертлюг, перебросил трос через берёзу и потащил. Вертлюг поднялся над землей так, чтобы можно было подвести под него кузов. Тогда он закрепил трос и подвёл машину.

Потихоньку стал отпускать зажимы, и вертлюг «совершил мягкую посадку» прямо в кузов. А дальше проблем уже не было. Доставил куда положено и вернулся на базу, где его встретил диспетчер:

— Извини, Петр, задержали погрузчик, но сейчас он освобо-
дился, езжайте, а то буровая стоит.

— Так я же отвёз вертлюг.

— А кто грузил?

— Сам.

Этот же способ применил Иван, когда надо было погрузить электромотор, срочно требующийся на буровой, а погрузчика

не было. Подтащил он мотор к подходящей лесине (а весил тот полтонны), приподнял тросом и аккуратно установил в кузове.

Время шло. Петр по семейным обстоятельствам уехал в Тогур, а Иван продолжал осваивать всё новые виды техники.

Западная экспедиция всегда была на хорошем счету благодаря таким ответственным «рабочим Земли», какими были братья Ситниковы.

В 1989 году Иван уехал в Колпашево, чтобы быть рядом с детьми и внуками. Но дела Западной, его родного коллектива не оставляют его равнодушным и по сей день.

Оставившая след на Нарымской земле.

Меня всегда радуют неожиданные встречи с людьми, которые раньше играли значительную роль в жизни поселка и района. Это творческие, ответственные, романтичные и целеустремленные люди, известные далеко за пределами района, а теперь живущие тихо, скромно, незаметно.

С таким человеком мне повезло встретиться — это Александра Васильевна Чертова (Дубова).

«Мы жили замыслом заветным»

Саша родилась в подмосковном посёлке Гологузово Клинского района в самый разгар гражданской войны, в 1919 году.

Все жители деревни, в том числе и её отец, Василий Дмитриевич, работали в стеклодувной мастерской. Поэтому с самого раннего детства Саша умела обращаться с трубкой стеклодува — дротиком — и могла «выдувать» любой сосуд таким, как фантазия подскажет.

Жизнь заставляла рано идти трудиться не только в деревнях, но и в промышленных поселках, где всюду использовался детский труд. Так в 15 лет она стала мастером-стеклодувом.

А в 17 лет надумала ехать в Москву. Там поступила на зеркальную фабрику, где делали помимо всевозможных зеркал ещё и ёлочные игрушки. Вот уж где нашла применение неистощимая фантазия Саши!

Девять лет пролетели незаметно. В вечерней школе рабочей молодежи она получила среднее образование. Ещё год, и у неё

уже право выхода на пенсию (слишком тяжёл был труд стеклодува). Но использовать его ей, 26-летней комсомолке — активистке, даже в голову не приходило.

Когда из Томска пришло сообщение, что там нужны мастера-стеклодувы, Саша сразу же решила ехать в далёкий сибирский город. И в 39-м году в мастерской, вернее в артели «Стеклодувная игрушка», г. Томска появилась молодая красивая женщина, на которую сразу же «положили глаз» местные парни.

Саше приглянулся один из них — парень с необычным именем Маркиан. Они подружились, но... Маркиана Черткова призвали в армию. Стоял 1940 год.

Сомненья дух им был неведом

Маркиана увезли на Дальний Восток. Саша дала слово ждать его возвращения. Не думали, не гадали, что это ожидание растянется на долгие 6 лет.

Саша вышла в начальство — её назначили председателем художественного совета «Игрушки». И тут началась Великая Отечественная война. На проходивших митингах многие девушки подавали заявления в военкоматы об отправке их на фронт. Саша была одной из первых

Вскоре пришли повестки. Отобрали 23 девушки и отправили в Новосибирск учиться на радистов-разведчиков. Сашу

пригласили в Новосибирский обком (Томская область была образована в 1944 году) и сказали, что такие опытные люди, как она, нужны и здесь, и направили в центр Нарымского округа — город Колпашево, где она стала председателем артели инвалидов (помните: «Партия сказала «Надо!» — комсомол ответил: «Есть!»?).

Но не успела познакомиться с делами артели, как пригласили в окружной комитет партии и, что называется, с ходу огорошили:

— Открывается новый район — Нововасюганский, нужны кадры. Так что поедете в Новый Васюган.

В Новом Васюгане её назначили заведующей отделом соцобеспечения РИКа. Через два года Александра вступает в партию, и её назначают политруком рыболовецкой бригады, где она отработала с марта по декабрь. А с началом нового года Александра Васильевна — инструктор райкома партии. Вот где пригодился её кипучий характер, неуёмность, готовность

к самопожертвованию. Про таких говорят: легка на ногу. Только возникнет вопрос о командировке, никаких сомнений, кому ехать или идти — конечно, Дубовой.

И как только не доводилось ходить и ездить! До того же Айполово, что находилось в 20 километрах от райцентра, добраться можно было только зимником, а летом — лишь пешком. Можно и по воде — 45 км. Но на чем! Пешком до переправы 12 км, затем на обласке через реку Васюган до культстана и ещё 8 километров по другому берегу реки. У самого поселка — переход через речку Мостная.

Выполнив поручение райкома, Александра часто возвращалась в тот же день назад. 40 километров проходила легко. Она торопилась, чтобы не опоздать на репетицию художественной самодеятельности.

Часто по ночам организовывали бригадой рыбалку. Лозунг «Всё для фронта, всё для победы» выполнялся в полной мере. Саша организовывала бригады для рубки краснотала, из прутьев которого рыбаки плели ловушки для ловли рыбы. Собирали швейные машинки по селу и шили фуфайки, кисеты, вязали варежки, носки и посылали на фронт. И всё время пели, пели. Во время пения как-то меньше хотелось есть.

Но вот война окончилась. Победа!

Саша с нетерпением ждала возвращения Маркиана. Он часто писал, и она знала, что он жив, здоров, любит, но надо дослужить действительную службу ещё год.

Наконец прожит и этот долгий год. Маркиан, не заезжая к родителям в Красноярск, сразу примчался к ней. Они поженились. Маркиана назначили заведующим торговым отделом райисполкома. В 1947 году у них родилась дочь Нина.

«Такими были наши дни»

Через год Маркиана переводят в п. Средний Васюган председателем сельпо. Александра приняла библиотеку, в которой проработала 9 лет.

В 1957 году Маркиана Васильевича вновь переводят, на этот раз в Парабельский район, где он принимает сельпо в п. Старица, а Александра Васильевна — сельскую библиотеку.

Председателем райисполкома в то время был Алексей Григорьевич Журавлёв, который ранее работал в этой же должности в Новом Васюгане. Он хорошо знал деловые качества Александры Васильевны и стал настойчиво предлагать ей пост директора Нарымского музея. Потом к «сватовству» присоединился первый секретарь райкома партии Пупов, и вдвоём они всё-таки уговорили её.

Так в сентябре 1960 года в Нарыме появилась семья Чертковых, поселившаяся на втором этаже «дома Куйбышева». А через 4 года они перешли в «дом Сталина», в котором прожили 11 лет, пока не было решено вновь открыть его для посетителей.

Новому директору выделили средства для ремонта музейных помещений, обустройства территории, строительства котельной. Работа закипела. Подремонтировав основное помещение

и «дом Сталина», перевезли с берега каталажку на территорию музея, отремонтировали библиотеку и столовую ссыльных, которые стояли через дорогу. Построили котельную и, убрав печи, расширили место для экспозиций. Потом им приказали разрушить статую Сталина. Однако ни у кого не поднялись руки на такое: статую аккуратно демонтировали и фрагменты спрятали.

В оформлении музея новыми экспозициями оказали помощь сотрудники Томского краеведческого музея. Идеология музейных экспозиций не изменилась, но материалы, связанные с И. В. Сталиным, убрали из центра экспозиции.

И вот первые посетители идут по обновлённому музею. Приезжали даже из-за границы. Книга отзывов быстро заполнялась. Александра Васильевна с улыбкой вспоминает, как один мужчина из грузинской делегации, прослушав лекцию о Нарымском музее политических ссыльных, подошёл к «дому Сталина» и, прильнув к нему, сказал: «Я готов обцеловать все углы этого дома».

Дочь Нина училась в Томском мединституте, ожидала ребёнка. А мужа призвали в армию. И тогда Александра Васильевна решает изменить свою судьбу, посвятив дальнейшую жизнь внуку

Но как только дочь закончила учёбу, она не утерпела и вновь вернулась в музей. До 90-го года работала экскурсоводом.

В Нарыме семья Чертковых прожила свыше 30 лет. В 93 году умирает муж, а в 94 году Александра Васильевна переезжает в Каргасок к дочери.

Ты о ней рассказывай мне, память...

В нынешнем году Александре Васильевне исполняется 87 лет. У неё твёрдая, хорошая память, ясная, чёткая речь, чувствуется, что недаром проработала 29 лет в музее, проводя экскурсии.

Сколько она помнит всего о бывшем Васюганском районе! Не записать её воспоминания — большая утрата для краеведов.

Ведь она знает и помнит каждую деревеньку, так как по долгу службы бывала в них помногу раз, и конечно помнит многих из тех людей, которым тогда пришлось жить под зорким оком комендатур.

Как мало у нас остаётся таких людей — свидетелей тех грозных, но и интересных лет.

Не забывая о былом

Деревня Лягушье выросла среди Барабинской степи. Места вокруг открытые, привольные, а совсем рядом — большое озеро, правда вода в нём была не обычной озёрной, а горько-солёной. Однако, когда по весне таяли снега, поблизости появлялся ещё один водоем, и женщины старались всю использовать эту блестящую возможность для хозяйственных дел: в нём полоскали бельё и выбеливали холсты. А детвора с визгом и гомоном купалась почти до самой середины лета. Потом озерко высыхало.

Лягушье и было малой родиной Александры Телятниковой, в девичестве Голубинской.

Работы хватало всем

Семья Голубинских была небольшая: родители, Степан Спиридонович и Мария Ивановна, две дочери да слепой дедушка, который большую часть времени проводил на русской печи. Зато хозяйство держали немалое: пять дойных коров, молодняк, лошади, овцы, свиньи, куры, гуси. А ещё сеяли хлеба, лён, подсолнух.

Земли благодатные, родилось всё хорошо, только знай не ленись, а трудись. Так что к работе в семье дети приучались сызмальства. Александра к десяти годам умела и прясть, и вязать, и холсты ткать. Да и по хозяйству дел девчонкам хватало, потому что отец помимо работы на собственном подворье ещё

занимался заготовкой мяса: объезжал по осени соседние деревни, скупая у жителей скот, потом забивал его, разделывал, а мясо увозил в город на продажу.

Дело это было выгодное, прибыльное, так что семья не бедствовала, по деревенским меркам считалась весьма зажиточной. Это и сыграло роковую роль в дальнейшей судьбе.

Пришла беда чернее саж...

Стояла весна 1931 года. Погода благоприятствовала полевым работам, так что отсеялись рано, и Степан Спиридонович поехал повёз мясо на продажу в Купино. Там его и арестовали. А следом горькая участь постигла и всю семью: дом со всем подворьем конфисковали, прихватив пашню и сенокосы. А самих Голубинских посадили на подводу и повезли в райцентр. Там пересадили в вагоны, носившие очень меткое название «телячьи», и — в Новосибирск. Слава Богу, что отца не расстреляли на скорую руку, как нередко делалось, а привели на вокзал и отправили вместе с семьёй.

От Новосибирска путь несчастных «раскулаченных» лежал вниз по Оби, на барже, переполненной такими же, как они, спецпереселенцами. Потом — по Васюгану до Усть-Чижанки. Высадили на голый безлюдный берег: выживете — ваше счастье.

Несмотря на то, что на дворе стоял май, холод пронизывал до костей. На то, чтобы предаваться тоске, времени не было. Собрались с силами и принялись за дело: начали строить шалаши, рыть землянки. Словом, смирились с мыслями, что надо обустроиваться, как бы тяжело ни было.

Думали, конец испытаниям. Но не тут-то было. Не успели встряхнуться, как явилось на свет новое распоряжение: всех разбросать по посёлкам. Так Голубинские оказались на 70-м километре по речке Чижанке. Как писал впоследствии наш местный поэт В. Роскошных,

...И ещё беда чернее саж:
по велению сталинских «идей»

подвозили стонущие баржи
новых раскулаченных людей.

Однако долго там не задержались. В Усть-Чижапке в это время развернулось строительство двухэтажной школы, потребовались плотники. А Степан Спиридонович был, как говорится, мастер на все руки. Вот и стал строителем.

Пристроили к делу и Сашу: приняли её уборщицей в детский дом, хотя очень хотелось девочке учиться — в Лягушье успела закончить только два класса. Но было не до учёбы, требовалось помогать семье. Куда же денешься?

Работы хватало. Как никак, а воспитанников в детдоме собралось около 400, и все они — дети спецпереселенцев, оставшиеся сиротами. До слёз было жалко их Саше, хотелось каждого обогреть, слово ласковое молвить, чтобы хоть немного скрасить горькую долюшку.

А ночами вязали

Из детского дома ушла, как сейчас говорят, по семейным обстоятельствам: вышла замуж за Павла Телятникова, а поскольку он работал в колхозе, то и Александра перешла тоже в колхоз.

А вскоре грянула война. Переселенцы от общей беды в стороне стоять не хотели: заявления от них в первые же грозные дни поступали сотнями. Да только не брали их в армию, не доверяли «врагам народа». Но когда стало ясно, что молниеносного разгрома фашистов не будет, а Красная Армия всё больше обескровливается в жестоких сражениях, мнение переменялось: начиная с 42-го, на фронт отправляли всех подряд. Павел попал в первый же призыв спецпереселенцев.

Александра работала за двоих, не щадя ни сил, ни здоровья. Не отказывалась ни от какого дела, будь то ферма, пашня, луг или лес. А ночами, как и все женщины поры военной, вместо сна и отдыха вязала варежки, носки, шарфы, чтобы вложить в посылки, отправляемые воинам, сражавшимся с ненавистным врагом. Силы давала мысль: а вдруг их получит и её Павел.

Он, конечно, как и все фронтовики, получал такие посылки, приготовленные неутомимыми женскими руками, пусть и незнакомыми ему, и от души благодарил за подарки.

В 1944 году Павел был тяжело ранен и вернулся домой без руки. Видя, как героически трудятся женщины и дети, не смог усидеть: пошёл плотничать и бондарничать со своей одной рукой, используя нехитрые приспособления. Как будто о нём написал В. Роскошных:

На култышку сделал я насадку,
Чтоб стрелять, работать топором,
Для косы, пилы, для грабель, тяпки...
Выл от боли, но привык потом.

Трудности их только закалили

В 47-м Телятниковы переезжают в Каргасок. Павла, как хорошего бондаря, пригласили работать на маслозавод. Александре же работы не нашлось. Ну, не сидеть же дома? Её устраивали даже временные заработки: пилила дрова то для одной организации, то для другой, и только когда спустя шесть лет в Каргаске заработал пищекомбинат, по приглашению его директора Константина Межова она пришла на постоянную работу в кондитерский цех.

20 лет проработала Александра Степановна кондитером. Труд её не раз отмечался наградами, потому что работать спустя рукава она не умела. Её бригаде было присвоено высокое по тем временам звание «Бригада коммунистического труда». В 1966 году Александру Телятникову наградили орденом «Знак почёта».

Этот же год преподнёс семье Телятниковых ещё один сюрприз: у них появился ещё один, четвёртый по счёту, ребёнок. И это учитывая то, что обоим родителям было под пятьдесят.

В 72-м году Александра Степановна решает уйти на пенсию, хотя ещё полна сил, как физических, так и моральных. Но надо же уделить младшенькому сынишке внимание, старшим так мало его доставалось: всё работа и работа.

В августе прошлого года ей исполнилось 85 лет.

Как это ни удивительно, но люди старшего поколения, перенёсшие огромные тяготы и лишения, выглядят молодо, полны сил и жизненной энергии. Видно, трудности их только закалили. Вот и Александра Степановна. Как молодо смотрят её глаза! Чувствуется, что у неё в запасе ещё лет 15—20. И очень хочется, чтобы наши потомки не забывали таких людей.

Об этом же говорит и наш земляк-поэт:

...Прошла по душам нашим замять:
О былом не стоит забывать,
Если растеряем жившим память,
И о нас не будут вспоминать.

Помни старь, продумывая новь

Чем больше знакомлюсь с людьми пожилого возраста, тем они становятся интереснее для меня. Какие судьбы, характеры, какая неповторимая жизнь! Ещё В. Г. Белинский писал, что «человек всегда был и будет самым любопытнейшим явлением для человека».

Таким вот «любопытнейшим явлением» стала для меня Валентина Яковлевна Ярошенко, встретившая нынче свою 87-ю весну. Ни слова недовольства жизнью, ни одного сетования на ЖКХ, хотя счета за коммунальные услуги растут и растут, ни одной жалобы на здоровье. Ясный ум, трезвые рассуждения. А ведь сколько было в её долгой жизни потрясений!

Сорванные злым ветром

Первые невзгоды она испытала в 12-летнем возрасте. До этого семья Никитиных спокойно жила на алтайской земле, в деревне Долганка. Хозяйство было крепким, основательным. За это и поплатились: пришли комбедовцы, заявили, что Никитины попадают под разряд кулаков, а потому дом со всем имуществом, скотина и инвентарь с этого момента переходят в собственность колхоза, а им самим надлежит незамедлительно покинуть деревню. С собой взять разрешили только кое-что из одежды, чуточку еды.

Отца в это время дома не было, и семью, оставшуюся без крова, на время приютил сердобольный сосед. Вернувшийся отец вместе со своим братом, у которого тоже всё отняли, оставив, правда, лошадь с упряжью, посадили тёмной ночью детей на телегу, погрузили жалкие пожитки и тронулись в путь.

Приехали в Камень-на-Оби. Продали лошадь, сели на пароход и отправились в Барнаул. Но долго там задерживаться не стали: то и дело спрашивают документы, а их нет. Посоветавшись, решили двигать в далёкую Киргизию, где жил третий брат, по словам которого, в тех краях нет таких строгостей.

Два года прожили во Фрунзе относительно спокойно. Но и сюда в конце концов долетели новые веяния, и тут стали требовать документы. А раз их нет, следовательно — беглые кулаки со всеми вытекающими отсюда последствиями. Пришлось возвращаться в Барнаул, ведь только там, по месту жительства, возможно было получить эти злополучные документы.

— Без бумажки ты букашка, — рассуждал отец. — Скажу в комбеде, что ни на что не претендую, только дайте справку, что были жителями этой деревни. Ну, а коли вышлют, значит судьба такая.

Всё вышло не так, как загадывалось. Ехать приходилось нередко на крыше вагона, и однажды, уже под Барнаулом, влезая

на крышу, отец сорвался и сильно разбился. Пришлось сходить с поезда и ждать его выздоровления. Увы! Не дождалась. Умер отец.

Но прав народ, говоря, что беда одна не ходит. От недоедания и постоянного напряжения скончались братишка Вали и обе дочери дяди.

Промаявшись год в Барнауле, мать решила вернуться в родную деревню. «Три года прошло, может, оставят в покое», — думала она. И вернулись.

Дарящая радость

Первой покинула отчий кров старшая из сестёр Саша: уехала в Новосибирск и устроилась там на завод уборщицей. А вскоре к ней присоединилась и Валя.

Работа уборщицы, конечно, не сложная, но и не престижная. К тому же низкооплачиваемая: 30 рублей в месяц на двоих разве достаточно для того, чтобы и питаться, и одеваться, хотя бы не хуже других горожанок. К тому же следовало подумать о получении специальности.

Валя, уйдя с завода, устроилась в парикмахерскую. Правда, всего лишь уборщицей, но усердную, старательную девушку заметили, и заведующая предложила учиться на мастера. Валя с радостью согласилась, правда, оговорив при этом, что одну смену она будет работать уборщицей, а вторую учеником.

И вот она уже мастер. Работает самостоятельно, и мысли о том, что её руки делают людей красивее, дарят им радость, помогают преодолевать напряжение. Хотя чего ей это стоило! В детстве она перенесла паралич и сейчас сильно прихрамывала,

а простояв у кресла смену, к концу её еле сдерживала стоны — нога болела нестерпимо.

Прошло три года. Сестра, выйдя замуж, уехала в Каргасок. Потом прислала письмо, что в местной парикмахерской требуется мастер. Долго не раздумывая, Валя собрала вещи и вылетела к сестре. В Колпашево — пересадка. На улице, несмотря на март, холодина жуткая, а она в лёгком беретике на голове и ботах на ногах. «Девушка в беретке, — не выдержал попутчик, закутанный в тулуп, — ты же замёрзнешь. Садись рядом и закутывайся в полу тулупа. Разве можно так легко ехать на север? Но опять же, говорят, легкомыслие движет жизнь».

Эти слова почему-то запомнились ей.

Аэродрома в те годы в Каргаске не было, и зимой для приёма самолётов расчищали площадку за речкой Панигадкой. По счастью, за мужчиной в тулупе прислали лошадь, запряжённую в кошёвку, так что Валя к немалому удивлению родных подкаатила к их дому с комфортом.

А спустя два дня она уже стояла за парикмахерским креслом. Очень нравилась ей работа, однако нога все больше давала о себе знать, и наступил момент, когда девушка поняла: надо менять профессию. И тут на глаза попало объявление о наборе на курсы бухгалтеров, которые работали в Колпашево. Её отпустили без разговора.

По окончании учёбы вместе с несколькими девчатами, наняв извозчика, она приезжает в Парабель. Оттуда до Каргаска решает добираться пешком. Дорога заняла два дня. Хорошо, что по пути было много деревушек, и проблем с ночлегом не оказалось. На работу её направили в сельпо, обслуживающее все близлежащие посёлки района.

Подарок судьбы

Однажды, в последних числах марта 1945 года, продавец из посёлка Недоступного пригласила Валу в гости. Войдя в дом, она увидела высокого молодого человека с чёрными жгучими

глазами. Хозяйка сказала, что это её брат, только вернувшийся домой после ранения.

Вале он понравился сразу, да и Ивану Ярошенко показалось, что перед ним девушка его мечты. Так что на другой день он сделал ей официальное предложение.

— Да мы же совсем не знакомы, — удивлённо воскликнула Валя.

— Уже познакомились. Знай: я полюбил тебя с первого взгляда и уверен, что на всю жизнь, до самой гробовой доски.

— Давай всё же немного подождём, побольше узнаем друг друга.

Договорились подождать до конца войны. 22 мая 45-го года отпраздновали свадьбу и 30 лет прожили в любви и согласии, вырастив сына и дочь.

В августе 1975 года Иван Потапович скоропостижно скончался, и вот уже 30 лет Валентина Яковлевна живёт одна, свято храня память о том жгучем брюнете, что повстречался ей в марте 45-го.

На деревне стало тихо...

С Юрием Бобровым я был знаком давно. А тут вдруг узнаю, что он пишет летопись своего села. Захотелось встретиться, потолковать о судьбах людей, прославивших этот край.

И вот я уже в Лозунге, что находится всего в 17 километрах от Карагска. Смотрю на село и вспоминаю строки из стихотворения 11-летнего Алеши Карпова из посёлка Староюгино: «На деревне стало тихо, люди песни не поют...»

Особенно тихо зимой. Летом-то деревня полна звуков: мычат коровы, блеют овцы, кудахчут куры, распевают свои песни птицы. Зимой — тишина, и только столбы дыма из печных труб подсказывают, что деревня жива.

А вот и дом, в котором живут Бобровы. На стук дверь распахнул сам Юрий Павлович: стройный, моложавый, никогда бы не дал ему 75-ти, если б не знал истинный возраст.

В комнате на столе — тетради, письма, рисунки.

— Переписываюсь вот с земляками, которые покинули наш край, но не потеряли к нему интереса, — поясняет хозяин.

Письма идут к нему со всех концов не только России, но и Белоруссии, Украины, Прибалтики... Невольно подумашь: эх, жизнь, куда ты только не позабросила наших земляков!

Первое переселение

Юрия Павловича привезла в Васюган годовалым ребёнком мать, высланная в 1931 году из посёлка Лесного Кожевниковского района. Отца с ними уже не было: его арестовали ещё дома

и отправили в лагерь «Сибулон», который находился в посёлке Негодка.

Высадили ссыльных на берегу Пассала. Стояла осень, было очень холодно, в воздухе пролетали снежинки. У кого в семье были мужчины, начали на скорую руку сооружать шалаши. А вот тем, у кого не было крепких мужских рук, пришлось туго. Завернув самого маленького из Бобровых в тулуп, мать забралась вместе с другими детьми под пихту, ветки которой спускались до самой земли. Так и скоротали ночь. А с утра все принялись за работу.

Приближалась зима, и затягивать с сооружением какой-либо крыши над головой было нельзя, так что работали целый световой день. В основном, строили бараки. К зиме домов и бараков насчитывалось на прежде безлюдном месте 28 штук.

Закончив с возведением жилья, принялись за постройку пекарни, магазина, конторы для артели, организованной сразу же после прибытия. Председателем избрали Павла Аверьяновича Трубачева, бывшего моряка, умелого хозяйственника.

Однажды зимней ночью пришёл отец. Простуженный, как говорится, насмерть: 300 километров от «Сибуллона» до Пассала прошагал в хромовых сапожках. Да ещё обходил все встречные деревни стороной, поскольку из Сиблагеря он просто сбежал.

Мне хорошо знакома эта дорога. Она идёт по берегу Тыма, через болота, затем через Обь и снова через болота до самого Васюгана, а дальше вдоль его берега. На пути путника ждёт множество незамерзающих речушек и ручейков. Только очень отчаянный человек может решиться на такой путь. Таким и оказался Павел Бобров.

Правда, помощи от него семье было немного — туберкулез здорово подкосил этого недавно ещё крепкого, сильного мужика. И всё равно у Юрахи (так звала его мать) остались самые светлые воспоминания о времени, проведенном рядом с отцом, особенно прогулки в лес и на речку. Вокруг ягоды, грибы, дичь. Иногда во время этих походов отец пел. Любимую его песню

Юрий запомнил на всю жизнь: «Возьму гитару тонку, звонку, орловских пару рысаков...».

Весной 1935 года отца не стало.

Второе великое переселение

Земли под хлеб и заготовку кормов было мало, и народ начал поговаривать о переселении на новое место, поближе к Каргаску. П. А. Трубачёв тоже был за переселение, объясняя это тем, что на новом месте можно раскорчевать немало земли под зерновые, а заливных лугов там более чем достаточно, что неплохо для развития животноводства.

И вот наконец поступил приказ о переселении. Братья Бобровы начали разбирать свой дом, сооружать плот. Скот поместили в неводники. Туда же и женщин с детьми пристроили. Все остальные погрузились на плоты и двинулись вниз по Васюгану к месту назначения. Туда же приплыли караваны плотов

из деревень Успенка, Салат, Волково, Бугор. Председателем нового колхоза, названного «Новый быт» избрали Трубачева.

Сплочённый коллектив быстро обживался на новом месте. Вскоре о колхозе «Новый быт» заговорили в районе как о передовом хозяйстве. Что и говорить, Павел Аверьянович работать умел и смотрел далеко вперёд.

На первые же свободные деньги он приобрел для колхоза породистых орловских рысаков. Хозяйство росло и крепло. Росла и деревня. К 1940 году здесь было уже 80 дворов.

Строился посёлок вдоль двух речек — Лозунга и Васюгана, на их высоких берегах. Поля на раскорчёванных землях протирались по обеим речным сторонам, а для связи построили мост длиной в километр. Каждую весну речную пойму заливали воды Лозунги, и молодёжь любила устраивать вечеринки на середине этого моста — свежий ветерок отгонял гнус.

Весной 41-го в семью Бобровых пришло горе — на лесоповале погиб старший брат Юрия Дмитрий. В годы войны сложили свои головы, защищая Родину, два других брата — Гаврил и Алексей. Погибла в результате аварии на военном заводе в Новосибирске жена Алексея. Мать Юрия почернела от горя.

Начало трудового пути

Как и остальные дети того времени, Юрий рано познал колхозный труд. Как вспоминает он сейчас, самым любимым для него делом была молотьба хлеба. Если в Пассале артельщики молотили хлеб цепями, то в Лозунге была молотилка на конной тяге. Действовала она просто: две девчонки отбрасывали

граблями солому от воющего барабана, а Юра, сидя верхом на лошади, отволакивал копёшки к омету, где парни постарше пербрасывали их на омет.

С начала 50-г хлеб в деревнях уже не молотят, но работа эта осталась в памяти светлым пятном. Равно как и вечёрки на мосту с плясками под гармошку и балалайку. До сих пор вспоминают старожилы отменных плясунов Дмитрия Боброва и Илью Трубачева, погибшего на фронте.

Юрий Павлович не припомнит случая, чтобы на вечёрки хоть кто-то пришел выпивши. А разве можно забыть те песни, которые пели девушки и на работе, и возвращаясь домой! И это после 10—12 часов тяжелейшей работы. В голоде и холоде, притесняемый власть предержащими жил тогда народ, но не ныл и не скулил, а радовался каждому мгновению жизни, особенно молодежь. Пели и плясали от души.

Попробуй сейчас запой на улице. Сразу скажут:

— Во, уже нажрался.

Редко стали общаться друг с другом, редко смеются.

— Вот посмотрите, — предлагает Юрий Павлович, — группа парней прошла за угол. Сейчас выпьют «водяры» бутылку, другую, и вся радость. В деревне почти все безработные, живут на пособия. Получат, пропьют и начинают трясти деньги с престарелых родителей. Старших уважать перестали. Попробуй сделать замечание, нарвёшься на грубость, а то и угрозы...

Жизнь — это та же работа

Я горько плакал, расставаясь с детством,
Скрипел зубами, с юностью прощаясь,
Со зрелостью был вздох прощальным средством.
А старость равнодушно покидает.

Это четверостишие В. Роскошных можно «примерить» к любому из нас. В четырёх строчках — вся жизнь. Но если раскрыть каждую из них, получится длинная повесть, а то и целый роман.

Юрий работал везде, где требовались его руки, в том числе и на лесозаготовках. Первый раз его направили в леспромхоз по мобилизационному листу в 1948 году. Вручили лучок, и валил он осины для Томской спичфабрики. Норма — 6 кубометров за смену. Юрий напиливал по 12 и более.

Довелось поработать и на сплаве. Грузили лес на баржи на Щучьем Мысу. Каждая баржа вмещала до двух тысяч кубов. Юрий был растащиком: снимал брёвна с покатов и укладывал в штабели на барже. Тяжело, конечно, но за это платили живые деньги, а не ставили «палочки», как в колхозе.

В перерывах между погрузками молодежью занимались представители военкомата: изучалось стрелковое оружие, проводились стрельбы. Эти уроки оченьгодились Юрию, когда пришёл черёд его армейской службы. А после демобилизации он вернулся в колхоз.

В 1963 году колхозники стали рабочими совхоза. Теперь за свой труд они получали деньги. Стало легче жить. Работать, впрочем, тоже. Юрий с восторгом глядел на прибывающую в хозяйство технику и, не откладывая в долгий ящик, принялся самостоятельно изучать её. В итоге получил права тракториста и сам трактор. Эта тяга к технике передалась и сыновьям — все они стали отличными механизаторами.

Оформившись на пенсию, Юрий Павлович ещё несколько лет не расставался с трактором, подвозя корма к фермам.

Тяжело пережил он смерть жены, потом сам серьёзно переболел. Но переборол судьбу, сейчас он полон сил и энергии, пишет стихи, рисует. В преддверии 60-летия Победы участвовал в выставке плакатов, организованной сельским клубом. Есть среди его работ рисунки, посвященные 365-летию Каргаска, много портретов.

На вопрос, чем он занимается сейчас, Юрий Павлович ответил коротко:

— Просто живу, а жизнь — это та же работа.

Мечта и реальность

Ивану Алексеевичу Бергевичу 85 лет. Большая часть его трудового пути, 30 лет, связана с нефтеразведкой.

Ловить удачи призрачную птицу

Он родился в селе Поперечка Кемеровской области. А вообще Бергевичи — выходцы из Польши, приехавшие в далекую неведомую Сибирь в поисках лучшей доли ещё в XIX веке. Мечтали получить побольше земли и получили столько, сколько было по силам обрабатывать. Рачительные хозяева, труженики, они никогда не бедствовали.

И тут грянула революция, а вслед за ней гражданская война.

Популярнейший лозунг большевиков «Земля — крестьянам» не очень затрагивал души сибиряков, поскольку этой самой земли было здесь вволю, а потому поднять мужиков на войну за землю было не так просто. А постоянная мобилизация в ряды Красной армии, введённая продразвёрстка лишь обозлили крестьян.

Один дедок, проводивший в своё время эту продразвёрстку, то есть отбиравший у мужиков выращенный ими хлеб, как-то в разговоре признался: «Если бы не сумели завезти в сельские потребкооперации вовремя и в достаточном количестве мануфактуру, керосин, спички, соль, хозяйственный инвентарь, а вслед затем и отменить продразвёрстку, долго бы ещё лилась народная кровь».

Эти меры, введение НЭПа позволили преодолеть разруху, окрепнуть крестьянским хозяйствам. А вот непродуманная массовая коллективизация наделала немало бед. Хотя Бергевичей репрессии не коснулись: семья одной из первых вступила в колхоз.

В 30-м году Ваня сел за школьную парту, но проучился всего три года: его сверстники уже работали в колхозе, и он не захотел отставать от них. К двадцати годам это был уже опытный, умелый крестьянин, легко справляющийся с любой работой.

Повестке из военкомата он обрадовался. Надо сказать, что на службу в армии в те годы смотрели иначе, чем сейчас, считали её прекрасной школой, где тебя научат не только грамоте и дисциплине, но и какой-либо специальности.

Служить Ивану довелось в Уссурийске. Время, конечно, мирное, но далеко не спокойное: конфликт с Японией заставлял держать войска в постоянном напряжении. В армии Иван получил профессию шофёра, и к началу войны он был уже первоклассным водителем.

В первые же дни Великой Отечественной он подал рапорт с просьбой отправить на фронт. Ему отказали, мотивируя тем, что восточные рубежи требуют надёжной охраны. Конечно, Япония заверяет, что не собирается нападать на СССР, но, как говорит пословица, обещала лиса гусей не драть...

А в боевых операциях довелось и здесь поучаствовать: разгром Квантунской армии, освобождение Кореи. Известие о капитуляции Японии застало Ивана в Пхеньяне. Там он и демобилизовался.

Не конь везёт, а Бог несёт

Так говорят про таких людей, как Иван Алексеевич, которые любят трудиться, и всё-то у них получается путём.

Вернувшись со службы, пошёл он в леспромхоз. Четыре года возил лес, не отказывался и от иных грузов. Может, и не расстался бы с предприятием, если бы не узнал по случаю, что

Борисовской нефтеразведке требуются водители. Не думал, не гадал, что отныне вся его дальнейшая трудовая жизнь будет связана с поисками природных богатств. Меняться станут лишь адреса: Борисово, Межовка, Средний Васюган.

Сколько же он сделал за 30 лет рейсов на буровые! Вряд ли вспомнишь все. Зато цепко держит память, как радовались каждому новому открытию нефти и газа, каждой новой скважине. Иван Алексеевич вправе гордиться своей причастностью к освоению Васюганских месторождений.

В сентябре 1980 года Иван Бергевич ушел на заслуженный отдых. Выросли к этому времени дети, получили хорошие профессии, обзавелись семьями. Можно теперь и по гостям поехать, и у себя принять, свозить на рыбалку.

Горе и радость рядышком ходят

Всё было бы хорошо, но в 1986 году скоропостижно скончалась жена — верный друг и советчик. Непросто было пережить такой удар. Но не зря говорят, что время лечит. Сгладилась постепенно острота утраты, хотя и сейчас при воспоминании о прошлом боль щемит сердце, в душу закрадывается тоска.

Хорошо, что судьба повернулась вновь лицом, соединив жизненные пути Ивана Алексеевича и Галины Дмитриевны — двух одиночек. Почти два десятилетия идут они по жизни рядом, поддерживая друг друга, деля и радости, и огорчения пополам. Пусть будет долгим этот путь на радость их детям, внукам, да и правнукам.

Россияночка-северяночка

Статная красавица в расшитом русском сарафане, с улыбкой протягивающая блюдо, на котором висится пышный каравай, давно стала символом России, её щедрости, гостеприимства и широкой души. Где только она не встречалась: на страницах газет и обложках журналов, в книгах и на плакатах.

Может быть, именно это и сыграло главную роль в жизни Лидии Николаевны Смирновой, которая с раннего детства мечтала стать пекарем. И так живо рисовалась ей картина: стоит в огромной комнате нечто, похожее

на русскую печь, только намного больше, нажимаешь на хитрый рычажок, и верх печи отходит в сторону, а пекарь в спецкостюме спускается по лесенке в самое чрево печи и аккуратно укладывает на под каравай и булки.

Можете представить себе, как удивилась она, попав однажды в настоящую пекарню. Оказалось, что печь совсем как домашняя, разве что раза в три больше, и есть в ней заслонка, тоже такая же, как дома. А калачи и формы с тестом женщины помещают туда на деревянных лопатах.

Все просто, буднично. Но мечта от этой простоты не угасла. Только путь до неё оказался неблизким.

«Пора, доченька, помогать семье...»

Семья была у них большая: девять детей — это не шутка! Жилось, конечно, трудно, голодно.

Лида была четвёртым ребёнком. За школьную парту села только в 9 лет и проучилась всего четыре года. А потом мама сказала:

— Всё, доченька, пора помогать семье...

Да она и сама всё видела и понимала, потому безропотно пошла на ферму. За лошадьми ухаживали люди взрослые, а её, совсем девчонку, определили в стоящую рядом овчарню, поручив ухаживать за ягнятами.

Там она практически и жила, появляясь дома только раз в неделю, чтобы помыться в бане, да, постирав, одеть на себя чистое.

Девочку-поярку нахваливали за старательность, трудолюбие, за бережное отношение к ягням, которых искренне, по-детски любила.

А потом началась война. Отец ушёл на фронт, и жить стало ещё тяжелее. Что такое — 71 рубль пособия за отца-фронтовика, когда булка хлеба стоила 100 рублей! Вот когда она по-настоящему почувствовала, что хлеб — всему голова, узнала его истинную цену.

Когда открылся детский садик, сразу вспомнили про Лидию. А она и не отказывалась, возможно, не понимала до конца, какую ношу взваливает на свои плечи, а скорее всего потому, что привыкла с ранних лет заботиться о малышах, которых после неё в семье было пятеро.

Была она одна во всех ипостасях: и няня, и воспитатель, и заведующая. Детишек любила безумно, и они ей платили такой же чистой светлой любовью. Садик стал вторым домом, в котором проходила большая часть времени.

Ей бы педагогом стать, а она никак не могла расстаться со своей мечтой. И потому, когда пришла долгожданная победа, и отец вернулся домой, а младшие ребята уже подросли, Лидия задумала осуществить мечту — освоить специальность пекаря.

Ей помогли получить паспорт, и она уехала в село Сява.

Ах, этот запах свежего хлеба!

В селе была большая пекарня, куда Лидию взяли ученицей. Заведующей с первого взгляда пришлись по душе чистоплотность, трудолюбие и какая-то особая способность девушки к хлебопечению. Ей не требовалось дважды повторять правила подготовки и выпечки, она схватывала всё на лету.

Более того, обладала особым даром, благодаря которому хлеб, вышедший из-под её рук, оказывался и вкуснее, и пышнее, чем у других. Хотя использовали те же самые продукты, и тесто замешивала так же, и в печь ставила, как все. Да вы, наверно, замечали: варят борщ две хозяйки, всё делают одинаково, продукты из одной кучи берут, а за стол сядешь — одно варево есть не хочется, а от второго за уши не оттянешь.

Конечно, были у Лидии и свои маленькие секреты. Как определить, готова ли печь к высадке в неё хлеба? Берёт она щепотку муки и бросает на под. Как только мука побурела, время ставить хлеб. С годами этот момент она уже определяла интуитивно, и муки не требовалось.

То же самое и с выкаткой булок. Прежде чем поместить в печь, надо дать тесту расстояться, то есть подняться. Не достоит — плохо и перестоит — плохо. Опять внутреннее чутьё помогало. Не было случая, чтобы из-под её рук вышли низкие, вязкие булки. Всегда выпечка была на славу: пышная, румяная, душистая.

Здравствуй, каргасокская земля!

В 1966 году (к этому времени в семье Смирновых уже подрастали пятеро детей) в поселок, где жила Лидия с мужем, приехали вербовщики, или, как их называли, «покупатели» с северных краёв. Уж так расхваливали они Томскую область с её необъятными лесными и речными просторами, что загорелся Иван Смирнов желанием немедленно отправиться в неведомые края.

Поезд привез их в Томск, а оттуда отправились они в Каргасокский район, в поселок Молодёжный, привольно раскинувшийся

вдоль берега Тыма на месте бывшего остяцкого поселения Кочеедрово. Природа покорила сразу. И не только неопишуемой красотой, но и богатством. Столько же здесь было грибов, ягод, рыбы, боровой дичи!

Лидия почти год проработала на стройке, благо строительство посёлка ещё шло полным ходом. Заработки были хорошие, квартиру в новом доме получили. Живи и радуйся: улицы широкие, вокруг сосновые боры, прямо на глазах растут стены новой средней школы и Дома культуры.

А потом построили и пекарню, да такую, о какой Лидия лишь мечтала: просторную, светлую. С радостью окунулась она в привычную и любимую работу.

Поселок был рассчитан на тысячу жителей. Представьте, сколько требовалось хлеба. Потому и ценили пекари по достоинству установленные в цехе тестомесы. Правда, 70-килограммовые мешки с мукой приходилось поднимать вручную, чтобы высыпать её в дежи. Зато потом самую большую нагрузку брала на себя автоматика, и не уставали руки от замеса теста.

Люди сразу оценили вкус и аромат хлеба, выпекаемого Лидией Смирновой. Слава о хлебопёке из Молодёжного моментально распространилась по району, и все, кто приезжал в посёлок, в гости ли, по делам, непременно увозили с собой мягкие пышные буханки.

Помогает оптимизм

Полтора десятилетия радовала своим мастерством жителей Молодёжного Лидия Николаевна Смирнова. И не рассталась бы с любимым делом, если б не болезнь. Диагноз был воспринят ею, как приговор — глаукома. Врачи категорически настаивали на том, чтобы она оставила работу, предрекая в противном случае слепоту. Пришлось смириться.

Однако, в уныние она не впала. Видела, как уважают её люди, как ценят её советы. Да и мысли, что жизнь прожита не зря, рождают оптимизм, хорошее настроение. А прожитыми годами она вправе гордиться. Её труд был оценен высокой наградой — орденом Трудового Красного Знамени. О многочисленных грамотах, премиях и говорить не стоит — их не счесть.

А болезнь отступать не желала. Врачи предложили кардинальное решение: удалить один глаз, чтобы сохранить зрение у второго. Скрепя сердцем, согласилась. И очень мудро поступила — зрение на втором глазе пока нормальное. А значит, можно по-прежнему жить полноценной жизнью.

Впрочем, Лидия Николаевна всегда была оптимисткой. Такой и осталась. Она уверена в добром завтрашнем дне, в том, что деревенская жизнь наладится, войдёт в то русло, когда сельчане станут вновь жить счастливо и в достатке.

— Лишь бы был мир на земле, а удача придёт! — с уверенностью говорит она.

«Земля моя, я сын твоих берёз»

Роился Иван Фёдорович Соснин в поселке Большой Подъельник, куда в числе первых переселенцев из центральной России прибыл ещё его прапрадед.

Деревенька была небольшой: сельский Совет, колхоз «Третья пятилетка», сельпо да семилетняя школа. Семья Сосниных по деревенским понятиям была небольшой — всего 4 человека, но жилось всё равно трудно: отец постоянно болел, а в августе 41-го скончался.

С самого раннего детства Ивану пришлось познать тяготы труда — нужно было помогать матери. Его и в школу долго не отправляли лишь потому, что не во что было одеть-обуть, и за школьную парту он впервые сел в 12 лет.

Однако учился этот великовозрастный первоклассник хорошо, хотя Ломоносов из него и не получился — шестиклассником забрали в колхоз: шел третий год войны, все мужчины на фронте, рабочих рук не хватает. А тут 17-летний парень будет сидеть за школьной партой, когда конюшить некому! Да и сам не слишком уютно чувствовал себя среди одноклассников, которые на четыре-пять лет моложе. К тому же председатель, беседуя с пареньком, процитировал ему лозунг: «Раньше думай о Родине, а потом о себе». Так вот и стал Иван помощником конюха.

Нелегка ты, ноша бригадирская

Наступил 44-й год. Ивану исполнилось 18 лет. Значит, пора идти на фронт. Учебный центр, в котором парни призывного возраста проходили курс молодого бойца, находился в Каргаске.

В двухэтажном доме разместились казарма для четырёх отделений допризывников. В ней вместе с другими своими ровесниками жил и Иван. А потом ребят отправили на фронт, Ивана же вернули в колхоз: сильно мучили его приступы малярии, видно, доставшейся ему в наследство от отца.

Как раз в это время в колхозе организовали рыболовецкую бригаду из восьми подростков. Бригадирствовать поставили Ивана.

Три года, днём и ночью, бригада работала то на одном, то на другом водоёме: надо было выполнять планы. И они выполняли: и ребята, и девчата старались сделать никак не менее двух норм. Работали, как проклятые, а потом, обессиленные, валились прямо наземь и спали, как убитые. Сколько раз в летний период просыпались они прямо на берегу, промокшие насквозь под дождём. Бывало, поднимались на ноги, а на месте, где спали, оставались полоски сухой земли. Всё остальное вокруг, как и сами, было мокрым-мокро.

В армию Иван так и не попал, но и на трудовом фронте пришлось хлебнуть горького до слёз. Особенно во время лесозаготовки. Попробуй валить лес в зимнюю стужу, когда на плечах телогреечка на «рыбьем меху», а на ногах дышащая на ладан обувка! Летом — сплав до Ново-Югино, а там — погрузка на баржи.

Но ведь выдерживали, и Иван вместе со всеми. Тут его снова бригадиром назначили, а это значит, что в ответе не только за себя, но и за каждого члена бригады. Иные требования, иной спрос. А покоя нет ни днем, ни ночью, ни в будни, ни в праздники.

«Хозяйство вести — не портками трясти»

В конце сороковых началось укрупнение колхозов. К Большому Подбельнику присоединили Малый Подбельник и Сосновку. Ивана направили на животноводческую ферму. Возможно, так и остался бы он животноводом, если бы председатель В. Ф. Гусев не обратил внимание на склонность Соснина к строгому учёту имущества и продуктов животноводства. «Хороший

счетовод получится из Соснина», — пришёл он к мнению и при первой же возможности отправил молодого животновода в Колпашево на двухгодичные курсы бухгалтеров. В январе 1955 года колхоз «Сибиряк» получил нового финансового специалиста.

Надо сказать, что колхозу очень повезло с председателем: В. Ф. Гусев был руководителем грамотным, рачительным, умел наладить отношения с людьми. И дела в хозяйстве шли хорошо, особенно с переходом на денежную оплату труда. У колхозников появились наличные деньги, а вместе с ними возможность хорошо одеться, приобрести мебель и другие дорогостоящие вещи — такие, как мотоциклы, велосипеды.

Да и сам колхоз креп год от года. Были куплены гусеничный трактор ДТ-54, автомобиль ГАЗ-51, сельхозорудия. Статья 308

бухгалтерского учёта (неделимый фонд) хорошо пополнялась, так что вскоре денег хватало не только на приобретение техники, но и на капитальное строительство.

Вполне понятно, что когда В. Ф. Гусева забрали на повышение, колхозники были сильно недовольны. Место председательское занял человек со стороны — Агеев. Но только не сработались они с Иваном Фёдоровичем. Нашла, что называется, коса на камень, так что пришлось разбирать конфликт аж в Парабели, поскольку хозяйство относилось к Парабельскому району. А там голову ломать не стали, да и передали решение конфликта на суд самих колхозников. Те, конечно, горой встали за Соснина.

А председателем избрали Владимира Фёдоровича Комарова. И не ошиблись, как показала жизнь. Дела колхозные шли в гору, технический парк креп и расширялся. Словом, живи да радуйся. Но очень уж любят у нас в стране реформы. В верхах было принято решение объединить колхозы «Сибиряк», «Заря коммунизма» и «Верный путь», а единое целое сделать совхозом.

Иван Фёдорович при этом настоял, чтобы все «лишние» деньги, накопленные колхозом за реализацию мяса и молока, выдать колхозникам из расчёта на 1 заработанный рубль по 61 копейке. И хотя против такого решения возражала секретарь райкома партии по сельскому хозяйству И. Н. Типсина, деньги из дополнительной прибыли людям были розданы. Иван Фёдорович на свою долю, например, купил мотоцикл.

Вначале в совхозе деньги платили «с макушкой», как выразился Иван Фёдорович. Развернулось большое строительство: деревни практически все перестроились, жилищные условия рабочих и специалистов улучшались на глазах.

И всё было бы хорошо, но изменилось отношение людей к труду, к совхозной технике, вроде, не своё это, а государственное, то бишь ничьё. Сломался трактор — пересел на другой, а ремонт, вроде, не дело тракториста.

А потом подошли и вовсе чёрные времена, когда разрушили десятилетиями отлаженную систему сельского хозяйства и началось растаскивание имущества. Правда, от такого дележа рядовые животноводы и полеводы не получили ни шиша. Зато кое-кто неплохо «погрел руки». Потасили всё, что плохо лежит. И что хорошо — тоже. «Доброму вору всё в пору», — горько шутит Иван Фёдорович.

Хозяйство пришло в упадок. Не нашлось сильного руководителя, чтобы сохранить наработанное.

— Хозяйство вести — не портками трясти, — говорит Иван Фёдорович, — нам бы сюда таких, как Гусев, Комаров, Иващенко, которые умели не только поставить на ноги хозяйства, но и сделать людей зажиточными при минимальной помощи государства.

Он уверен, что только коллективу под силу развивать сельское хозяйство, и никакое фермерство, никакие ЧП не сумеют накормить страну. С ним нельзя не согласиться. Тем более, что жизненный опыт у этого человека велик, и он, как никто другой, знает село и сельскую жизнь.

Коренной крестьянин, прожившись всю жизнь на своей малой родине, он душой и сердцем прикипел к ней. Потому, наверно, так любит он песню, в которой есть слова: «Земля моя, я сын твоих берёз...».

Часть третья

Мы все войны шальные дети

Чтобы пищу добыть, мы вставали с утра,
Шли работать в поля спозаранку.
Наша память — голодного детства пора,
Мы военного времени дети — подранки.
И никто, никогда и нигде не считал,
Сколько нас по Союзу скиталось,
Только каждый из нас от войны пострадал.
Сколько сгнуло? Сколько осталось?
Лишь позёмка шуршит по холодной земле,
По могилам невинных детишек.
Сколько судеб поломано в страшной войне,
Тех подростков — девчонок, мальчишек!

Владимир Черновский

Всматриваясь в прожитую даль...

Сколько анекдотов про тещу блуждает по свету! И при этом почти все негативные: тещи ну просто враги человечества. А на деле-то иначе: едва ли сотая часть из них подходит под эту категорию, про которую сложены анекдоты. Однако столь малой частичке удалось затмить всех этих милых, хозяйственных женщин.

А ведь без тещи — никуда, даже Адам с Евой обращались к Богу, когда у них появился первенец, с молитвой послать им помощника. Вот как повествует об этом притча:

Когда Адам с Евой попросили Господа дать им помощника, тот ответил, что все материалы уже использованы на их создание. Но потом решил всё же помочь. Взял твёрдость камня, мудрость змеи, сладость мёда и всё смешал. А чтобы смесь была не слишком приторной, добавил непостоянство ветра, коварство буйной реки и хитрость лисы. Получилась теща.

«Берегите её, — сказал Бог, — второй раз создать подобное трудно».

Вот такой хорошей тещей слывет Валентина Алексеевна Боркина, у которой четыре дочери.

Как будто в кинофильме, в звуке, в цвете — её судьба, дни счастья и победы

Валя Боркина, а в девичестве Сенчило, родилась в посёлке Междуречье Молчановского района. Семья была большая, она в ней — шестой ребёнок.

В школу пошла, когда началась война. Отца и старшего брата призвали на фронт, а в 44 -м ушёл и младший брат Николай.

Война заставила работать и старого, и малого. Школьники всё лето до начала октября, а то и до его середины работали в колхозе.

Как-то так получалось, что Валя всегда в своей группе делала всё быстрее других. Закончив свою «подстать» на прополке

хлебов или обработке картофеля, она бежала помогать отстающим, ослабленным от голода ребятам. За ней устремлялись другие, и в итоге задания выполнялись всеми.

Вместе с матерью она жала серпом рожь, пшеницу, овёс. Очень любила работать на молотье хлебов: подносила снопы, огребала зерно, засыпала его в мешки.

Хватало дел и дома. Валя рано научилась доить коров. Хотя молоко редко пили, в основном, обрат, потому что надо было обязательно сдать государству в год 13 кг масла, 50 кг мяса, шерсть и т. д. Умела она, кроме того, прядь шерсть, лен, ткань на кроснах.

В годы войны все женщины до 40 лет обязаны были пройти военную подготовку. Вот и матери её, которой в 1944 году исполнилось 38 лет, пришлось помаршировать в учебном отряде. Вся ребятня сбегались смотреть на учения и с удовольствием маршировала рядом с мамами и старшими сёстрами.

Училась Валя только на «отлично», активно участвовала в школьной художественной самодеятельности. По сей день она с глубокой благодарностью вспоминает директора Гришкинской семилетней школы Надежду Андреевну Субботину.

Когда погибли на фронте отец и младший брат, которого Валя очень любила, она затосковала. Добрые, участливые слова директора поддержали её в трудные минуты, и девочка вновь стала активной не только в школьной жизни, но и в жизни села.

Она мечтала стать учительницей, и Надежда Андреевна, другие учителя всячески поощряли это её стремление. Они «прикрепляли» её к отстающим ученикам и потом вместе с ней радовались их успехам.

И вот дождалась Победы! Как люди ликовали!

А в 48-м году стали награждать медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

В семье Сенчило получили эту награду сразу трое: мама, старшая сестра и Валя — ученица седьмого класса. Как Валя гордилась тем, что так высоко оценили её труд в военные годы!

Брат со снохой сказали ей:

— Поедешь в Могочино, будешь учиться в 8 классе и помогать родителям жены брата по дому.

Валя обрадовалась: она сможет учиться дальше. Увы! Старички настолько загрузили её работой, что учиться было некогда. Что делать? Приёмные экзамены в педучилище давно закончились. Другая на её месте бы смирилась с судьбой. Другая, но только не Валя. Она принимает единственное, на её взгляд, правильное решение — бежать в город.

Точки, тире улетают в эфир

В Томске её приняли в училище связи № 6, которое готовило радиооператоров. Но девушку это ничуть не огорчило, главное — она будет учиться.

За активное участие в общественной жизни училища, отличную учёбу она была занесена в Книгу Памяти училища, а кроме того, получила право выбора места будущей работы.

Список оказался обширным: Якутия, Иркутск, Кемерово, Томская область... Она выбрала Каргасок.

Здесь её направили в посёлок Большой Подъельник радиооператором. Бояться ей было нечего: в училище она отлично освоила «морзянку» и радиопередатчики.

В посёлке быстро познакомилась с молодёжью и учителями семилетней школы и с началом нового учебного года стала пионервожатой школы.

Директор школы Георгий Павлович Вигриянов был очень доволен активной работой пионерской организации, в 53-м Валя возглавила комсомол посёлка. Вот где пригодились её навыки работы в сельском хозяйстве.

Комсомольцы вслед за вожаком по-ударному работали на полях, на ферме и весело проводили досуг: готовили концерты, вечера отдыха и даже спектакли. В те годы наиболее любимым был спектакль о Зое Космодемьянской, и жители посёлка любили Валу в этой роли.

В январе 55-го в Подбельник прибыл новый председатель сельсовета Валентин Ильич Боркин. Молодые люди почти сразу стали дружить и в мае уже сыграли свадьбу.

Этим же летом сельский совет, почту и школу перевели в посёлок Сосновку.

Валентина стала начальником почты. Новый посёлок, новые люди, с которыми она с удовольствием знакомилась. Снова клуб, репетиции, концерты, спектакли.

Это про таких людей, как Валя, сказал поэт В. Торопыгин:

Стали мне близки людские судьбы

Тех, кто красив и некрасив.

Надо жить с охотою, влюблённо!

И люди отвечали ей взаимностью. В семье Боркиных появились четыре дочери: Аля, Наташа, Лариса, Марина.

Валентина и Валентин сразу решили, что все дочери должны обязательно получить высшее образование, пусть в них воплотится мечта Валентины.

Валентина Алексеевна оформилась на пенсию в 83-м году, но продолжала работать вплоть до января 2005 года, проработав в связи 52 года 6 месяцев.

Валентин Ильич, когда ушёл из сельсовета, стал начальником почты, а жена радистом. В 86-м году, когда он ушёл на пенсию, Валентина Алексеевна снова приняла почту и работала там до отъезда в Томск.

Душа её не старится

Вот уже и внуки выросли, учатся в институтах. И сама она давно перешагнула 50 — летний рубеж, а душа по-прежнему не старится, в душе она все та же девочка войны. В 94 — ом году Валентину Алексеевну избирают председателем совета ветеранов. Вот уж где «прорвалась» её пионерская натура времен войны.

Она не оставляла без внимания ни одного пожилого человека. Под её постоянной опекой они снова чувствовали свою

необходимость обществу, участвуя во всех сферах общественной жизни поселка, в том числе и в проведении чистых пятниц, когда поселок на глазах преображался, почти у всех в палисадниках появлялись цветы, усадьбы становились обихожеными. Тем, кто не мог по состоянию здоровья заниматься по хозяйству, дружно помогали.

Участвовали ветераны и в художественной самодеятельности.

Внуки Боркиных, а их пятеро, окончили высшие учебные заведения. Подошла пора подумать и о себе. И, как считает Валентина Алексеевна, им повезло — они получили квартиру в прекрасном ветеранском Доме в Томске по улице И. Черных. И здесь она не сидит без дела — в совете ветеранов отвечает за культурно-массовый сектор. Создали клуб «Ветеран» (в нём уже 30 членов), и руководить им поручили опять-таки Валентине Алексеевне.

Побольше бы таких увлечённых людей с щедрой и отзывчивой душой!

Сказ о нарымчанине

Василий Васильевич Брагин — потомственный нарымчанин: родился в Петровке Каргасокского района, куда его родители переехали из Парабели, в основном, потому, что места здесь привольные с обширными сенокосными угодьями, изобилием ягод, боровой и водоплавающей дичи, богатой рыбалкой и охотничьими угодьями.

Занимались Брагины извозом: увозили в губернию рыбу и дикоросы, мясо, пушнину, для чего держали не меньше десятка лошадей. Помимо того в их хозяйстве имелся пяток дойных коров и крепкое стадо молодняка.

Когда началась коллективизация, родители Василия поступили очень умно: сразу же вступили в колхоз, избежав тем самым репрессий. Но и с основным семейным делом не расстались: в зимнее время по-прежнему занимались извозом.

Школьные годы — лучшая пора

В памяти Василия Брагина школьные годы запечатлелись как лучшая пора его долгой жизни. Во-первых, ему повезло с первой учительницей. О Елене Ефимовне Сухушиной остались самые светлые воспоминания. Это она пробудила в его душе любовь к родному краю, к школе, к друзьям. Внушила, что нашему обществу нужны люди, умеющие жить и трудиться, уважать других, быть готовыми прийти на помощь, если в ней нуждаются, а если надо, то и пожертвовать личными интересами ради общего дела.

Вася, как и все остальные мальчишки, был безоглядно влюблён в Елену Ефимовну и до сих пор помнит, как тяжело переживал, когда её перевели на работу в Усть-Чижанку.

Школа в Петровке была лишь начальная. Многие ребята после её окончания навсегда расставались со школьной партией: шла война, и они должны были заменить ушедших на фронт отцов и старших братьев. Василий же учёбу продолжил, в Тымской школе. Правда, проучился лишь полтора года, а потом тоже пришел в колхоз.

С малолетства привыкший к крестьянскому труду, он не боялся никакой работы. А поскольку хорошо справлялся с лошадьми, отправили его возчиком на лесоучасток Новоселово, где готовили осину для Томской спичечной фабрики.

Его университетом была жизнь

В 53-м лесоучасток Новосёлово закрыли и всех мужчин отправили на Змеиное для обустройства нового участка. Строили бараки, прокладывали узкоколейную дорогу от верхнего склада до нижнего.

Время было тяжёлое, страна только-только поднималась на ноги, залечивая нанесённые войной раны. Жилось голодно. Но поскольку работали на берегах Тыма, где рыба водилась в те годы в изобилии, отец передал Василию сеть-частушку, и строители получили хороший приварок к скудному до того рациону. Ну, а на сытый желудок и дело спорится лучше.

Работа закалила Василия. Он раздался в плечах, стал крепким и сильным. Мужики говорили: «Этот сумеет за себя постоять». А вскоре и случай представился.

Вся бригада мужиков отправилась на обед, а Василий, как всегда, сев в обласок, отправился забрать из сети улов, дабы было из чего приготовить ужин.

Только начал выбирать сеть, как подлетела лодка рыбнадзора. Парня тут же пересадили в лодку, погрузив туда же сеть и зацепив на веревку обласок. От такой несправедливости у Василия

кровь прямо бросилась в голову. Увидев, что за происходящим наблюдают вышедшие на берег мужики, он вскочил на ноги, схватил рулевого и швырнул его в нос лодки, а сам, взявшись за руль, направил «посудину» к берегу.

Едва нос лодки ткнулся в сушу, как мигом подскочили напарники. Отчаянно матерясь, забрали сеть, обласок и самого Василия: перспектива снова голодать взбесила их.

...Подошло время армейской службы. Василий,

получив повестку из военкомата, обрадовался: как ни говори, а что-то новое в жизни появится. Страху никакого не испытывал: для закалённого физическим трудом парня служба не в тягость.

Привезли его в Ленинград и направили в роту охраны военно-медицинской академии. За полгода не было ни одной увольнительной, зато каждые субботу и воскресенье ходили они на экскурсии по городу и его историческим местам, в театры, музеи. И каждый поход — как откровение, как открытый учебник истории и географии.

Очень много дала ему армейская служба в нашей северной столице. Его душа и мозг, словно губка, впитывали в себя рассказы экскурсоводов и политработников. Много читал и сам, так что к концу службы как бы прошёл целый университетский курс. Этими знаниями он не раз удивлял впоследствии своих сослуживцев на речфлоте, подавляя эрудицией.

Смотрящий в глубь

После демобилизации вернулся он в родную Петровку. Познакомившись с киномехаником Вениамином Больбасом, устроился на кинопередвижку мотористом. Год прошел в разъездах по маршруту Карга — Петровка — Бульвар и от Усть-Тыма до Мурасова. Потом задумался: надо переходить на более серьезную работу.

Остановил выбор на рыбозаводе. А поскольку с моторами уже был знаком, его сразу отправили в Колпашево осваивать профессию моториста-судоводителя, после чего принял он мётчик (микрокатер) и 12 лет прорыбачил на нём.

В 1972 году перешёл в Тымский совхоз. И снова пришлось сесть за учебники: директор хозяйства В. И. Гришаев отправил перспективного работника опять-таки в Колпашево, учиться на капитана-механика.

23 года капитан Василий Васильевич Брагин бороздил обские просторы. Уйдя на пенсию, перебрался в Каргасок, поближе к детям и внукам. Правда, с одним из внуков видеться доводится не часто: служит он в Курске, в военно-десантном полку, который нередко «бросают» в самые горячие точки.

Переживает ветеран, что не приходится сейчас бывать ему на воде, с которой связана почти вся его жизнь. Всё из-за прицепившихся «болячек». И если до 70 лет они не слишком допекали старого «морского волка», то теперь даже воспоминания о прошлых ЧП, случается, так разволнуют, что приходится вызывать «скорую». Чаще всего почему-то всплывают в памяти эпизоды столкновений с другими судами. Вот он ведёт на своем водомёте-толкаче наливную баржу. Навстречу мётчик. Как и положено, «размахнулись» флажками, но мётчик всё равно ухитряется врезаться в баржу. Хорошо, что водомёт тормозит «ковшами» и способен моментально отработать назад.

Да, любил капитан свою «посудину». И справлялся с нею отлично, мог при помощи своих «ковшей» развернуться, не сходя с места...

Авторитет среди речников у капитана Брагина был высок. Ценили в нём и профессионализм, и чисто человеческие качества.

А Василий Васильевич по сей день благодарен своей первой учительнице Елене Ефимовне, выработавшей у него привычку задавать вопросы самому себе и находить на них ответы в любых жизненных ситуациях, что закаляет характер и придает твердость убеждениям. Он из породы людей, смотрящих вглубь. Именно потому и стоит твёрдо на своей земле.

Право на жизнь дано нам не зря

Колгуяк — старое остяцкое поселение, расположившееся на островке между Усть-Тымом и Вертикосом. Сюда в конце XIX — начале XX веков стекались русские переселенцы, преимущественно из Тогура и Парабельского района, прослышав о благодати здешних мест, богатых рыбой, дичью и пушниной.

Поселок был по сибирским меркам довольно большим, располагался в красивом бору. Дома переселенцы рубили добротные, рассчитанные на века. С приходом Советской власти здесь появился сельский Совет, был создан колхоз.

Не все мечты сбываются

Маша родилась в Колгуяке в 1928 году, а в 35-м Колгуякский колхоз слился с Усть-Тымским, и началось массовое переселение народа. Так жалко было семилетней девчужке покидать место, с которым она сроднилась и которое по красоте, как ей казалось, не имело себе равных! Но что поделаешь?

Отец новым местом жительства избрал Усть-Тым, хотя многие их родичи переехали в Мурасово, располагавшееся ниже Вертикоса. Опустел Колгуяк, превратившись из шумной, многолюдной деревни в маленькую заимку, куда свозили скот-молодняк для откорма.

В тот же год, как переехали в Усть-Тым, Маша села за школьную парту, хотя в те времена в сельских школах принимали

детей с 9 лет. И тут вдруг оказалось, что у нее не только прекрасные способности к учебе, но и настоящий артистический талант. Она участвовала во всех школьных спектаклях, а любовь к театральному искусству пронесла сквозь всю жизнь. Будучи взрослой, с удовольствием участвовала в художественной самодеятельности, а самая любимая её роль — Зоя Космодемьянская в спектакле «Таня». Но это будет в будущем, а пока она — школьница, в 1940 году закончившая Усть-Тымскую начальную школу.

Очень хотелось учиться, но... Ближайшая семилетка была в Тымске, и родители не решились отпустить такую кроху. Однако девочка и тут нашла применение своим знаниям и способностям: она стала лучшей помощницей местной учительницы, которая доверяла ей, бывшей своей ученице и отличнице, такую серьёзную работу, как проверка тетрадей.

И вдруг судьба делает зигзаг удачи: отца переводят на почтовый катер, и семья переезжает в Каргасок. Радости Маши не было предела, ведь теперь она снова сможет сесть за парту, да ещё и в средней школе! Только радость оказалась кратковременной — началась война.

В сентябре 41-го отец ушел на фронт, и мать приняла решение вернуться в Усть-Тым: там — родственники, а рядом с ними будет легче пережить тяжелые годы. Вместе с тем она не стала препятствовать дочери в её стремлении учиться, и девочка пошла в Тымскую семилетку.

В декабре 43-го отец, комиссованный по ранению, вернулся домой. Его сразу же избрали председателем колхоза. А следующей весной Мария с отличием закончила седьмой класс и поступила в восьмой Каргасокской СШ.

Прошел год. И тут Мария неожиданно для себя получает предложение освоить специальность радиста. Почему бы и нет? Работа интересная, на селе считавшаяся престижной. А спустя ещё год её направили в Томск, в РУ-6, где готовили техников телефонной связи. В Тымск, куда переехали родители, она вернулась только в 1953 году.

Работала сначала дезинфектором участковой больницы, потом счетоводом. А однажды пригласил девушку председатель сельсовета Александр Новичков и предложил принять библиотеку.

На культурном фронте

Читать Мария любила всегда, но представление, будто библиотекари только и делают, что читают, да выдают книжки, исчезло в первые же дни новой работы. Она поняла, что библиотекарь — это в первую очередь идеологический работник: отдел пропаганды и агитации райкома партии не позволял расслабляться, нацеливал на активное действие, поиск новых форм работы с читателями.

Поначалу это едва не отпугнуло Марию. А потом увлекло. Она не уставала расширять кругозор, серьезно занялась библиографией, изучением методики и организации библиотечной деятельности. Дела пошли на лад.

Заведующая отделом культуры А. К. Дегтярева исподволь присматривалась к молоденькой тымской библиотекарше, а потом предложила работу в районной библиотеке.

Мария приняла читальный зал. Через год поступила на библиотечное отделение культпросветучилища. Училась заочно, потому что у нее уже была семья, что отнюдь не мешало прочному освоению программы.

Я познакомился с Марией Всеволодовной, когда Васюганский район объединили с Каргасокским. Она невольно привлекала внимание: статная, красивая, с роскошными косами, уложенными на голове короной. Впрочем, в те годы все библиотечные работники выделялись среди односельчан, они как бы являли собой образец интеллигентности, а библиотеки, наряду с клубами, были центрами культурной жизни. Совместными силами они проводили вечера, диспуты, викторины, концерты художественной самодеятельности, готовили спектакли, на которые собиралось почти все население.

В 1968 году Марию Всеволодовну назначают заведующей Каргасокской районной библиотекой.

«Я делаю, что могу»

Время, неумолимо подводящее к пенсионному рубежу, заставило задуматься, какую же она станет получать пенсию. Оказалось, всего-то около 80 рублей. Досада и стыд охватили Марию Всеволодовну, ведь это чуть выше минимального оклада.

И вот, в 1986 году, проработав 30 лет в библиотечной системе, она оставляет любимое дело, став агентом Госстраха. Только для того, чтобы заработать более или менее приличную пенсию.

Всё получилось, как и было задумано. Но тут в жизни пошла черная полоса: сначала умер отец, потом муж, заболела мать. Стрессы настолько подорвали здоровье, что у Марии Всеволодовны случился инсульт. Неугомонная, энергичная, не представляющая жизнь без движения женщина оказалась парализованной.

Однако, сдаваться она не собиралась. Благодаря силе воли, а также помощи дочери Нины сумела встать на ноги. Конечно, многое из того, что делала раньше, теперь уже делать не могла, но выполнять работу по дому, заниматься внуками вполне ей по силам. Как нельзя кстати пришлось и давнее увлечение цветоводством — её дом утопает в цветах. И в том, что в Каргаске сегодня так много цветоводов-любителей, немалая заслуга Марии Всеволодовны Сорокиной.

Увлечений у неё много. Она по-прежнему много читает, заявляя, что не представляет себе жизни без книг. Если цветы — это страсть, то книги — безграничная любовь.

— Я делаю, что могу, — утверждает Мария Всеволодовна.

Эта фраза, услышанная из её уст, показалась мне знакомой. Напряг память и вспомнил: это же из старинной притчи.

... Парит в небесах могучий орёл. Глаз у него острый, и видит он с высоты крошечную птичку, лежащую на земле с поднятыми вверх тоненькими лапками. Спускается вниз и спрашивает:

— Что с тобой?

— Ты разве не видишь? Небосвод падает, я хочу его удержать.

— Глупости, — пророкотал в ответ могучий орёл, — если небосвод и падает, тебе не удержать его своими слабыми лапками.

— Я делаю, что могу, — отвечает птичка...

Так и Мария Всеволодовна. Делает, что может, используя данное ей право жить. Такие люди имеют ещё одно право — на долгую-долгую жизнь.

В надежде на добрую память

При входе в музей Тымской школы первое, что видишь, — большой портрет Валентины Ивановны Сухушиной — основателя музея. Это она писала в газете: «...Нет патриотизма без ощущения кровной связи со своей землёй, без знания её уголков и краёв. И чувство это необходимо прививать с детства».

Рождение школьного музея относится к середине 70-х, когда Валентина Ивановна организовала первую в истории школы поисковую группу: ребята начали собирать материалы по истории сначала своего села, а потом и всего северного края. Чем дальше, тем всё больше захватывала их эта работа, и постепенно они увлеклись не на шутку.

Спустя несколько лет исторических сведений и экспонатов оказалось столько, что и Валентина Ивановна, и её юные краеведы поняли: пора открывать музей. В подготовке к этому знаменательному событию большую методическую помощь оказал Томский государственный музей.

Наконец, двери школьного музея распахнулись, и перед глазами первых посетителей предстали уникальные экспонаты из истории не только Тымска, но и всего Нарымского края с до-революционных лет до наших дней: фотографии, документы, предметы обихода. И все это благодаря энтузиазму, влюбленности в родную землю Валентины Ивановны Сухушиной.

Её привезли в Каргасокский район совсем малышкой, в 4 года: сюда выслали их семью из села Кожевникова. Поселились

в остяцком посёлке Лозунга, названном так по имени речки, вдоль которой протянулись его улицы. Лозунга переводится с остяцкого как «змея», потому что речка действительно напоминает змею своими изгибами.

Училась Валентина в Новоюгинской семилетней школе, а среднее образование получила уже в Каргасокской школе № 1. Когда была в десятом классе, предложили ей поступить на курсы учителей начальных классов. Согласилась, и 1 сентября 1945 года в школьный класс вошла новенькая, совсем юная учительница Валентина Ивановна Кагачева.

Потом она заочно окончила сначала педагогическое училище, а затем Томский учительский институт.

Шли годы. В школах начали создаваться отряды следопытов, которые ухаживали за могилами погибших в гражданскую войну, за памятниками павшим воинам Великой Отечественной, собирали документы, письма, фотографии. В Тымской школе таким отрядом руководила Валентина Ивановна, сменившая к тому времени фамилию Кагачева на Сухушину.

Ребята, их называли красными следопытами, искали документы о родном крае, и чем больше находили, тем больше увлекались поисковой работой, потому что это было так интересно. Из одного документа они, например, узнали, что их Тымск был основан ещё в 1727 году на месте поселения селькупов Тымские юрты. Немало узнали о знаменитых людях, побывавших в разное время на тымской земле. Организовывали встречи, на которых побывали, в частности, бывший учитель и директор Тымской школы Геннадий Антонович Моисеев, вожак первой комсомольской ячейки, созданной в 1926 году, Иван Серяков, бывший учитель А. Петров и многие другие.

Валентина Ивановна со своими поисковиками прошла и проехала маршрутами Колпашево — Нарым, Москва — Тула, Москва — Ставрополь, Томск — Стрежевой и другими. Много было на этом пути интересных, волнующих встреч. В Туле, например, тымские поисковики встретились с дочерью Героя Советского

Союза А. П. Ерофеевского, уроженца Тымска, привезя подаренные музеем личные вещи Африкана Платоновича.

Музей быстро пополнялся все новыми экспонатами. В начале 90-х их было уже около трёх тысяч. Размещались они по разделам: дореволюционный период, становление власти Советов, комсомольское и пионерское движения; период коллективизации; Великая Отечественная война; природа, человек, культура; село сегодня; история создания и работа музея; экологическая тропа.

В сельском Доме культуры действует постоянная выставка, регулярно обновляемая активистами музея. Кроме того, Валентина Ивановна часто выступала на страницах районной газеты с интереснейшими сообщениями. Из них сельчане черпали сведения о первых поселенцах, о тюрьме без стен, о земляках-героях.

Много внимания уделяла Сухушина работе с детьми по охране природы. Она говорила: «Важно уже со школьных лет не только видеть окружающий мир, но и научиться вносить свой личный вклад в охрану и разумное использование окружающей среды». Часто выступала с ребятами в художественной самодеятельности. Вела фенологические наблюдения, была депутатом сельского Совета.

Казалось бы, живя в таком ритме, невозможно быть хорошей хозяйкой в собственном доме. Но она и тут успевала. По рассказам её бывших коллег, они очень любили бывать в её уютном, гостеприимном доме, с восторгом вспоминают, как вкусно и сытно она их всегда угощала.

Но у всего есть предел, в том числе и у человеческого организма. В 1997 году её поразила тяжёлая болезнь. Поддержка и забота мужа помогли снова встать на ноги. И тут обрушился новый удар — в 2003 году скоропостижно скончался муж. Валентина Ивановна переезжает в Томск к дочери. Выздоровление идет медленно, но она не теряет оптимизма и интереса к жизни. Старается не терять и связи с бывшими учениками и мечтает ещё походить с малышами на экскурсии, попеть с ними любимые песни, почитать интересные книги.

Легенда томского кино

Не затем я пишу,
Чтобы листик заполнить —
Чтобы люди прочли
И хотели запомнить.

Никон Сочихин

В бывшей Томской губернии демонстрация кинофильмов началась в 1908 году. За 20-е годы 20-го столетия кинематограф вобрал в себя лучшие черты многих искусств, имеющих тысячелетние истории, и стал одним из величайших искусств нашего времени.

С самого момента зарождения кино в области были люди, посвятившие ему всю жизнь. Один из них — Николай Андреевич Иванов, проработавший в кинематографе всю свою непростую жизнь — более пятидесяти лет.

Всё сбудется — стоит сильно захотеть

Родился Николай в поселке Новая Ювала, что был в 40 километрах от Кожевниково. Семья была большая, но не бедствовала, даже собственную мельницу имела. Но грянула коллективизация, и стала мельница колхозной. Дед был репрессирован, а Андрей (отец Николая) со своей семьёй остался в Новой Ювале

Коля рос крепышом, хотя в классе оказался самым маленьким. Школа была начальная, и те, кто хотел учиться дальше, должны были ходить пешком в соседнее село Старо-Ювалу. Там была семилетка. Только учиться в ней Николаю не пришлось — заставили работать в колхозе. Он боронил и сеял, косил сено и убирал хлеб.

Мало того, что работа для подростка была тяжеловата, так ещё и с одеждой проблемы, а с обувью — просто беда: до глубокой осени ходил босиком и грел ноги, ставя их на спину лошади.

И вдруг в деревне появился парень из Чувашии по имени Иван, настоящий мастер по плетению лаптей. Вскоре вся деревня уже щеголяла в ивановых лаптях. Сплёл Иван лапти и Коле. Вот уж была благодать! Ноги в тепле, и жизнь уже не кажется такой мрачной.

В 1942 году Коля-Маля (так прозвали его в деревне за маленький рост) решил идти в Томск и поступить в ФЗО, чтобы получить рабочую специальность. Правда, до Томска было около 140 километров, но паренька это не остановило, ведь у него на ногах новые лапти, которые выдюжат такой путь.

Дошел, поступил и стал учиться на электрообмотчика. Выдали ему форменную одежду, а главное — ботинки, правда, 43-го размера. Чтобы нога не выпрыгивала из ботинок, он привязывал их к ней шнурками.

Через полгода Николай уже пришел на завод «Фрезер». С удовольствием занимался юный рабочий перемоткой и укладкой обмоток электродвигателей и через год стал классным специалистом. А в августе 44-го повстречал своего односельчанина Павла в военной форме. Как так? Почему? Он же одноклассник.

— А ты завтра приходи к нам, может быть, и тебя примут.

Назавтра Николай даже на работу не пошел, хотя за это могли отдать под суд, а с утра уже крутился возле училища. Вот, наконец, воспитанники вышли на улицу. С ними и руководитель. Павел, увидев друга, что-то сказал руководителю, и тот поманил Николая пальцем.

— Хочешь научиться играть на духовых инструментах?

— Да!

И оформили его в музыкальный взвод, и выдали форму, словно на него сшитуую. А главное — сапоги, которые пришлись в пору. Вот бы таким в деревне показаться!

Учился он хорошо, старался вовсю и вскоре уже играл на нескольких инструментах. Одновременно учился в школе, чтобы получить среднее образование.

После окончания войны все воспитанники были награждены медалями «За победу над Германией». А в марте 47-го в связи с сокращением СибВО музыкальный взвод был расформирован, многие музыканты разъехались по домам. Николай пошел в обком комсомола, и его как демобилизованного трудоустроили — весовщиком на конфетную фабрику.

Вместе с бывшими сослуживцами по музвзводу он по вечерам играл на духовых инструментах в ресторанах города.

Путь в кино

Николай очень любил кино, а самым любимым был фильм о Чапаеве. Они с ребятами смотрели его много раз подряд, каждую фразу знали наизусть и частенько разыгрывали целые сцены, копируя так полюбившегося им Чапаева.

Потом была трилогия о Максиме и другие фильмы — «Секретарь райкома», «Два бойца», «Радуга»... Завершающаяся блистательной победой война оставила неизгладимый след в душе народа и на долгие годы осталась неувядаемой темой наших кинематографистов. Мы видим, как они вновь и вновь возвращаются к теме войны. Эти фильмы воспевают величие подвига во имя великой цели — Победы.

Николай вместе со всеми восхищался героями картин, подражал им, и в его душе все сильнее крепло желание не только смотреть фильмы, но и самому участвовать в работе кино.

По направлению управления кинофикации области он едет учиться в Новосибирскую школу киномехаников, в которой учились все, жившие на территории от Урала до Тихого океана. Директор школы Г. Б. Биходжин подобрал коллектив высокопрофессиональных преподавателей и лаборантов, а потому школа готовила прекрасных специалистов по кино. Выпускникам школы почти сразу доверяли инженерно-тех-

нические должности в кинотеатрах и дирекциях киносети районов.

Николай после окончания школы был направлен в кинотеатр им. Ивана Черных

Управлению кинофикации очень нужны были инженерные кадры, так как киносеть области бурно развивалась. Присматриваясь к молодому киномеханику, поняли, что из этого молодого человека может получиться хороший технический руководитель киносети. В августе 1949 года Николая направили в Калининградскую область, где только что открылся кинотехникум. Первый выпуск состоялся в 1953 году, и Николай вернулся в Томск.

Возможности человека неисчерпаемы

Средне-техническое образование всегда считалось выше средне-специального, и часто техников сразу назначали на инженерами производства. Николая приняли в управление кинофикации инженером в техотдел, и он очень быстро начал продвигаться по служебной лестнице: старший инженер, заведующий техотделом, главный инженер управления кинофикации. Все это, конечно, после прохождения соответствующих курсов.

В его ведении были все вопросы, касающиеся снабжения киносети области новой киноаппаратурой, их монтажом, электростанциями, запасными частями, автопередвижками, автотранспортом и прочим, и прочим.

Николай Андреевич очень много внимания уделял техническому перевооружению киноустановок области, сам принимал деятельное участие в монтаже кинооборудования, и вряд ли есть поселок, где бы он не побывал. Ведь количество киноустановок росло. Росло и количество обслуживаемых кинозрителей. Его стараниями были ликвидированы кинопередвижки в населенных пунктах, на смену которым пришли стационары с широкоэкранными киноустановками.

За 10 лет его пребывания в руководстве киносетью число киноустановок со 175 выросло 370, а к 1970-му году их уже было 740. Посещаемость повысилась более чем в 40 раз. Очень хороший показатель.

Будучи главным инженером управления кинофикации, Николай Андреевич был и председателем государственной квалификационной комиссии. Он часто повторял известные слова: «Кадры решают всё» и очень много над этим работал. Поражала его способность распознавать в каждом человеке его возможности и ставить точный диагноз: способен ли данный человек освоить технику, получится ли из него толковый работник.

Вот «вцепился» он в парня, который робок, косноязычен и кажется совсем безнадёжным для такой работы. Терпеливо работает с ним, повторяя, что из парня получится хороший технарь. А бывало и наоборот: отворачивался от казалось бы блестящего парня: острослов и людей не боится, и выглядит очень даже прилично, но одно слово главного: «Пустышка» всегда оказывалось на деле правдой.

Став заместителем начальника управления кинофикации, Николай Андреевич по-прежнему курировал техническое вооружение киносети, кадры. Его невысокую, крепко сбитую фигуру с причёской «внутренний заём» знало все начальство районов. Его шутки, афоризмы до сих пор гуляют по области.

Он часто приезжал с премьерными фильмами, привозя творческую съёмочную группу фильма. Выступления любимых зрителями артистов всегда привлекали народ. Кинозалы были переполнены, а значит выполнялись и планы кинообслуживания населения.

Сменялись поколения киномехаников, а в управлении кинофикации всегда был Николай Андреевич Иванов. И сейчас, когда новая власть разогнала кино, видимо, недопонимая его идеологической поддержки своих амбициозных планов, бывшие работники кинофикации не забывают своего Николая Андреевича. Всегда, когда узнают, что я еду в Томск, передают

ему приветы и пожелания здоровья в надежде, что зайду к своему бывшему шефу. Да и не могло быть иначе, ведь более полувека его имя было на слуху — имя главного «кинщика» области.

Спросите у любого киномеханика имя последнего начальника управления, вряд ли быстро вспомнят, а Н. А. Иванова знают и помнят все. Потому что он — легенда нашего Томского кино.

Полвека счастья и любви

Прошло 50 лет совместной жизни Курченко Константина Павловича и Марии Ивановны. Главное — эти пятьдесят лет прошли в согласии и любви.

Судьба играет человеком...

Дороги их пересеклись в городе Новосибирске, где Константин работал водителем автомобиля, а Мария поступила на игрушечную фабрику.

Видимо, судьба их двигала навстречу друг другу, ведь они жили в разных краях Сибири.

Константин родился 5 марта 1928 года в селе Конево Панкрушинского района Алтайского края. Семья большая — 9 человек. Отец в предчувствии раскулачивания в 1931 году распродал многое из имущества и уехал на Дальний Восток посмотреть на те места.

В его отсутствие произошло изгнание семьи из дома. Детей погрузили вместе со скарбом на телеге и повезли до Камня-на-Оби, там перегрузили на баржи и повезли до Волкова бугра. На барже были одни старики, женщины и дети. Старикам не понравился берег и попросили их отвести на другое место. Потом

ещё в одном месте отказались, и на третий раз их повезли к берегу, затопленному весенним паводком.

Приказали выгружаться прямо в кусты. Место назвали Новоберёзовка. Намученные «путешествием» люди ломали прутья кустов для постели, разводили костры и первую ночь провели под открытым небом. Вода начала подтапливать и люди полезли вверх на увал. Там и обосновали деревню. Мать Кости вместе с дедом и старшими детьми вырыли землянку, сложили печь и там стали жить.

Через полгода их разыскал отец. К этому времени умерли самый младший братишка и дедушка. Отец начал рубить дом, «благоустроили» землянку. В ней они прожили две зимы.

Организовали колхоз «Северный луч». Отец неохотно в него вошёл. Он с сыновьями раскорчевал полосу под хлеб и говорил, что если бы отдали землю, сами бы зажили хорошо. Первый же год принёс хороший урожай ржи — семья зиму прожила не голодая. Посёлок быстро обустроивался. В первую очередь поселенцы построили школу. Костя вовремя пошёл в школу, но после её окончания сразу в колхоз, хотя Усть-Чижапка недалеко, но отец почему-то не стал настаивать, а Костя с удовольствием работал на лошадях, и мечтал о технике. Войну пережили трудно, но выжили все.

В 49-м году Костю призвали в армию. Служил в Совгавани артиллеристом. Из дома пришла печальная весть — в 51 году умер отец, простудившись на рыбалке. Костя, демобилизовавшись, в 53 году заехал в Новосибирск к сестре.

Встреча

Костя принял решение остаться в городе. Устроился на торгово-закупочную базу, а вечерами ходил на курсы водителей. Мечта работать на технике стала осуществляться. Он жил в бараке у сестры, к которой часто приходили подруги. Однажды пришла девушка, которая сразу запала в сердце Кости. Это была Маша Королёва.

Сестра поспособствовала их сближению, видя, что они нравятся друг другу. Расспрашивали друг друга о семьях. Костя узнал, что у Маши тоже большая семья. Мама рано умерла, когда Маше было 5 лет. Жили одни с отцом. В войну отец ушёл на фронт, попал в разведку и однажды был убит в тылу противника. Друзья-разведчики закопали его в лесу, и кто теперь отыщет его могилу. Может быть, поисковики и нашли захоронение, но у разведчиков никаких документов не должно быть, потому и останется могила неизвестного солдата.

Маша тоже из Алтайского края, села Мамонтова, работала в колхозе, но когда исполнилось 20 лет поехала в Барнаул учиться на ткачиху, а затем приехала сюда и устроилась на игрушечную фабрику. Два года без малого продружили и вот в марте решили пожениться.

Домой на север!

Костю всегда тянуло на Каргасокскую землю, и он легко уговорил Машу ехать жить в Каргасок.

В Каргаске он сразу же устроился в райсоюз водителем, где и проработал 30 лет до выхода на пенсию, а Маша пошла работать в КБО портнихой, где тоже проработала 20 лет.

В семье родилось две девочки Нина и Таня. Нина окончила торговый техникум, работала товароведом в райсоюзе, а Таня в связи.

Теперь Константин Павлович и Мария Ивановна радуются внукам. Внук Володя окончил физико-математический факультет ТГУ и учится в аспирантуре.

Мария Ивановна с удовольствием участвует в хоре «Ветеран». Вот уже 4 года поёт в этом замечательном хоре радуясь общением с коллективом и с населением района на концертах.

Константин Павлович домосед и большой любитель повозиться с внуками в надежде, что с правнуками навозится вволю.

Женщина всегда остаётся молодой

Ходит в народе такая шутка: у женщин три возрастных категории — девочка, девушка, молодая женщина, молодая женщина... бабушка умерла. Отсюда вывод — женщина всегда остаётся молодой, даже в своё столетие.

Годы 30-е — годы лихие

Отец Маши Ерёминой умер в 1931 году. Ему сделал операцию в Томске знаменитый врач Савиных и велел побережиться, а Александр Иванович, видя, как жена не может справиться с бадьей у колодца, перехватил её и вылил воду в вёдра, а затем ещё несколько раз достал воды из колодца. Вроде, сил хватило, не напрягался, но прооперированные органы не выдержали. И вот глава семьи Ереминых — в гробу.

Семья была зажиточной: 5 дойных коров, несколько рабочих лошадей, тягло, сельхозинвентарь и прочие орудия труда. Это про таких говорят: «Дом — полная чаша». И такие всегда, как бельмо на глазу для ленивых и нерадивых.

Пришла комиссия по описанию имущества, дома, хозяйственных построек, животных. Даже тело покойного подняли, обыскали его и гроб: не спрятали ли туда чего. Хозяйку с детьми — в Нарымский край. А их в семье пятеро и самой старшей, Маше, всего одиннадцать лет, а самой маленькой — два месяца.

Похоронили отца, и повезли их в Кривошеино, которое было в 30 километрах от их села Никольского. Жаль было расставаться с родным селом, в котором было 300 дворов, и раскинулось оно аж на 4 километра. Были здесь церковь, клуб, крупный

маслозавод, на котором перерабатывали молоко при помощи лошадей. С помощью лошадей же отжимали масло. (Кстати, у нас в Каргаске до сих пор масло отжимают руками).

Привезли ссыльных в Кривошеино 31 мая. Обь плескалась у самых ног. Шёл снег. Всех людей в ожидании барж держали под яром. Мать умолила старшего конвоя отпустить погреться её с детьми к родственникам, чей дом находился рядом. Среднюю дочку оставила присматривать за вещами.

Они сидели в доме, когда донёлся грохот обвала яра и истошные крики людей. Маша побежала к берегу. Там, где были вещи и сестра, плескались волны. Обвалившийся яр похоронил часть людей, согнанных из Кривошеинского и Молчановского районов, а волной, образовавшейся от обрушившегося берега, смыло все вещи.

В полном отчаянии металась Маша по берегу, как вдруг увидела сестрёнку, которой удалось убежать от двухметровой волны. Однако семья осталась без всего: ни еды, ни вещей.

Подшли баржи. Погрузились и поплыли. Привезли всех под Усть-Чижапку, высадили на берег Васюгана. Женщины начали драть бересту, а мужчины строить шалаши...

В сентябре стали организовывать рыболовецкую бригаду. Мать отпросилась у коменданта в эту бригаду, а Машу на зиму отправила в Никольское в школу.

Зиму прожили в землянках в Ново-Югино, а весной купили избушку в Усть-Васюгане. Маша окончила начальную школу в Никольском и на следующую зиму поехала в Каргасок. После окончания семилетки лето прорыбачила, а зимой приняла магазин сельпо. Но все равно днями работала на засольне, а торговала только вечерами.

Когда в семье лад — труды не страшат

Посёлок Каша находился в трёх километрах от Усть-Васюгана. Вся молодёжь ходила на ганцы в избу-читальню в Каше. Там же был и сельсовет.

Маше понравился парень в Каше, удачливый рыбак Михаил Серяков. Дружба переросла в любовь, и в 1940 году решили пожениться.

В Каше Маша также приняла магазин, но днями продолжала рыбачить. Даже рождение детей не давало права на отдых. Одна дочка умерла только потому, что покормила её грудью, в которой за день молоко «перегорело». Никто не подсказал молодой, что молоко надо было сдаивать, и отравился ребёнок.

Мария родила 12 детей, но в живых остались только три дочери и четыре сына. Все получили хорошее образование, причем четверо — высшее. Старшая Лида — юрист, Василий закончил НЭТИ, самой младшей дочери Наде уже 40 лет, она после окончания университета осталась в Томске.

Из Каши в Каргасок Серяковы переехали в 1969 году, будучи последними жителями этого некогда довольно большого посёлка. Столько пережито там за эти годы, все дети родились там, сколько всего было хорошего в жизни, хотя случались и огорчения. В 1960 году построили большой дом. Жили, несмотря на многочисленную семью, весьма неплохо. Михаил Афанасьевич был очень хорошим рыбаком. За день добывал он 10–12 центнеров стерляди.

Как-то Мария съездила в Каргасок, накупила вещей для многочисленного семейства. Сели обедать, а в это время кто-то из «доброжелателей» поджёг сени. Пламя перешло на крышу. В окно застучали: «Горите!» Дед Афанасий распахнул дверь, и мощное пламя ворвалось в дом. Выбили окно и стали выпрыгивать в него. Искали детей. Миша забился под кровать, еле в дыму отыскали, а Мария бегала, искала сапог, только что купленный в Каргаске. Только успели её вытащить с одним сапогом в руках, как крыша и потолок рухнули. Дед Афанасий держал в руках драную сеть — это всё, что удалось ему спасти.

Приехал с рыбалки Михаил Афанасьевич и начал успокаивать Марию: «Ничего, мать, горит, и пусть горит, главное — дети живы и руки целы. Наживём!» Взял сапог у неё из рук и бросил

в огонь. До сих пор жалко этих сапог Марии Александровне — не поносила, не похвасталась перед товарками.

Беда, как говорится, одна не приходит. Стали раскапывать пепелище, чтобы посмотреть, что осталось от картофеля, и обнаружили: верхний слой — испекся полностью, дальше — до половины спёкся, а внизу картошка уцелела. И надо же такому случиться, что добралась до него корова. Объелась кормилица и сдохла. Тяжело пришлось, но снова построились, и снова можно было позавидовать их достатку.

Мария Александровна в Каргаске год проработала продавцом в хлебном магазине. Ей, многодетной матери, отработавшей почти сорок лет на производстве, пора пришла и «отдохнуть». Дома было столько работы, что работа на производстве покажется отдыхом.

39 лет спустя

Прошло 30 лет. Мария Александровна ещё очень жизнерадостна. Ещё при жизни мужа они побывали на Камчатке, в Хабаровске и Краснодаре. А недавно с дочерью Ниной съездила в Москву на 60 — летие к старшей дочери Лидии.

И вот недавно на её 80-летие съехались все дети, 21 внук, 7 правнуков. И потрянула стариной Мария Александровна — лихо, под частушки закатила такую дробь, как бывало 60 лет назад в избе-читальне в Каше. Действительно, женщина всегда остается молодой, если таковой себя ощущает.

Один ученый сказал, что каждый человек имеет генетическую программу, определяющую продолжительность его жизни. У Марии Александровны в её генетической программе, судя по её поведению, заложено не менее 120 лет. С удовольствием присоединяюсь к пожеланию её детей, внуков и правнуков, крепкого ей здоровья, счастья, и чтобы дом никогда не покидали друзья, родные, радость и любовь.

Жизнь с удивлением в душе

Иван Лёвкин, хотя и находится на пенсии по старости, по-прежнему очень активен. Он член президиума Каргасокского районного совета ветеранов, председатель совета ветеранов потребительской кооперации. В его личном хозяйстве есть трактор, и каждую весну он вспахивает огороды себе и друзьям, а в сеноуборочную страду косит травы, убирает сено, опять-таки не только для себя, но и для друзей.

Он уверен: пока живёт в душе человека удивление поступками людей, районной администрации или хозяйственной деятельностью предприятий — он жив, он должен участвовать в общественных мероприятиях, проводимых в районе.

О прошлом, оставившем в душе шрамы

Родился Иван в Красноярском крае, в большой семье, в которой только детей было 9 человек. Но несмотря на это, не бедствовали, потому что умели работать и знали цену труду. И даже не предполагали, что именно это вменяют им в вину.

Тем не менее в 1933 году семью Лёвкиных объявили кулацко-середняцкой — такой термин придумали правители и под этим предлогом вновь стали выселять «справных» хозяев, не пожелавших вступить в колхоз. Только, если в 31-м обирали «до нитки», то теперь переселенцам разрешалось брать лошадь, повозку и домашние вещи.

На своих лошадях переселенцы добрались до Томска, а там и людей, и лошадей погрузили на баржи: людей — в трюмы, лошадей — на палубу. Повозки, в основном, побросали на берегу. Небольшой катер зацепил две баржи и повёл их сначала вниз по Томи, потом вниз по Оби до Чулым-реки.

По дороге случилось ЧП — на одной из барж палуба не выдержала под тяжестью лошадей и обрушилась в трюм. Перепуганные лошади задавили и затоптали пять семей ссыльных. Баржу эту повели по Чулыму и в каком-месте оставили под разгрузку. А вторую довели до реки Васюган, коричневый цвет воды которой поразил переселенцев.

— Как стирать в такой воде? Ведь всё закрасится, — вздыхали женщины.

Однако, на удивление им, бельё после стирки оставалось таким же, каким и было, только чистым.

В начале июня баржа причалила к высокому яру Васюганского берега, и люди начали выгружаться, карабкаясь вверх со своими пожитками туда, где стеной стоял сосновый лес. А на самой круче рос могучий кедр, который был священным деревом васюганских хантов. Его спилили на плахи, а мощный пень многие годы служил местом свиданий и развлечений для молодежи.

Как и первые переселенцы, начали рубить бараки, копать землянки, строить шалаши. Многие рыли землянки прямо в яре, драли бересту и устилали ею полы, обивали стены, мастерили печурки.

Те, у кого в семье были мужики, рубили себе дома. Возводила дом и семья Лёвкиных, рубя сосняк по обозначенной улице.

Назвали новый посёлок одноимённо с созданным колхозом «Путь Севера». Впоследствии он стал называться Новый Васюган, чему предшествовали и другие названия — Могильное, Смирновка, которые не прижились.

Лёвкины были мужики мастеровые, и им доверили пилить лес на плахи и тёс. По норме надо было маховой пилой пропилить 100 метров, и если для молодого здорового мужчины труд был

посильный, то для деда Наума, которому шёл восьмой десяток, очень нелегким. Особенно, если учесть, что жили впроголодь. А куда денешься? Не допилили — недополучили пайку хлеба.

Иван то время почти не помнит, ему ведь шёл всего четвёртый годик. Но как хоронили деда Наума, он запомнил. Много народа умерло той зимой.

Наступила весна, а земли под пашню не было. Несколько мужиков отправились вверх по Васюгану на разведку. В Майске им подсказали, где лучше посмотреть. И всего в 20 километрах от этого поселка нашли они удивительно красивое место, такое, что разведчики на мгновение застыли в восхищении — прямо перед ними расстилалась поляна, сплошь покрытая цветущим разнотравьем. Как писал поэт Хазри,

Здесь красота воспета лепестками,
Здесь, кажется, и солнце с высоты
Глядит на мир, пропахшее цветами...

— Какое весёлое место! — воскликнул кто-то.

И решили назвать свой новый посёлок Весёлым.

Одного из разведчиков отправили в Новый Васюган за бригадой строителей. И началось строительство бараков. В каждой комнате, предназначенной для четырёх семей, ставили русскую печь, сооружали нары, на которых спали взрослые, а дети — вповалку на полу.

Для умелых рук всегда найдётся дело

Три года ушли на раскорчёвку леса под поля и обустройство быта. В 38-м стали расселять бараки, и теперь уже в каждой комнате оставалось только по одной семье.

Поняв, что коллективно жить легче, веселовцы организовали три колхоза. Лёвкины оказались в колхозе «Путь Севера», в котором оказалось очень много мастеровых людей. Здесь были пимокаты и кожевенники, скорняки, кузнецы, жестянщики. А строительством занимались все, и каждый умел работать плотницким топором. До сих пор ещё можно отыскать

железные печи мастера Кожурина, хомуты Михаила Шубкина, валенки Егора Лёвкина. Заработали в колхозах пихтовые и дегтярные заводы. Появились в посёлке школа, изба-читальня, магазин, в котором торговали даже лакомствами — конфетами «лампасейки», сушками, кренделями.

В 39-м Иван сел за школьную парту, а в 43-м его отца Егора Наумовича перевели в Майск мастером-учителем на организованных райпромкомбинатом курсах пимокатов.

Долго учиться Ивану не пришлось, после окончания 6-го класса его отправили в колхоз «Земледелец». Вместе со своим напарником Леонидом Боровковым он освоил все хозяйственные работы. Нелёгким был труд, что и говорить: зерновые давали богатый урожай, большая часть которого сдавалась государству, а почти все работы велись вручную. Потому, когда в 1947 году Ивану предложили поехать на курсы счетоводов, он с радостью согласился. На этих курсах вместе с ним учился знакомый сегодня почти всем томичам писатель Вадим Макшеев, а ещё Александр Карамзин — потомок знаменитого поэта и общественного деятеля России.

В январе 1948-го Ивана направили в посёлок Кунтики счетоводом колхоза «Искра». Проработал два года, приделся и даже купил себе гармонь, играть на которой его научили братья Ровкины — отличные гармонисты. И тут подошло время армейской службы. Попал он в железнодорожные войска, в отдельный мостовой батальон.

Служил на озере Хасан, где в 1938 году советские войска разгромили и отбросили японские войска, вторгшиеся на нашу территорию. Стоял 1950-й год. Шла война американцев с Кореей, и обстановка была напряжённой: каждый день ожидали, что война начнётся и с нами. А пока усиленно помогали Корее. Спешно начали строительство моста через пограничную реку.

Было очень голодно и тяжело, особенно первые два года. На третий стало лучше. Ивана выручала гармошка: отработав 6 часов на строительстве моста, он шёл в клуб на репетицию.

Нельзя забыть тропинки детства

Демобилизовавшись, Иван по совету отца поехал в Красноярский край к родным. Встретили его тепло, быстро устроился на работу. Потом переехал в Березовск и несколько лет проработал в торговле.

Однако тянуло домой, туда, где прошли детство и юность. И он вернулся в родные места. Принял в Майске клуб. А по совместительству преподавал физкультуру в школе. Коллектив учителей во главе с директором Зоей Васильевной Колесниковой с удовольствием участвовали в художественной самодеятельности, а он аккомпанировал на гармошке. Вместе ставили интересные многоактные пьесы.

В Майске Иван познакомился с медичкой Сашей. Любовь была взаимной, и образовалась новая семья.

Однажды в Майск приехал в командировку председатель райисполкома и по метеоусловиям застрял здесь на неделю. Как раз в это время самодеятельные артисты подготовили

спектакль «Весёлка». Их задорная игра, декорации очень понравились предрику, и когда возник вопрос о директоре Каргасокского РДК, он посоветовал заведующему отделом культуры Д. Г. Погорелову пригласить Ивана Лёвкина.

Так в 1962 году семья Лёвкиных оказалась в Каргаске. Для Александры Михайловны нашлась работа по специальности — медсестрой хирургического отделения районной больницы. А Иван Егорович четыре года заведовал РДК.

Мужики всегда имеются в народе

Иван Егорович решил вернуться в торговлю — после окончания вечерней школы он заочно учился в сельскохозяйственном техникуме. Поработал какое-то время старшим экспедитором, а потом его назначили директором хозрасчётной розницы. Через два года стал председателем рыбокооп. С 1979 по 1984 год он — заместитель председателя райпотребсоюза по заготовкам.

Находясь на заслуженном отдыхе, Иван Егорович не прерывает связи с родным предприятием. К его советам прислушиваются нынешние руководители потребкооперации и оказывают посильную материальную помощь ветеранам торговли, обеспечивают их дровами, транспортом.

Никакой обиды за репрессии в отношении его семьи в 30-е годы на власть Советов он не держит, говорит, что «по большому счёту большинство репрессированных не такие уж безобидные люди. Были и противодействия коллективизации, без которой вряд ли удалось бы выстоять в большой войне. Были уходы из деревень, массовые забои скота. Была и «Сибирская Вандея» и многое другое. Конечно, пострадали и безвинные, но нельзя сделать омлет, не разбив яиц».

Хочется пожелать этому беспокойному человеку подольше пожить на земле.

Часть четвертая

По праву памяти живой

Ещё крепко пожатье руки,
И глаза не подернулись холодом:
Хоть сейчас вы уже старики,
Но душою по-прежнему молоды.

И как будто судьбою самой
Сведены воедино вы, разные,
Чтобы жить одной дружной семьей,
Неразлучны и в будни, и в праздники.

Зло и зависть у вас не в чести,
И сердца милосердием полнятся,
Отношенья полны чистоты,
А дела добротой запомнятся.

Виталий Фёдоров

Наследие

К Дому детского творчества у меня особое расположение. Как однажды зашёл туда, чтобы рассказать о творческой работе педагога дополнительного образования Г. А. Адереевой, так и прикипел душой к той большой работе, которую проводит этот дружный коллектив. Сегодня мне хочется рассказать о радиотехническом кружке, в котором, в отличие от других кружков в ДДТ, занимаются одни «мужчины» — от 11 до 18 лет. Руководит им вот уже свыше 20 лет Андрей Геннадьевич Захаров.

Он учился в Славянском педагогическом институте, в Донецкой области. После окончания 3-х курсов приехал в Каргасок и поступил в школу №1 лаборантом физики. Перевёлся в Томский пединститут и закончил его заочно в 1985 году. В том же году перешёл работать в Дом пионеров руководителем радиотехнического кружка.

И так много им сделано! Более 250 кружковцев, пройдя поэтапную (уровневую) подготовку, получило достаточно профессиональную подготовку. И эта цифра увеличится в несколько раз, если историю кружка начинать с 1947 года, когда им руководил ещё Степан Михайлович Климов, проживающий в настоящее время в Эстонии.

Климов начинал с детекторных приёмников, и родители были в восторге, что их чадо своими руками собрало некоторое чудо, которое, если послушать в наушниках, говорит! Захаровцы — наследники того радиотехнического, в своей работе используют компьютерные технологии. И сколько уже наработано, вернее, изготовлено различных радиотехнических поделок. Сейчас у Андрея Геннадьевича и его питомцев есть новая задумка — изготовление больших электронных часов с термометром для родного Каргаска. А это значит, что жители села, района и гости, находясь на самом оживлённом месте Каргаска, будут знать точное время и температуру окружающей среды.

Но самое главное назначение кружка — профессиональная ориентация. Многие бывшие кружковцы становятся специалистами в этой сфере деятельности, поступая в основном в ТУ-СУР и ТПУ.

Андрей Геннадьевич, педагог высшей квалификационной категории, с помощью тонких воспитательных приёмов легко мотивирует и развивает у детей умственную самостоятельность, способность к индивидуальному и коллективному труду, творческую активность, целеустремлённость, волевые качества, что в будущем обеспечивает ребятам успешность в жизни.

Работали, пока хватало сил

Великая труженица Анна Кириленко и сейчас не сидит без дела: управляется по хозяйству, по дому, возится с правнуками.

Анне Ивановне идет 87-й год. Но кто скажет, что она приближается к возрасту долгожителей? Энергичная, словоохотливая. Она из тех, кто в карман за словом не лезет. А какая память! Её привезли в наши края 12-летней, но она помнит всё так, словно случилось это вчера, хотя своё прошлое старается вспоминать пореже. Да и зачем? Как поётся в песне

Поперечного, «сожжён мосток, ушла из сердца боль, исчезла речка, вдаль умчалась юность»... А вспомнить есть что.

Поседевшая память

Родители жили в селе Камышинка в Мариинском районе. Хозяйство имели крепкое: держали скот, сеяли хлеб. Зимой у них работали маслобойня и шерстобитка. Подрастали дети: три сына и две дочери.

Спецпереселение 31-го года как-то не очень их напугало. Но в колхозе работать не хотелось: мужики по отцовской линии все были хозяйственные, наёмный труд не использовали. Но очень уж не по нраву пришлось кому-то их трудолюбие. Да ещё и крепкое хозяйство. И когда в 33-м на село вновь обрушились

репрессии, объявили их кулаками, как и всех остальных, кто не пошёл в колхоз.

Пришли описывать хозяйство. Очень удивился тогда Иван Краснов, что причислили их к кулакам, пытался доказать, что это не так. Его арестовали, а семью посадили на телеги и повезли в Томск. А оттуда на баржах доставили к Яру, будущему Новому Васюгану.

Вода подмывала яр, и оттуда иногда вываливались кожаные гробы. Это были остяцкие захоронения. Вот и назвали место Могильным Яром. Прибывший из Каргаска комендант Смирнов распорядился назвать строящийся поселок Смирновкой. Но название не прижилось, люди его не приняли, и когда организовался колхоз, назвали его «Путь севера». Так же стали называть и поселок.

Прямо в яру Красновы выкопали землянку, да в ней и перезимовали. А с приходом тепла вместе с другими такими же горемыками начали строить бараки, комендатуру, школу.

Лес подвозили с другой стороны Васюгана, а на яр затаскивали с помощью верёвок женщины: забивали по краям бревна скобы, цепляли за них верёвку и вчетвером вытаскивали на яр.

От тяжёлой работы и голода люди слабели, и смерть косила направо и налево. Бывало, присядут передохнуть, потом поднимутся, а одна так и остаётся на месте — умерла. Хоронили там, где сейчас находится аэропорт Нового Васюгана.

Через год поехали мужики в сторону Майска и присмотрели прекрасное место. И название придумали тут же — Весёлый. Почти два года рубили там дома, строили скотные дворы, другие постройки, необходимые для нормальной жизни, а в 36-м переехали на новое место, организовав там сразу три колхоза: «Путь севера», им. Тельмана и «Вперёд».

Так получилось, что в колхозе «Путь севера» оказались самые смекалистые и мастеровитые люди. Председателем избрали Арсентия Ворошилова. Толковый был мужик, много сделал для укрепления колхоза.

Шла сквозь испытанья, зубы стиснув

Аню сразу же отправили на пихтовый завод. Мастер Егор Наумович Лёвкин, спецпереселенец из Красноярского края, отмечал: «Ох, и жадная до работы девчонка, ведь пока полторы-две нормы не сделает, из леса не придёт».

Лёвкин жалел девчонок, но те носили вязанки пихтолапок все тяжелее и тяжелее. Однажды взвесил он притащенную вязанку и охнул: «Ты с ума сошла, девчонка! Здесь же сто килограммов!» Председатель распорядился, чтобы более 50 килограммов в вязанке не считать. Это, чтобы девчонки не надсаживались.

Аня была скромной, никогда не позволяла себе ни одного матерного слова. Но однажды Егор Наумович услышал-таки от неё крепкое мужицкое выражение.

А было так. Как обычно, схватилась она за тяжеленную вязанку, но запнулась и упала. А подняться из-под этой пихтовой кучи силёнок не хватает Егор поспешил на помощь, но вдруг услышал такой отборный мат, что невольно замер на месте, а затем тихонько ретировался, хотя очень хотелось помочь девушке: она же потом сама себя загрызет, если узнает, что её слышали... Такие выбирают сами.

И точно. Когда оглянулся, увидел, как вязанка медленно движется к заводу. На себе ведь таскали лапку, а не на лошадях, как на других заводах. А вот задание почему-то было больше: в других местах 200 кг за смену, а тут — 250. Аня в отдельные дни притаскивала до полутонны. И так каждый день.

Не перепрыгнет осень лето, зима весну не обойдёт

Ане исполнилось 20 лет. Пришла пора любви. Задружили, полюбили, поженились. Но не долгим было счастье Анны Красновой и Андрея Кравченко — началась война.

Спецпереселенцев в её начале в армию даже добровольцами не брали. Отправили Андрея в Волково на лесозаготовки. Работал мастером-бракером. Переехала к нему и Анна. Стала работать на сплотке леса. Однажды чуть не утонула вместе с подружкой.

Васюган как раз начал вскрываться, а лес оставался на другом берегу, и его надо было столкнуть в воду. Чтобы поплыл в запань.

Сели в обласок. Страшно было Ане — впервые села в такую вёрткую скорлупку, но дело есть дело.

Перебрались, вроде, благополучно, но при переезде ко второму штабелю обласок перевернулся. Успели схватиться за бортик, и понесло их к берегу, где стоял с багром в руках Андрей. Он быстро протянул багор и заставил Аню уцепиться за него, отпустив борт обласка. В общем, вытащил обеих из ледяной купели.

Промокшие и продрогшие, они побежали к дому и залезли на русскую печь. А сверху их забросали тряпьём. И ничего, пронесло, даже не чихнули.

В 43-м Андрея призвали на фронт, и он почти сразу погиб. Осталась Анна одна с дочкой Лидой. Родители Андрея стали настойчиво звать Анну назад в п. Весёлый. Она согласилась и поселилась у них. Но свёкры это свёкры, уж не знаю, чем она им не угодила, а только взяли и выставили из дома. А у неё и без того горе: сначала умерла мать, потом сестра. Хорошо, что мир не без добрых людей — приютила Анну с дочкой эстонская девушка, живущая в крошечном домике. Потом ей удалось купить свой домик.

Жилось трудно. Как и всем в то суровое время. Но выжили, выстояли.

Закончилась война. Анна продолжала работать на пихтовом заводе. В 1955-м встретила хорошего человека — Николая Кириленко и вышла за него замуж. Переехали на лесоучасток «Осинов Яр» Через год родился сын, которого назвали Владимиром.

Анна пошла работать на лесоповал. Валила лес лучковой пилой. Как всегда «жадная до работы», она выполняла по полторы-две нормы. Этот «лесной богатырь», миловидная, ниже среднего роста женщина, ни в чём не уступала крепким здоровым мужчинам.

«Я по-другому не умею»

В 1963 году Анна с семьёй переезжает в Каргасок где устраивается на пищекомбинат И тут она зарекомендовала себя как отличный работник: за что бы ни взялась, всё-то у неё ладно получалось, к тому же в ней вдруг проявился талант кондитера. На неё посыпались награды: каждый год вручался знак победителя социалистического соревнования, наградили знаком «Ударник пятилетки», есть медали, грамоты.

Коллеги по работе только удивлялись: рабочий день закончился, а она всё ещё домой не ушла, словно нельзя завтра доделать незаконченное. Но такой уж характер у Анны Ивановны — пока не доделает начатую работу, не бросит. Она говорит: «По-другому я работать не могу, не умею и не хочу».

Её силе духа и запасу прочности можно позавидовать. Уйдя на пенсию после 69 лет, она ни дня не сидела без дела. И сейчас, несмотря на возраст, управляется по хозяйству и по дому, водится с правнуками. Это о таких, как она, сказал поэт В. Соловьев:

Тогда никто пощады не просил:
Ни старики, ни мы — ещё ребята -,
Работали с рассвета до заката,
Работали, пока хватало сил.

Кто людям отдавать себя привык...

2006 год, год Собаки, для Геннадия Нагаева оказался счастливым и удачливым: к нему пришло признание его заслуг как в работе, так и в общественной жизни района — он председатель правления районного общества инвалидов.

Бытует мнение среди народа (впрочем, в прессе тоже), что инвалиды — это люди с ограниченными возможностями. И эти слова сразу загоняют инвалидов

в определенные рамки, вырваться из которых по силам только людям с огромной волей, запасом прочности и жизнестойкости.

Геннадий Михайлович вполне справедливо считает, что слово «инвалид» менее обидно, чем «ограниченные возможности». Ведь он сам, будучи инвалидом с детства, всей своей жизнью доказал, что границ таковых не существует, если ты их сам не воздвигнешь. А с его мнением невозможно не считаться, его авторитет в обществе высок, именно он представлял на IV съезде инвалидов России 26 578 инвалидов Томской области.

Годы летят, как птицы

Нагаевы — нарымчане. Их семья была одной из самых зажиточных в деревне Новокрещеново, находившейся неподалеку от Нарыма. Занимались в основном извозом, только запряжных лошадей в хозяйстве было 13. Ещё дед Фёдор в свои молодые годы возил в Томск рыбу, мясо, пушнину, кожсырьё и прочие дары природы, привозя оттуда муку, соль, сахар, охотничье снаряжение и рыболовные снасти и мануфактуру.

В 1928 году у Михаила Нагаева родилась дочь, названная Лидией. А он ждал сына — наследника всего немалого хозяйства и... дождался: увели со двора лошадей и домашний скот, забрали весь сельхозинвентарь, дом, хозяйственные постройки. Даже цепь, прикрепленная к собачьей будке, была внесена в опись имущества.

Оставшись практически голыми и босыми, без крова, Михаил Фёдорович с отцом решили уехать в Каргасок. Там в семье появилась ещё одна дочь и, наконец, долгожданный сын.

Но только недолгой была радость Михаила Фёдоровича — началась война, и он ушел на фронт, откуда вернуться ему было не суждено.

Геннадий рос крепким пареньком, хорошим помощником матери. Но в 12 лет случилось с ним несчастье: раскатившись на льду, не удержался на ногах и упал, сильно ударившись. Да ещё и ногу подвернул. Еле доковылял до дома, ощущая сильную боль в области таза. А там, увидев ведро с простоквашей,

напился досыта. Это спровоцировало диурез, к болям в области таза добавились боли в животе. И Геннадия вместо хирургии поместили в инфекцию. Про ногу никто и не вспомнил.

Так и стал паренёк инвалидом, что, впрочем, не помешало ему после окончания семилетки поступить в Томский учётно-кредитный техникум.

**«В работе не жалея рубаху —
пусть плечи осыпает пот»**

Выбор техникума, по сути, был сделан матерью, стремившейся к тому, чтобы сын не чувствовал себя ненужным обществу, а мог наравне с другими, абсолютно здоровыми, приносить пользу и людям, и себе.

По окончании учёбы он получил направление в Алтайский край, в село Шабалино, что находилось в 25 километрах от Бийска. Работал в банке инспектором кредитного отдела. Рослый, широкоплечий, с пышной «гривой» на голове, 25-летний молодой специалист, надо сказать, пользовался немалым успехом у прекрасного пола. Однако, о женитьбе и не помышлял.

А спустя два года его неожиданно перевели в поселок Усть-Кокса. Это никак не вписывалось в его планы, и он написал заявление на увольнение. Конечно, не отпустили, надо было отработать ещё год. И тогда он уехал самовольно, без документов, в родной Каргасок.

Ему повезло: когда учился, практику проходил в Каргасокском отделении Госбанка, где его запомнили. Вот и взял управляющий Владимир Семёнович Субботин парня без документов

на свой страх и риск. Правда, бухгалтером, хотя Геннадий стремился в инспекторы.

Прошло четыре года. Должность инспектора даже не светила, и Геннадий решает перейти в райпо экономистом. Но и эта работа не принесла удовлетворения ни в райпо, ни в райплане, ни в сельхозуправлении. Только через 12 лет нашёл он дело по душе — был принят в ПМК-1229 инженером по технике безопасности.

Человек общительный, коммуникабельный, он быстро освоился в коллективе, стал своим. А главное понял: эта работа — та, к которой он так долго стремился. Вот только личная жизнь не складывалась. Друзья шутили: «Как же сильно надо любить семью, женщин, чтобы оставаться холостяком».

«Ягодка ты моя!»

В июле 1996 года председателем правления общества инвалидов был избран Г. М. Нагаев. Вот уж где пригодился ему опыт общения с людьми различных возрастов и характеров. Ему удалось, что называется, с ходу создать деловую обстановку, дружный коллектив, тёплую атмосферу взаимоотношений. В его кабинете всегда было тесно: один зашёл уплатить взносы, второй — чтобы сделать ксерокопию документов, третий — с просьбой посодействовать в проведении ремонта квартиры... Да мало ли проблем у народа, тем более у инвалидов! А некоторые приходят просто посидеть, поговорить.

Любого, будь то молодой или старый, Геннадий Михайлович встречает приветливой улыбкой и ласковым словом: «Ягодка ты моя, как это надумала придти...».

Благодаря председателю у общества сложились добрые отношения с ортопедическим предприятием Томска, и теперь дважды в год в Каргасок приезжают специалисты-ортопеды, привозят выполненные заказы, принимают новые. Активно сотрудничает он с районными организациями, с детскими клубами, с клубом «Тёплые встречи».

Весна приносит новые хлопоты: надо помочь членам общества вспахать огороды, привезти удобрения и посадить картофель, отремонтировать заборы. И у осени хватает проблем, главная из которых — уборка урожая.

Что и говорить, не ошиблись инвалиды области, избрав именно Нагаева делегатом на съезд ВОИ. Он молод душой, и, как сказал поэт Михаил Хонинов,

Прошли года...

Но и года тебя состарить не сумели...

В этом помогает ему ежедневная гимнастика, которой вот уже более трёх тысячелетий занимаются тибетские монахи. Двадцать упражнений стимулируют иммунную систему, и по эффекту равнозначны иглорефлексотерапии. Вот и секрет его молодости.

И что ещё интересно, живёт Геннадий Михайлович по правилам сильного человека, сам того, возможно, не сознавая:

- не тратит силы на жалость к себе,
- не зацкливается на мыслях о плохом,

- помогает другим,
- независимо от самочувствия, держит голову высоко и ведёт себя так, будто он самый благополучный во всех отношениях человек.

Ну, а воли и стремления преодолеть свои беды, ему не занимать. Это о таких, как он, сказано:

Кто людям отдавать себя привык,
Другой судьбы тому желать не надо...

Судьбы её простое полотно

Семья, в которой выросла Вера Константиновна Полтанова, жила в Тымске, потом в Новом Васюгане. В 40-м Вера пошла в школу.

Отца, Константина Фёдоровича Бедарева, призывали на фронт в августе 41-го. Уже после его гибели, в 45-м, семья узнала,

что служил он в СМЕРШе — организации, боровшейся с диверсантами, шпионами и другими врагами народа. Константин Фёдорович писал с фронта, обращаясь к Вере: «Учись, доченька, старайся, а после войны поедешь учиться на врача».

Но Вера окончила всего 6 классов, и на семейном совете решили, что две старшие сестры, Таня и Вера, пойдут работать — одной матери пятерых ребят не поднять.

Вера пошла уборщицей в школу, а Таня почти сразу уехала в Томск. До 54-го года помогала Вера матери растить и учить младших сестренок. Девочки подрастали и тоже шли на разные работы. Вера выходит замуж, ей уже 22 года. Но семейная жизнь не заладилась — муж оказался жесток нравом. Как известно — жесток нрав не бывает прав.

И хотя мама Веры была против развода, мол, всякое в семье случается, стерпится — слюбится, она твёрдо решила, что так жить дальше не может. И она уезжает в Тогур, где живёт её младшая сестрёнка Гера с мужем. Там поступает на Кетский лесозавод укладчицей пиломатериалов.

Доброжелательная работающая женщина быстро освоилась в коллективе и стала пользоваться заслуженным авторитетом. Она — член цехкома, председатель товарищеского суда. «Ты,

Вера, не только хороший работник, но и хороший адвокат», — сказал как-то председатель цехкома.

Очень подружилась Вера с семьёй родственников Геры по мужу — они считали её родной и очень к ней привязались, особенно дети, общение с которыми доставляло Вере большое удовольствие. А когда скончалась мама детворы, она постаралась сделать всё возможное, чтобы сгладить боль утраты.

Через несколько лет отец детей Пётр предложил Вере совсем войти в их семью, стать ему женой, а детям матерью.

Задумалась Вера, зная непростой характер Петра. Но и обещание, данное подруге, не бросать детей, помнила. Это и решило вопрос выбора.

Но вот дети выросли, обзавелись своими семьями, появились внуки. Вот уж где проявилась её любовь — внуки в бабушке Вере души не чают.

И пусть идут годы, а возраст перевалил за 70, жизнь ей не надоела, она живёт, радуясь каждому дню.

Жизнь продолжается.

Году в 67-м зашёл я в часовую мастерскую, что располагалась по улице Фестивальной, и стройный молодой парень в солдатской гимнастёрке, перехваченной ремнём, взяв у меня часы, вскрыл их, что-то ковырнул, и часики пошли в нормальную сторону, отсчитывая вечность. Так я познакомился с Александром Алексеевичем Рудаковым.

Часовым мастером он стал после службы в армии и прохождения специальных курсов. Зарплата вполне устраивала молодого человека, тем более, что действовала ещё и премиальная система. В основном несли к нему «Победу», «Звезду», «Молнию», «Кировские», запчастей к которым было в достатке.

Но с каждым годом ассортимент расширялся, стали появляться часы более сложные, более точные, с двумя календарями, с подзаводом. Все эти модификации он осваивал по ходу работы. Ездил в командировки по району, оказывал услуги на местах.

Фурнитуру он получал централизованно. Конечно, её не хватало, и Александр, выезжая каждый месяц в Колпашево с отчётами, набирал там запчасти из числа наиболее дефицитных.

Но всё хорошее когда-нибудь кончается. Последние 5 лет часовая мастерская перебивается, как говорится, с хлеба на квас. Снабжение запасными частями отсутствует полностью. Ещё года два назад привозили фурнитуру из Средней Азии, Белоруссии, которую он нередко покупал на свои собственные деньги. Сейчас в ход идут и части из старых часов. Но главное — мастерская работает! С 10 до 14–15 часов мастер всегда на месте.

Конечно, часов неисправных у людей много, но зачастую клиенты не идут только из-за отсутствия денег. А сколько ремонтирует мастер в долг, а то и совсем даром: вскрыл часы, разобрал, почистил, подкрутил — носите! Недавно принёс ему свои старенькие часы, которым уже лет 30. Пока Александр Алексеевич их ремонтировал, наблюдал. Вот забежала девушка, удивилась, что мастерская, оказывается, работает. Подала часы. Мастер вскрыл, продул, завёл. Сколько за ремонт? Ничего не надо.

Я пошутил:

— За погляд денег не берём?

Сейчас Александр Алексеевич ремонтирует часы на дому, да и то только знакомым. Не любит он китайские электронные подделки, считает, что они хороши как игрушки для детей, да и то не надолго.

Пусть лучше несут старые часы, и если найдутся запчасти к ним — их многолетняя работа гарантируется. Часы ваши идут, и жизнь продолжается!

Лесной богатырь

Лесными богатырями называли знатных лесорубов карга-сокцы.

Эти слова ассоциируются в сознании с «Железным дровосеком» — этаким крепким, рослым и необычайно сильным человеком.

Лесная промышленность в районе была бюджетообразующим предприятием, и славилась она своими знатными лесорубами, награждёнными высшей наградой Родины — орденом Ленина. Это были Прокопий Гавзан, Владимир Мытниченко, Тихон Власенко, Николай Усенко Григорий Мартемьянов, Алексей Перемитин, Семен Бахтеев, А. Нагин, В. Янышевский. Двое из них стали Героями Социалистического Труда — Владимир Янышевский и Николай Усенко.

При близком знакомстве они оказались людьми вовсе не богатырского сложения, а самыми обыкновенными ребятами, даже ниже среднего роста.

Моим же представлениям о «лесном богатыре» полностью соответствует Леонид Петрович Сальков — полный кавалер орденов «Трудовой Славы»: рост выше среднего, кряжист, степенен, рассудителен. Волосы светлые, глаза голубые. Лицом чист и румян, очень обаятелен.

У поэта Николая Рубцова есть такие слова: «В деревне виднее природа и люди». Так виден Леонид Сальков — настоящий «Железный Дровосек».

Жизнью не балованный

Леонид родился в п. Сосновка Каргасокского района 1 октября 1945 года, так что голодных лет он не помнит, как его три брата и сестра.

Родителей в наш северный край забросила злая воля: их выслали с Алтая, лишив двухэтажного кирпичного дома, который был отдан под школу, всего нажитого трудом и потом добра и привезли на «стонущих баржах» на берег Васюгана.

Семья осталась в п. Березовка, а отца, Петра Романовича, отправили на плотбище Осинов Яр. Через несколько лет его перевезли в Толпарово и разрешили забрать семью. Здесь они прожили до 42-го года, а потом перебрались в Пыжинский ЛЗУ.

Леонид начальную школу окончил в поселке Усть-Ямы и стал учиться в семилетней школе в пос. Большой Подъельник. До школы добираться приходилось пешком, а потому до воскресенья он вместе с другими ребятами жил в интернате.

Надолго запомнилась эта дорога, ведь от Пыжино до Б. Подъельника — почти 20 километров. Шли все вместе, мальчишки и девчонки, гурьбой. Есть у поэта С. Орлова строки, которые, если заменить одно слово (ребята не курили), очень точно обрисовывают тот путь:

Кури сигарки толстые из моха,
Босые пятки согревай в золе...
Да, было детство прожито неплохо,
На этой Пыжинской земле.

На лесоучастке основная тягловая сила — лошади, которых было до двух сотен. Поэтому летом вся ребятня находилась на покосах вместе с женщинами: они косили траву, убирали сено, правда, метали его в стога мужчины. Эта работа была на всё лето.

После окончания школы Леонид пошёл работать маркировщиком на нижний склад, а через два года его перевели в бракеры.

Спустя ещё год он перешёл в раскряжёвщики на нижнем складе. Вскоре был направлен в г. Томск в лесотехническую школу,

где получил сразу две специальности: тракториста широкого профиля и капитана-механика. Направили его в Усть-Тымский сплаваучасток, а летом 64-го призвали в армию.

Ощущение ясное не напрасно прожитых лет

Проходя службу в армии, Леонид переписывался с Таней Абросимовой, с которой когда-то вместе ходили в школу. Таня жила в Староюгино, и Леонид после службы, погостив у родителей, уехал к ней — здесь «счастье мне сказало тихо: «Да».

Леонид сел за рычаги трелёвочного трактора и оставил их только в 95-м, когда рухнула в районе лесная промышленность.

Эти 27 лет — «годы трудностей и дел безбрежность». Леонид возглавил бригаду. Зимой готовили лес, вывозили на нижний склад, а летом работали на сплаве, грузили лес на баржи...

Началось создание укрупнённых бригад в лесосеках, что вызвало перестройку всего процесса лесозаготовки и техническое обновление: получили новые машины, челюстные погрузчики, бензопилы.

Леонид возглавлял бригаду в 30 человек. Затем принял комплексную бригаду, работающую по новой технологии. В таких бригадах очень возрастает роль руководителя коллектива, как организатора. Ему удалось сформировать стабильный коллектив, добивающийся ежегодного перевыполнения планов лесозаготовки, снижения трудозатрат. А это — хорошие заработки, слава, награды.

Первый орден «Трудовой Славы» III степени Леонид Петрович получил в 1976 году, а в 1980-м вновь получил орден, но уже второй степени. В 1986 году наградой за доблестный труд стал орден «Трудовой Славы» первой степени.

Его избирают депутатом районного совета, а затем областного. В 1986 году он — делегат 12-го съезда профсоюза лесной и деревообрабатывающей промышленности. В следующем году — делегат 18-го съезда профсоюзов СССР.

Леонид Петрович постоянно заботился о социальном климате в бригаде, чтобы человек открывал сам себя, свои силы, свои возможности в стремлении стать победителем в трудовом соревновании. В бригаде разрабатывались мероприятия, предусматривающие подготовку лесофонда, работу звеньев при двухсменном режиме, обучение применению новых тракторов, организацию погрузки древесины, ремонта техники, питания рабочих, меры материального поощрения, организацию ремонтной службы.

С такой программой Леониду Петровичу было легко руководить коллективом, совершенствовать организацию труда.

Надо сказать, что ему везло с вальщиками леса: в бригаде были люди, которые задавали тон в работе. Вальщик Г. С. Мартынянов был награждён орденом Ленина.

Всё хорошо сложилось у Леонида Петровича и в семейной жизни. Родились две дочери, получили специальности, вышли замуж и теперь у него с женой уже подрастают пять внуков.

Но... стучит пепел в сердце... — жаль рухнувшее так хорошо отлаженное хозяйство. Не могут понять люди, почему вдруг не нужен стал лес стране, ведь они в своё время заготавливали более миллиона кубов древесины, а сколько миллионов кубов теперь недополучает страна этой отличной, сибирской древесины.

Лесники — прекрасные специалисты — стали безработными в своих посёлках — Молодёжном, Киевском, Неготке, Усть-Тыме, Вертикосе и других.

Не работают лесоучастки по Васюгану в Тевризе, Мыльджино, Новоюгино, Староюгино.

Леонид Петрович с женой Татьяной Платоновной переехали жить в Каргасок. Хотя и жаль было оставлять посёлок, ведь, как сказал поэт: «Никогда не насмотреться вдосталь в это небо, в эти берега».

Испытанные севером

Первый фонтан нефти в Томской области ударил 18 августа 1962 года. Этот день стал днем торжества смелого научного предвидения.

Ещё в 30-е годы писатель Величко, инструктор Нарымского окружного комитета партии, в книге «В большом снежном мире» писал, что Васюганские болота — это огромная нефтяная ванна. А в одной из статей, опубликованных на страницах газеты «Красное знамя», говорилось: «Негостеприимный север вынужден газовыми и нефтяными фонтанами салютовать упорству,

мужеству, мастерству и знаниям». Это благодаря героическому труду нефтеразведчиков, геологов, геофизиков, буровиков, трактористов, монтажников и всех других специалистов.

В связи с возрастанием объемов бурения нефтеразведки начали преобразовываться в экспедиции. Томская нефтеразведка была преобразована в экспедицию — ТГРЭ. На её счету открытия каменного угля, руды цветных металлов и полиметаллов.

В 1966 году область стала нефтедобывающим районом севера. В газетах замелькали имена мастеров бурения Владимира Павловича Козлова, Вениамина Павловича Бизяева, Андрея Алексеевича Верещака и других знатных буровиков.

Аттестованный Сибирью

Сделав такие большие открытия, сделав нашу область нефтегазодобывающей, знатные буровики уходят на покой, оставив

о себе память — именами некоторых названы открытые ими месторождения. Например, именем Лугинца.

А разве будет забыто имя Николая Ивановича Верещака, внедрившего высокоскоростной метод бурения, что позволило удешевить буровые работы?

На смену им приходит грамотная молодёжь, которая, перенимая их опыт, добивается дальнейшего усовершенствования работ.

Дмитрий Леонидович Артемьев в 1963 году двадцатилетним парнем пришёл буровым рабочим в Томскую геологоразведочную экспедицию, которая занималась бурением скважин и поиском полезных ископаемых. В середине 60-х они искали в Верхнекетском районе бокситы, а в Кемеровской области — полиметаллы.

В 1965 году Дмитрий был назначен старшим буровым мастером Яйской поисково-разведочной партии, а через семь лет — начальником технического отдела этой партии. Спустя ещё

два года он уже — технический руководитель гидрологической партии, занимающейся поисками и разведкой подземных вод для водоснабжения районных центров Томской области.

Многие хотят знать, почему скважины на воду называются артезианскими. История такова. Первая скважина на воду была пробурена во Франции в 1126 году в провинции Артуа. Отсюда и название — артезианские. А в России первые скважины на воду были пробурены в 1370 году. Позже бурение на воду на 189 метров ручным и механическим ударным способами применялись в Одессе, Петербурге, Риге.

Техника бурения постоянно совершенствуется, увеличиваются мощности, повышаются скорости проходки.

Работа Томской гидрологической и инженерно-геологической партии велась по всей области. Её начальником с 1989 года стал Дмитрий Леонидович.

Предприятие ООО «Спецгеострой» по сути преемник ТГРЭ. Оно занимается бурением водяных скважин и подсчетом водных ресурсов Томской области, разведкой и поиском твердых полезных ископаемых, а также интересными изысканиями для строительства.

А ещё проводит очень нужную для области работу: используя новейшие геоинформационные технологии, создаёт новую карту развития нефтегазового комплекса области с транспортно-промышленной инфраструктурой, так необходимой для нефтяников.

Дмитрий Леонидович Артемьев работает начальником бурового цеха ООО «Спецгеострой» с 2005 года.

Непраздничная судьба

Не менее интересна биография Сергея Викторовича Пугачева — бурильщика «Спецгеостроя». Для него этот год юбилейный — ему исполнилось 50 лет.

Сергею не было и 18-ти, когда мастер участка ручного бурения А. В. Кривенцов принял его на работу помощником бурильщика. Было это в марте 1975 года. Смыслёный, расторопный и любознательный парень понравился бурильщику. Сергей сходу запомнил, что такое буровой инструмент и что такое вспомогательные буровые инструменты.

— Из этого парня будет толк, — определил Кривенцов, и не ошибся.

Когда в ноябре 75-го он перешёл в бригаду Б. Л. Кузнецова, то был уже квалифицированным помбуром, а через год аттестован бурильщиком.

В 1981 году Сергея направили в Новый Васюган, о котором Светлана Борзунова написала:

Суrowый край: болота, чащи,
Редкий изломанный тальник...

Само село с его широкими, чистыми, песчаными улицами Сергею очень понравилось.

8 лет «бороздили» они Васюганские болота. В 89-м Сергей стал работать на Туганском месторождении. Съёмка, изучение площади... А ещё были в его жизни поиски золота на территории Томской области.

С 1993 года Сергей Викторович стал заниматься бурением скважин на воду, причём не только в нашей области, но и в других местах Западной Сибири.

И вот он в «Спецгеострое». Участник многих экспедиций, где

В полях маята, многорукая жатва,
Соленая жажда и оводный пот...

Такая вот судьба. Непраздничная, но героическая. И в этом я нисколько не преувеличиваю.

Дорога нарымчанину северная родина

«Живой, оставшийся в живых человек, не помнящий о павших, не помнящий о жертвах, принесённых ради его жизни другими, недостойн этих жертв», — писал поэт Леонид Решетников. Примерно такими словами говорит и Василий Петрович Гришаев — председатель Каргасокского совета ветеранов, решая вопросы по установке памятников на могилах участников Великой Отечественной.

Только четвертый год работает в этой должности Василий Петрович, а сколько уже сделано добрых дел для ветеранов войны и труда, тружеников тыла, вдов. Это и материальная помощь ветеранам при ремонте квартир, благоустройстве, зубопротезировании, и организация встреч, смотров школьных музеев и комнат боевой славы, и работа с ветеранскими хорами, с подрастающим поколением, и многое другое.

Сохранение памяти о погибших и умерших ветеранах — для Василия Петровича нравственный долг.

Его малая родина — Каргасок

Гришаевы — фамилия распространенная не только в Каргаске, но и в Парабельском, Колпашевском и других северных районах. По легенде родоначальником фамилии был казак Гришай, пришедший в Сибирь с легендарным Ермаком. Его сыновья женились на русских переселенках и селькупских женщинах, потому и встречаются среди блондинистых Гришаевых и жгучие брюнеты...

Василий Гришаев родился в старом Каргаске. Его родители жили в доме, отобранном у богатого Алексея Серякова, а родились и выросли они сами в поселке Ильино.

Вася родился, когда отец уже был на фронте, призванный осенью 41-го. Воевал под Ленинградом. Погиб в 44-м, так и не повидав сына, зная его лишь по фотографии.

После окончания семи классов Василий поехал в Самуськи в техническое училище, чтобы выучиться на судового механика — очень уж привлекала мальчишек форма. Работать после окончания училища его направили в Моряковку. Но уже через полгода пришлось вернуться в Каргасок — тяжело заболела мать.

Устроился в комхоз кочегаром, а через две зимы был призван в армию. Так в 62-м оказался он на Сахалине. В 65-м часть, в которой служил Василий, передислоцировали в Хабаровск. И тут как раз начались даманские события — спровоцированный китайской стороной вооружённый конфликт. Василий с друзьями-томичами записался добровольцем.

Их сняли с довольствия, выдали документы, и стали ждать они отправки в район Даманского.

Но конфликт закончился прежде, чем пятеро добровольцев дождались отправки в район боевых действий. Срок службы уже закончился, впереди была демобилизация. Но тут случилось ЧП в гарнизоне — прорвало водопроводную трубу.

— Подготовьте траншею и сразу же будете демобилизованы, — сказал командир добровольцам.

Они работали без устали, и за короткий срок траншея, огибавшая место прорыва, была готова. А рыли её вручную. После этого друзья простились с армией и отправились домой.

19 июня 1965 года Василий вновь ступил на каргасокскую землю.

Здравствуй, речка и поле,
Свет в родимой избе!
Блудный сын поневоле,
Я вернулся к тебе.

Лелея лоскут отчей земли

Отдохнув несколько дней, погуляв с друзьями-товарищами, Василий устроился плотником в строительное управление № 22. А спустя несколько месяцев его по комсомольской путёвке направляют в отдел милиции. Так он стал постовым милиционером, а потом инспектором медвытрезвителя.

Пошёл учиться в вечернюю школу, начал усиленно заниматься спортом. Играл в футбол, волейбол, хоккей. Обзавёлся семьёй.

Прошло три года, и младший лейтенант Гришаев подал в отставку.

Его приняли в ОРС ЛПК заместителем начальника по кадрам. Затем назначили начальником гражданской обороны при райисполкоме. Он закончил лесотехнический техникум, получив диплом техника-механика. А когда ГО в районе ликвидировали, перешёл в сельскохозяйственное управление инспектором по сельхознадзору.

Случилось так, что несколько лет выдались крайне неблагоприятными для района — погода не

позволяла заготовить требуемое количество кормов, и было принято решение — вести кормозаготовку в Шегарском районе. Туда отправился специальный механизированный отряд. И возглавил его Василий Гришаев. Проблема была решена.

А когда в районах стали появляться новые организации — Сельхозхимия — во главе такой организации в Каргаске встал опять-таки В. П. Гришаев. Это было признанием его профессионализма, ведь новая организация была оснащена новейшей техникой: тракторами, экскаваторами, бульдозерами, самосвалами, спецмашинами для разбрасывания минеральных и органических удобрений. Чтобы грамотно её эксплуатировать требовались фундаментальные знания.

В 1987 году депутаты поселкового Совета избрали Василия Петровича председателем. Проработал он в этой должности только один созыв — новое время диктовало свои требования — председатель поссовета обязан был иметь высшее образование. Председатель был избран новый, а Василий Петрович стал его заместителем. Но не секрет, что именно на заместителях лежит почти весь груз работы.

Человек на своём месте

Таким человеком и оказался Василий Петрович. Внимательность, чуткость к запросам односельчан, оказание посильной помощи нуждающимся снискали ему авторитет и уважение. Немало сделал он для благоустройства Каргаска за 19 лет работы.

А помимо выполнения своих непосредственных обязанностей, он работал во всевозможных комиссиях, участвовал во всех мероприятиях, проводимых в райцентре. Был и членом президиума районного совета ветеранов. Потому, когда в декабре 2003 года встал вопрос о председателе совета, члены президиума единогласно проголосовали за В. П. Гришаева.

В прошлом году Каргасокский совет ветеранов отметил своё 20-летие. Но фактически он начал свою работу ещё в конце 60-х, а первым председателем был Алексей Семенович Дубицкий. Правда, структура совета тогда была несколько иной, руководил им райком партии, в котором Дубицкий занимал должность заведующего промышленно-транспортным отделом. Так что по сути наш совет работает уже пятое десятилетие. Нарботан немалый опыт, который и взял на вооружение новый

председатель. Плюс его энергия и настойчивость в выполнении намеченного.

Надо признать, что так активно, как при Гришаеве, ветеранский совет ещё не работал. Работа ведётся планово, целенаправленно. Потому результаты реализации планов налицо. С созданием клуба «Активная жизнь» результативнее стали действовать программы «Забота», «Досуг», «Благоустройство» и другие. А ключ к успехам в работе Василия Петровича в том, что он к любому посетителю относится уважительно, с доверием, с готовностью оказать действенную помощь, в том, что он никогда не даёт пустых обещаний. И если пообещал что-то сделать, то сделает непременно.

Очень хорошо сказала об этом Татьяна Сухушина из ПарABELI:

Всем Совет помочь стремится.
Нужно крепко потрудиться,
Чтобы дать всем то, что просят.
Да ещё за все и спросят.

Кроме председательских забот у Василия Петровича немало и других: он — депутат районной Думы и сельского поселения.

В общем, любит и умеет этот человек работать. Умеет и отдыхать. Он заядлый рыбак, охотник, и великолепный рассказчик, влюблённый в красоту родного края и людей, его населяющих.

И люди чувствуют это равнодушие к жизни, а потому доверяют ему.

Часть пятая

Злыми ветрами унесённые

Жизнь — учитель строгий и суровый.
Научила драться с малых лет.
Падали и поднимались снова,
Не согнулись, не сломались, нет!

Вынесли нелёгкие удары.
И, возможно, через много лет
Кто-то скажет: «Прожили недаром,
На земле оставили свой след!»

Галина Небараковская

Дважды сосланный

С Яном Витолсом мы познакомились в 1969 году. Он работал на кинопередвижке, обслуживая посёлки по Васюгану. Он дважды был выслан из Латвии и возвращался на родину, но не захотел там жить — в третий раз приехал в Сибирь, добровольно, не думая о плохом и помня только хорошее.

Надежду в сердце невозможно погасить

Витолсы жили на хуторе Рудзиши, недалеко от Риги. Было у них 30 гектаров земли — семейная хлебная нива, да двое наёмных рабочих

В 1941 году пришли солдаты и увели всю семью на железнодорожную станцию, где отцу пришлось проститься с женой и детьми — ему предстоял другой путь.

Загнали их всех в товарный вагон (Янису было тогда 10 лет, и он всё хорошо запомнил) и повезли. Вначале тихо, на некоторых станциях поезд даже простаивал по несколько дней.

Однажды мимо вагона проходила старушка и бросила в дверь вагона газету, из которой они узнали, что началась война. Теперь эшелон с прибалтами долго не задерживался на станциях. Матери Яниса как-то удалось узнать, что эшелон, в котором был отец, оставили в Свердловске.

Наконец прибыли в Красноярск, где их развезли по районам края. Витолсы попали в лесной посёлок Нижнеиндальского

района. Мать с Янисом послали в лес для сбора живицы. Эту первую в своей жизни профессию он быстро освоил и стал хорошо зарабатывать, сделавшись хорошим помощником маме.

Старшую дочь мать оставляла присматривать за младшими девочками и управляться по дому...

Закончилась война. Комендант сказал матери, что если она заплатит определённую сумму денег, может уехать в Латвию, но без документов, на свой страх и риск. Ян собрал деньги, и мать уехала. На удивление добралась до своего хутора благополучно. Там жили их бывшие работники, которые безоговорочно вернули ей всё, что не успели растащить соседи.

Ян решил пойти по проложенной матерью дорожке. Подошел к коменданту. Само собой, тот сразу завёл речь о деньгах: найдёшь энную сумму — договоримся, и пусть несовершеннолетние дети едут, только пусть мать пришлёт оттуда вызов.

Вызов был получен, и в марте 46-го Ян с девочками выехал на родину.

Посмотрел на хозяйство, пришедшее в упадок, на выпаса, землю, где когда-то был «щедро сдобрен каждый бугорок» и взялся за работу. Старался не ссориться с властью, аккуратно платил налоги, вывозил для сельсовета лес, гравий на дорогу и др.

Во дворе снова замычали коровы, запели петухи. Купил лошадь, обновил инвентарь. А в 49-м вызвали его в Сигулду, в сельский Совет и предложили сдать в колхоз лошадей, коров, а землю объявили колхозной собственностью. В общем, поставили перед выбором: или вступаешь в колхоз, или снова отправляешься в Сибирь.

Мать взбунтовалась: «Как так? Второй раз не должны высылать!» На семейном совете решили: в колхоз не вступать и ничего не отдавать. И вновь пришли солдаты, снова их — на станцию и в эшелон.

Привезли в Томск, пересадили на пароход «Александр Невский», и — вниз по Оби до Каргаска. Там высадили на пристани, и они прямо под открытым небом ждали несколько дней баржу.

Даже на шаг отойти не позволяли — вокруг были солдаты с винтовками.

Повезли по Васюгану, высаживая то у одного поселка, то у другого семьи. Витолсов высадили в посёлке Эзель-Чворе.

Встретили новосёлов здесь дружелюбно, особенно внимательно к ним отнёсся председатель колхоза Димидович: каждой семье подобрали жильё, выдали по корове, обеспечили продуктами.

Яну повезло: он ещё в дороге познакомился с интересным человеком, который владел многими профессиями и сразу пошёл в кузницу. Рядом с ним Ян быстро освоил нефтянку, локомотив, электротехнику и стал работать на них. А это авторитет и уважение местных жителей. Пристрастился к рыбалке и охоте, поскольку река и озёра были богаты рыбой, а лес полон дичи и пушного зверя. Беспрепятственно приобрёл ружьё. В деревеньке, несмотря на его молодость, все звали Витолса только Ян Янович, уважали за прилежность к труду.

Всё шло хорошо, но тут случилась трагедия: как-то утром председателя колхоза обнаружили мёртвым — кто-то ночью зарезал его. Тяжело переживали ссыльные смерть человека, который так по-доброму относился к ним.

Прислали нового председателя — Поппеля Филиппа Филипповича, который много лет прожил в Китае. Отправляясь в командировки, он неизменно брал с собой Яна. У него всегда с собой был именней пистолет, и он учил юношу стрелять из него.

«Видимо, разведчик», — решил Ян, когда однажды они поехали в Каргасок за катером, и он стал свидетелем такого инцидента.

Получили мётчик. Поппель пригласил Яна в чайную обмыть катерок. Хорошо выпили, и Поппель на речном вокзале начал петь, заставляя Яна подпевать. Кому-то не понравился их концерт, вызвали милицию. Милиционеры посмотрели удостоверение, предъявленное председателем, отдали честь и ушли.

...Шли годы. В 1957 году наступила пора полной реабилитации. На семейном совете решили возвращаться в Латвию.

Старшая сестра, которая к этому времени уже имела свою семью, решила остаться в Усть-Чижапке.

Грел сердце лишь дым родного дома

Но не согрело сердце родное жилище в Латвии. Всё теперь было колхозное, не его. Не очень были рады здесь возвращению «кулаков».

Ян Янович устроился в Латвийскую сплавную контору. Четыре года поработал и ушёл в совхоз «Литень».

За годы жизни в Сибири он стал заядлым охотником, а здесь это стало невозможно (ружьё купить нельзя), и начал скучать Ян по богатым сибирским охотничьим угожьям. Получая письма сестры из Сибири, узнавал об успехах на охоте зятя Дмитрия, и все больше. Ян начал склоняться к мысли о возвращении в Сибирь...

29 апреля 64-го он увольняется и скорее в дорогу. В третий раз по железной дороге в Сибирь, но уже в комфортабельном вагоне до Томска. И вот Усть-Чижапка. Его здесь помнят, и он без труда устраивается в школу электриком. А в свободное время стал заниматься рыбалкой, охотой. Через три года перешёл в киносеть. Возили по посёлкам кино, а осенью уходил на охоту. Удачливым был Ян на охоте и часто он сдавал пушнины не меньше кадровых охотников, у которых угожья были значительно богаче.

В лесу Яну нравилось больше, и через четыре года он уходит в кадровые охотники. Обычно по трём маршрутам ходил Ян Янович по своему участку, который был примерно 8 на 8 км. Сколько всяких происшествий было за время промысла.

Однажды сосед по участку попросил помочь ему срубить новую избушку. Наготовил леса, но углы вырубать не умел. Это в восьми километрах от избушки Витолса. Они только заехали, ещё не прибрали запасы продовольствия. У собачек начался «гон» и, уходя к напарнику, Ян Янович привязал своих собак, чтобы не убежали. Работа спорилась. К вечеру Ян Янович послал напарника накормить его собак, сам продолжал работу.

Напарник из двух своих собак взял одну и пошёл к Витолсовой избушке.

Подходя к избушке, увидел растерзанных собак, а его стала злобно лаять в сторону избушки, оттуда послышалось пышканье зверя. Напарник быстро побежал к Яну. У Яна была с собой «Белка» и прихватив вторую собаку, пошли к избушке Яна.

Медведя Ян Янович увидел под крышей и выстрелил из «Белки» в него. Рывкнув, медведь быстро скрылся в лесу. Мужики бегом к избушке и взобрались на вышку избушки. Ружьё висело на гвозде, забитом около двери. Из него ещё не стреляли, и оно не пахло порохом, поэтому медведь и не тронул его. Собаки лаяли около речки, и было слышно, как зверь бросался на них. Всё равно собаки медленно подгоняли его к избушке. В подбегающего медведя охотники выстрелили залпом. Он развернулся и в лес.

Мужики увидели кровь и начали преследование зверя. Через некоторое время Ян Янович сказал напарнику: «Посматривай назад, он всегда обходит и нападёт сзади». И точно, собачки залаяли сзади, медведь, отбиваясь от собак, старающихся укусить его за «штаны», выбежал на чистое место, охотники добились его. Зверь был огромен. Снимая с него шкуру, удивились — сала у него не было нисколько. Такие тощие в берлогу не ложатся. Ян Янович собрал разбросанные продукты, нашёл и сухари в мешках, которые медведь утащил и закопал.

Промышлял на этом участке Ян Янович 17 лет. И все эти годы он был один из лучших охотников зверопромхоза. Он непременный участник слётов охотников в Колпашево и Томске.

Уходя на заслуженный отдых, он всё равно остался охотником-любителем. Правда, любительские участки отводились в другом месте, но тайга и там не была пустой.

Сейчас ветеран труда, труженик тыла живёт в Каргаске. На прародину не тянет. Когда в Латвии стали возвращать ранее отобранное, младшая сестра Яна вступила во владение хуторским поместьем.

Здоровье стало пошаливать, но Ян Янович бодр душой. Он не хочет думать о плохом— всё же жизнь в Сибири, в тайге, прожитая в своё удовольствие— это огромное светлое пятно в жизни, которое поглощает пережитое потрясение детства, всю чёрную полосу жизни. Он говорит про свою жизнь почти как А. Н. Майков:

Одно отрадное сознание,
Что путь свой честно я свершил
И для чего-нибудь да жил.

Жизнь — лучший учитель

Артур Керб родился в Эстонии, в городе Кохтла-Ярве. В двухлетнем возрасте его привезли в Сибирь, в поселок Березовку Первомайского района.

«Отсюда пошёл наш двухжильный народ»

Берёзовка была основана эстонцами ещё в 1902 году. Родители Артура, Мартъ Керб и Лони Рейле, — это уже второе поколение, родившиеся в Сибири.

Мартъ после окончания семилетней школы поступил на курсы шоферов, а потом стал работать в колхозе. В армию пошел будучи хорошим специалистом. Попал в ракетные войска на территории Казахстана. Отслужив, вернулся в родную деревню и стал водителем колхозного автомобиля.

После окончания Томского пединститута вернулась в посёлок и Лони Рейле. Молодые люди сразу понравились друг другу, а вскоре сыграли свадьбу.

А в конце пятидесятых народ из эстонских поселений стал возвращаться на историческую родину. Поскольку у Кербов тоже были там родственники, решили они провести, так сказать, разведку: съездить и собственными глазами посмотреть, что и как на эстонской земле. С языком проблем не было — ни в той, ни в другой семье родную речь не забывали.

Приехали. Вот, оказывается, какая ты, Эстония, известная лишь по рассказам бабушек. Как сказала поэт В. Токарева,

Это отсюда пошел наш двухжильный народ:

Тот, что пахал, не снимая с земли пенки.....

В довольстве провести свой век не каждому дано

В 1967 году в семье Кербов появился первенец, названный Артуром. Правда, радость была омрачена болезнью Мартя — недомоганием и изнуряющим кашлем, что сильно изматывало его за баранкой машины. Пришлось обращаться к врачам, а те посоветовали вернуться туда, где ранее жил. Посоветовавшись, Марть с Лоней решили возвратиться в Сибирь. Единственное, чего они опасались, не повредит ли суровый климат малышу.

Березовка приятно поразила: она разрослась, обновилась, и школа была уже не семилетней, а средней. Спрос на учителей вырос, так что Лонию коллектив принял с распростёртыми объятиями.

Марть стал главным энергетиком колхоза. Здоровье его пошло на поправку, да и Артур рос крепким ребенком.

А тут пошли ещё дети: почти подряд родились два сына — Петер и Эрмань и две дочери — Юлиана и Ольга. Марть был счастлив. Поистине :

Свет в доме — от просторных окон.

Свет в сердце — от ребячьих глаз.

Спустя некоторое время Марть принял ферму. Конечно, по сравнению с прежней должностью он проигрывал в зарплате, зато днями, когда Лони занята, мог больше времени проводить дома, присматривая за детьми.

Березовская ферма славились своими удоями. А ещё механизацией: ручную дойку заменили доильные аппараты, тяжеленные ведра с водой — автопоилки, раздача кормов и очистка скотопомещений тоже были механизированы. Кругом царили чистота и порядок. Доярки, приходя на ферму, надевали белые халаты.

Перед самым выходом на пенсию Мартын Павлович, так звали его в деревне, снова сел за баранку автомобиля. Во-первых, это была его любимая работа, а во-вторых, заработок у механизаторов стал значительно больше.

Дети к этому времени выросли. Старший сын Артур после окончания средней школы остался в ней работать учителем по труду. Через год ушел в армию, два года прослужил в погранвойсках и вернулся домой. Снова стал работать в школе. Поступил в институт.

Летопись неповторимых лет

На одном из институтских вечеров Артур познакомился с девушкой из Каргаска — Ниной Сафьянниковой. С каждым днем она ему нравилась все больше и больше: спокойна, проста в общении, умна в рассуждениях, деловита, хозяйственна.

Заметил, что и Нине он очень нравится, выделяет она его из остальных парней. В общем, завершилось всё походом в ЗАГС.

После второго курса оба перевелись на заочное отделение и приехали в Берёзовку. Артур вновь стал учителем труда, а Нина — организатором внеклассной работы. Первой в семье появилась дочь Яна, затем сын Павел.

Прошли четыре года. Нина начала звать Артура в Каргасок. А он и не упирался особо: посёлок, в котором они бывали каждое лето, ему нравился, сами каргасокцы тоже. В общем, переехали...

Нина пошла в Дом пионеров преподавателем дополнительного образования, а Артуру предложили пост директора Дома пионеров, а если не согласен, то преподавателем по труду, правда, в Вертикосе. На чём остановить выбор?

С одной стороны, не лежала никогда душа у Артура к административной работе, его всегда тянуло на живую, творческую работу с детьми. С другой стороны, отказаться от Дома пионеров, значит вновь паковать узлы и чемоданы и ехать в Вертикос. Посоветовался с женой, её родителями, принял решение в пользу директорства.

Дом пионеров располагался в старом здании, зимой в нём было холодно, однако, дети любили его (этот дом), и кабинеты всегда были полны.

С приходом нового директора заметно оживилась работа кружков. Питомцы Нины Керб, занимавшиеся резьбой по дереву, завоёвывали призы на выставках не только в Томске, но и в Москве.

Как ни странно это покажется, но начавшаяся в стране разруха не только не повредила Дому пионеров, но даже помогла: со сменой названия на Дом детского творчества он сменил и место жительства, переехав в светлое, тёплое двухэтажное кирпичное здание, которое раньше занимал КБО. Сделали ремонт, и теперь его можно называть не домом, а дворцом. Увеличилась численность кружков по интересам, а также число детей и преподавателей.

8 лет проработал директором ДДТ Артур Мартынович и всё же решил уйти с этой должности.

Из старого здания ДДТ Артур выстроил себе дом и под этой же крышей устроил мастерскую с токарными станками по металлу и дереву, циркулярной пилой, сверлильным станком — осуществил свою давнюю мечту. И пока в ДДТ не хватало оборудования, дети работали на станках Керба.

Расставшись с постом директора, Артур Мартынович с головой окунулся в творческую работу. Он создал клуб «Самоделкин», где дети занимаются техническим моделированием.

Сейчас в ДДТ работают 18 кружков, в которых занимаются около 500 детей. Ребята свято чтят память о первых педагогах дополнительного образования, среди которых был и легендарный С. М. Климов. Артур Мартынович говорит, что на основе работ, которые выполнял один Климов, создано несколько кружков: радиотехнический, резьба по дереву, экологический, краеведение, техническое моделирование и др.

Его радуют успехи в учёбе и общественной жизни дочери Яны и сына Павла. Но и судьбы других детей ни ему, ни жене Нине не безразличны. Когда районная газета опубликовала фотографии детей из приюта «Улыбка», которым нужны родительские тепло и ласка, Кербы тут же решили хотя бы одного

из них сделать счастливым. Так в доме появилась малышка Дашенька.

Прошёл год, девочке уже 2 годика, и она радует своих новых родителей, тем, как она растёт, развивается. У Артура Мартыновича счастьем светится лицо, когда он видит, как радуется Дашенька приходу папы, тянет к нему ручонки.

Вроде, всё в жизни получается, всё по пословице: есть работа — всё приложится: любовь, семья, надежда. Хорошо усвоены уроки, преподанные родителями, школой, институтом, жизнью — этой главной учительницей.

Как писал аварский поэт Гамзат Цадаса:
Страницы книг — познания истоки,
Но людям Жизнь в любые времена
Преподавала главные уроки,
Учительница лучшая — она.

Уроки прожитой жизни.

Сколько человек было выслано в Сибирь из Прибалтики в 1941 году? Сложно ответить на этот вопрос точно. Разные люди отвечают на него по-разному. Например, Ж. Росси писал, что высланных из Прибалтики в 41-м году было несколько сот человек. А наш

земляк Вадим Макшеев в предисловии к своей книге «Гнет» приводит другие цифры: «Из Эстонии предусматривалось выселить 10 100 человек (домохозяек, хуторян, коммерсантов, военных, политических, русских эмигрантов и др.). По данным Эстонских историков, репрессировано 10 157 человек. Две трети из них были в возрасте до 18 лет». И это только из Эстонии. А ещё люди высылались из Латвии и Литвы.

Взгляд в минувшее

Степан Михайлович Климов был выслан из Риги в 15-летнем возрасте.

Его дед владел текстильной фабрикой в Риге. У них был трёхэтажный дом и дача в Юрмале. Дед завещал фабрику старшему сыну, но тот был учёным-историком и от наследства отказался. Пришлось заняться текстильными делами Михаилу — отцу Степана. Он перепрофилировал производство, и фабрика стала выпускать клеёнку.

Дела шли прекрасно, но тут в Латвии сменилась власть, и начались репрессии. Сестра Степана, выйдя замуж, уехала в Канаду. Остальные члены семьи, оставшиеся на родной земле, жили в тревожном ожидании визита ночных «гостей». А те не задержались.

Однажды Климовы были разбужены стуком прикладов в дверь. Отца увели в одно место, остальных — в другое. Прощай дом, мастерская в подвале, библиотека, а главное — французский лицей, в котором учился Степан, к тому времени свободно владеющий четырьмя иностранными языками, в том числе латинским...

Поезд привёз их в Новосибирск. А там всех пересадили на баржу, и — вниз по Оби до Каргаска.

Степана с матерью высадили в Староюгино. Определили в артель имени Менжинского Каргасокского лесхимсоюза.

Нет худа без добра

Примерно так говорила мама Степана, получая пайку за выполнение работы.

Постепенно втягивались в физический труд, забывая о своём положении в прошлом. Только «память, — как ожог сплошной, как солнечный удар».

Шёл второй год войны. Артели для нужд фронта дали повышенное задание по выработке пихтового масла. Набрали бригаду из молодых, даже учащихся Новоюгинской семилетней школы отправили в лес. Степану тоже сообщили, что поедет на заготовку пихтовой лапки на 3 месяца.

Закручинился парень, ведь мама останется без дров: кто наколёт? Но мать мужественно встретила эту новую напасть. наказала не клясть судьбу — себе дороже, и быть в деле честным, в дружбе верным.

Как оказалось, непростое это дело — нарубить за смену 200 кг пихтолапок. Не мог справиться с такой нормой городской паренек, а значит, вместо 600 граммов хлеба получал всего 400. А это голод.

Помог случай: из конторы пришло распоряжение отправить возчика Беспалова в деревню. Приятель Степана Рузаев работал гонщиком масла в паре с Соловьевым, который возглавлял бригаду, и попросил сменщика сделать возчиком Климова. Ведь

это гарантировало постоянные 600 граммов хлеба в день.

Работы, конечно, прибавилось: Степан ухаживал за лошадьми, рубил дрова и подвозил их к заводу и общежитию; собирал пихтовые лапки и подвозил к заводу, где гонщик загружал их в огромный чан для выпаривания.

Рузаев же посоветовал Степану перейти в гонщики, когда заболел Соловьев.

Как рассказывает Климов, гонка начиналась кипением

воды в котле и продолжалась 22 часа без перерыва. За это время из пихты выгонялось все масло. Гонщик поддерживал стабильный огонь, подтаскивал холодную воду или лёд для холодильника. Когда масло переставало даже капать, надо было открыть крышку чана, и выгрузить горячую отработанную пихтолапку.

Степан раздевался, обувал деревянные башмаки, подобие сандалий, чтобы не повредить ноги. Спёкшиеся от жары ветки на вилы подцеплялись плохо. Тут нужна была сноровка. А ещё сумасшедшая жара. Порой хотелось бросить всё это, но тогда он потерял бы такие преимущества, как суточный отдых после смены и целый килограмм хлеба.

Постепенно втянулся. И был благодарен Рузаеву за поддержку.

А тут вдруг уехали ученики Новоюгинской школы, и на замену привезли молдаван, которые до этого нигде не работали, нищенствовали. Те привезли с собой вшей.

Это было что-то невообразимое. Бывало, снимают рубахи, и видно, как шевелится живая серая масса — местные говорили: «Гимзя гимзит», что означает «Ну, очень много!» Тело

расчесывалось. Степан убегал в лес и, сняв одежду, старался уничтожить насекомых. Да где там!

И тут его отзывают. Он даже не стал ждать утра, а рванул прямо в ночь. Без отдыха прошагал более 80 километров до Староюгино.

Что можешь сделать, то без слов твори

Летом Степана послали отогнать неводник. В Каргаске он увидел, как несколько человек пытаются отремонтировать мотор для катера. Подошел, начал помогать. Под его умелыми руками мотор ожил. В результате его оставили в Каргаске: разбирающиеся в технике люди были нужны в райцентре.

Степан стал электриком в промкомбинате. Там познакомился с Гаврилюком Афанасием Лаврентьевичем, который ещё до революции окончил технологический институт, а сейчас работал киномехаником в районном доме культуры. Гаврилюк взялся сделать из электромотора генератор. Сам вытачивал пластины — ламели для коллектора генератора из различных медных изделий. И вот генератор готов, и во многих домах засветились, как тогда, в 30-х годах, говорили, «лампочки Ильича».

Степаном заинтересовались на станции юных техников. Их коллективу нужен был такой творческий работник. Он стал руководить радиокружком. Здесь неожиданно встретил свою любовь — Айно, с которой познакомился ещё в эшелоне, когда их везли из Эстонии. Айно вела кружок кройки и шитья в СЮТ.

Сейчас другая эпоха, но добрые дела сютовца Климова не забываются. Коренные жители Павлово помнят до сих пор, что первое радиовещание им устроил Климов из СЮТа: председатель колхоза купил радиоприемник «Москва», к которому можно было подключить до 50 радиоточек, обратился в СЮТ. Степан подсказал, что нужно приобрести. Вместо изоляторов, которых не было, прибивал палки к столбам и к ним привязывал провода. Хотя дальние радиоточки работали слабо, чуть

слышно, но люди радовались, что появилась возможность слушать Москву, а через Новосибирскую станцию РВ-76 и Томск.

В 48-м году заведующим СЮТ стал Валентин Григорьевич Рудский.

Дружба, как и жизнь, всегда права

Они со Степаном быстро сдружились, сработались. Потом решили получше узнать край, в котором живут. Сами изготовили лодочку и во время летнего отпуска пошли вверх по Васюгану. «Доскреблись» аж до Майска, а это около 900 км от Каргаска. С собой был фотоаппарат, так что почти все поселки запечатлели на пленку, а их в то время по Васюгану было немало.

С Валентином Рудским Степан работал и в школе № 1, где был лаборантом в физической лаборатории.

В 1957 году друзья расстались — Климовы уехали в Эстонию, в Вильянди, откуда когда-то были высланы. Сняли там небольшую квартиру. Мама Айно Иогановны написала письмо Председателю президиума ВС СССР К. Е. Ворошилову, в котором сообщила, что после 20-летней ссылки приехала на родину, а жить негде, дом принадлежащий им, занят. Через два дня им выдали ордер на трёхкомнатную квартиру.

Время неспешно расставило акценты.

Пролетели годы. Прибалтика получила независимость. Новые правительства стали возвращать недвижимость репрессированным. Айно Иогановна получила родительский дом в Тарту, и они со Степаном Михайловичем переехали туда. Степану Михайловичу вернули дом в Риге и дачу в Юрмале, но без права продажи. Дети выросли, обзавелись семьями. Дочь Вика стала доктором, сын Михаил работает на заводе.

Сам Степан Михайлович до выхода на пенсию работал слесарем на спичечной фабрике. Сейчас отдыхает, занимается с внуками — учит их русскому языку. Ну а дома они говорят на эстонском. Айно Иогановна умерла, немного не дожив до 80-летия Степана Михайловича.

Хотя здоровье у него «пошаливает», но память прекрасная. Он помнит многих людей Васюганья, и когда краеведы ДДТ Каргасока обращаются к нему, охотно делится информацией, посылает фотографии тех давних лет. Увлёкся компьютером и поддерживает с многими друзьями отношения. Пишет для них были, юморески. И если бы не возраст и огромное расстояние, обязательно бы побывал на Каргасокской земле.

«Переполненная жизнью и светом»

Когда встречаешься с человеком, который носит прибалтийскую фамилию, первой мыслью бывает, что это из репрессированных в 1941 году. И не всегда бываешь прав: первые прибалты появились в Сибири в конце 19-го — начале 20-го веков. Например, в Томскую губернию эстонцы стали переселяться ещё в 1902 году.

В книге «Земля Первомайская» П. А. Басаргаев пишет, что «безземельные переселенцы из Эстонии основали новую деревню Березовка. Это были 15 семей из уезда Вильянди и Тартусского,

го, положившие начало деревне. Всего же тогда прибыли более 100 семей, но большинство из них селились на хуторах...»

В краю неласковой чужбины

Эстонцами была основана и деревенька Линда, в которой родилась героиня моего рассказа Нина Фатеева, в девичестве Тынисон. Основателями семейной династии в Сибири стали Мартин Тынесон (в дальнейшем он стал Мартыном Тенисоном) и Арию Линда из Тарту. В 10 километрах от Линды находился поселок Калиновка, основанный переселенцами из Белоруссии и Украины. Были и поляки.

Невест в Линде не хватало, и парни женились на девушках из соседних сёл. Правда, родители отдавали своих дочерей не без опаски: их смущала молчаливость эстонцев, в деревнях даже бытовала поговорка «Молчит, как эстонец». Но их трудолюбие,

культура, забота о подрастающем поколении, стремление дать детям образование перевешивали, и девушки уходили в эстонские семьи.

Эдуард Тынисон женился на белорусской девушке из Калиновки. У них родилось семеро детей, из которых Нина была четвертым ребенком. В семье хотя и говорили по-эстонски, но более в ходу был русский — язык общения с другими национальностями.

В 1910 году в Линде построили школу, в которой дети учились на эстонском языке, вплоть до 1937 года.

Таинство роста постигнуть не просто

После окончания этой школы Нина продолжила учёбу в Ореховской школе-интернате. Училась она хорошо, мечтала об институте. Но семье жилось трудно, на помощь рассчитывать не приходилось. Пришлось с мечтой о высшем образовании расстаться. Но учёбу всё же продолжила, поступив вместе с подругой в Асиновский лесотехникум. Поступок оказался судьбоносным.

В техникуме учился Николай Чердынцев из посёлка Чердаты Зырянского района. Познакомились, подружились. Когда Николай закончил учёбу, расставаться не захотели, и 18-летняя Нина вышла за него замуж. Вместе уехали в Чердаты, где Николая уже ждали как механика, а вскоре он стал управляющим отделения колхоза им. Калинина.

Прошло пять лет, подрастал сын Митя. И тут ворвалась беда.

В канун Нового года потребовалось завезти фураж в соседнее отделение колхоза — Прушинское, а дорогу замела пурга. Надо было расчистить её. Николай не стал искать тракториста, сам сел на бульдозер, дорогу прочистил, и исчез вместе с трактором.

Сначала искали своими силами, потом к поиску подключилась милиция. Наведались к родителям Нины в Линде, хотя

Нина утверждала, что без неё Николай ни за что не поехал бы к ним.

А спустя несколько дней после Нового года послали прущинского скотника на летнюю дойку за запчастями для автопоилок коров. Снова мела метель, однако скотник разглядел выбивающийся из сугроба шарф. Выехавшая по получении этого тревожного сообщения группа колхозников откопала Николая.

Как выяснилось, он решил вернуться домой более короткой дорогой, через дойку. Но трактор вдруг заглох, и Николай пошел через заносы снега к дороге. Не дошёл...

Нина не захотела оставаться в Чердатах, где всё напоминало о погибшем муже. Ехать к родителям? А что делать в посёлке, который совсем захирел?

Брат Нины Михаил Тенисон в это время жил в Каргаске, работал трактористом в Сельхозтехнике, и Нина поехала к нему.

Мужики всегда имеются в народе

Брат посоветовал Нине поступить в Томский сельскохозяйственный техникум — выучиться на зоотехника. И она, не откладывая дела в долгий ящик, отправилась в сельхозуправление. Начальник отдела кадров П. И. Хрущев, узнав, что она хочет стать зоотехником, направил её к З. П. Руденцовой — главному зоотехнику управления, а та с ходу предложила должность зоотехника на Лозунгской ферме Каргасокского совхоза.

В деревне Нину встретили приветливо, выделили квартиру в новом доме. В клубе ей тоже были рады, особенно, когда Нина сказала, что она всегда любила художественную самодеятельность. Она быстро стала «своей» у молодёжи поселка.

Соседом по квартире был Владимир Фатеев. Он жил в большой доброжелательной семье, которая тепло относилась к молодой очаровательной женщине, а особенно к мальчонке. Митя даже стал называть Владимира папой, что тому очень нравилось.

Ты пришёл, а я ждала!

Через некоторое время Владимир сделал предложение Нине. Их дружба незаметно переросла в любовь, поэтому она сразу ответила согласием.

Молодые сразу договорились, что будут продолжать учёбу. Нина стала дипломированным зоотехником, а Владимир учился заочно в Новосибирском сельскохозяйственном институте.

Выросшие в больших семьях, где труд всегда был на первом месте, они хорошо работали в совхозе, завели целую животноводческую ферму дома, учились и воспитывали детей. Жизнь была нелёгкой, но сколько в ней было оптимизма и задора! Да ещё Нина, несмотря на загруженность, не забывала про художественную самодеятельность.

Посёлок всегда был многонациональным: русские, немцы, украинцы, остяки (ханты и селькупы), мордва и чуваша. Вот только прибалты поразъехались, и только когда Инга Кивемя из Эстонии, по мужу Перемитина, приехала погостить к родственникам, Нина вволю наговорила на родном эстонском языке.

Конечно, без практики язык забывается, и Инге пришлось частенько поправлять Нину. Но это было не обидно, ведь Нина знала много немцев, у которых о национальности свидетельствовали лишь фамилии, а родным языком был русский.

Испытание жизнью

Время шло, подрастали дети. Владимир окончил институт и стал работать управляющим отделением совхоза. Но вот совхоз «приказал долго жить». Нина поработала ещё несколько лет в подсобном хозяйстве, которое тоже недолго продержалось: государство не стало финансировать, а сами не сумели удержаться на плаву, и все пошло с молотка.

Нина Эдуардовна оформилась на пенсию, Владимир Степанович работает заместителем главы сельской администрации. И хотя дети выучились, получили специальность и работают,

свою домашнюю ферму они не ликвидировали, хотя и сократили.

Но свободное время есть и на сериалы, и на другие развлечения. Недостает общения с друзьями, новых интересных встреч. И тут Нина Эдуардовна узнает, что в центре немецкой культуре организуется ансамбль «Надежда». Художественный руководитель Александр Мельдер — эстонец, чей отец, Хейно Арнольдovich, был выслан с родителями из Тарту в 1941 году.

Обрадовалась, что сможет пообщаться на родном языке, но Александр эстонского языка не знает. Его отец был женат на украинке, и в доме говорили только по-русски.

В ансамбле поют немецкие, русские и украинские песни. На днях будет отмечаться его 5-летний юбилей. Приедут коллективы немецких центров из Томска, Молчаново и Парабели.

Нина Эдуардовна поет в хоре и дуэтом с Надеждой Гаак. Какие красивые голоса! С ансамблем «Надежда» она ездила в Томск, Молчаново, по поселкам Каргасокского района, где проживают этнические немцы.

Она очень любит музыку, песни, особенно исполняемые вживую, не по радио или телевизору. Живая музыка, живые голоса — это же счастье, это жизнь

Жизнь раны посыпает солью

Из 83 прожитых Ольгой Лидер лет 66 прошли в суровом северном краю, куда попала она не по своей воле.

Сравнивая рассказ Ольги Лидер с дневниковыми записями Франца Фота, сделанными им в 1931 году, невольно отмечаешь, насколько тяжелее проходило переселение немцев в 30-е годы, чем 10 лет спустя. Читаешь, и слёзы наворачиваются на глаза.

«4 июня. Ночью на острове Питюгино хоронили 16 покойников...

9 июня... похоронили 16 человек...

В ночь с 12 июня на 13 нас выгрузили в лесу, где совсем нет жилых домов. Ставят палатки. Всем не хватает, часть людей разместили в балаганах. Балаганы очень старые, строим новые, а между стройкой опять хороним...».

И так каждый день. Смерти, смерти, смерти...

То же было и с русскими спецпереселенцами. Весной 1931 года по речке Нюрольке были высланы 21 248 человек, по Васюгану до села Средний Васюган — 11 248, в Нижний Васюган — 12 223, по речке Чижапке — 6 431 человек. Это по спискам Нижневасюганских комендатур. Приняли же комендатуры 40 550 человек. Где же остальные? Пусть часть ссыльных убежала, но остальные, выходит, умерли дорогой.

По рассказам очевидцев, в том числе и Ольги Лидер, в 1941 году дорогой люди не умирали, а если и умирали, то очень мало.

Да привозили переселенцев не на голый берег и размещали под крышами домов и бараков.

Конечно, лёгкой их жизнь не назовёшь — сполна испытали они голод и лишения, болезни и тяжёлый труд, а нередко и отчуждение, а то и враждебность местного населения, ведь шла война.

Бедствий чашу выпили до дна

Ольга Гребе родилась в Поволжье, в селе Цюрих Унтервальденского района. После выселения немцев всё стали переименовывать на русский лад, и село получило новое название — Зорькино а район стал называться Подлесским.

В 1930-м Оля села за школьную парту, а после окончания школы начала работать в колхозе. А вскоре разразилась война, и по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года немцев начали выселять в Казахстан и Сибирь.

Отца, как и других мужчин, отделили от семьи и повезли в другом эшелоне. Мать с восьмерыми детьми оказалась в поезде, идущем в Сибирь.

Они оказались на станции Мошково Новосибирской области. Сюда же подошел и эшелон с мужчинами, среди которых был и отец. Спустя некоторое время его призвали в трудармию. В январе 42-го Ольгу также отправили на работу — в шахты Кемеровской области.

Голод и холод сделали свое чёрное дело — через три месяца каторжного труда девушку настолько измотало, что однажды она не смогла подняться с постели. С диагнозом «истощение» её и ещё трех 15-летних девчонок отпустили домой.

Летом 1942 года высланных немцев вновь погрузили на баржи и повезли вниз по Оби. Высадили в посёлке Петровка Кургасокского района, а затем на лодках стали перевозить в посёлок Перфилово, где был колхоз.

Шло время. Наступил победный 45-й. Отец вернулся с трудового фронта. Живой. Это была огромная радость. А через пару месяцев Ольгу мобилизовали на стройки Томска.

В 46-м она вышла замуж за Льва Лидера и прожила с ним счастливо 52 года. Они вырастили и воспитали двух сыновей и дочь.

После свадьбы Ольга начала работать в детской консультации, а потом перешла на мебельную фабрику. Проработав там почти 30 лет, оформилась на пенсию. Теперь она всё своё время посвящает внукам и правнукам.

Но судьба вновь поворачивается к этой много пережившей женщине спиной. В середине 90-х погибает сын, а в 1998 году умирает муж.

Второй сын, Отто, уехал в Германию, дочь Ирма осталась здесь. Сын настойчиво зовёт мать к себе, но Ольга Филипповна, съездив в Германию, поняла, что жить там она не сможет. Вернулась в Томск, на землю, ставшую для неё второй родиной. Здесь могилы сына и мужа, могилы родителей и дедов.

В Германии, конечно, красиво, чисто. Но это не дом, и как говорит пословица, в гостях хорошо, а дома лучше.

Над сердцем не вольны года

В 2003 году в жизни Ольги Филипповны произошли серьезные события: в русско-немецком Центре Томска она неожиданно-негаданно встретила свою первую любовь — Карла Шеффера, с которым когда-то училась в Поволжье с первого по седьмой класс. Потом их дороги разошлись: Карл поступил в педагогический техникум, а Ольга пошла работать в колхоз. И вот встреча.

Карл Карлович — человек активной жизненной позиции, 15 лет он пел в народном хоре «Ветеран» Каргасокского района, играл в духовом оркестре, а с организацией филиала Русско-немецкого дома и созданием там ансамбля «Дружба», исполняющем песни на русском и немецком языках, стал участником этого ансамбля.

Кроме того, он член президиума совета ветеранов, в котором активно работает, несмотря на то, что идёт ему девятый десяток.

Карл Карлович также вдов и потому, когда Ольга Филипповна в разговоре призналась, что любила его с первого класса, что-то всколыхнулось в душе обоих. Они решили жить вместе. Объединились два одиночества.

Ольга Филипповна с удовольствием стала участвовать в ансамбле «Дружба», значительно укрепив его своим сильным голосом и отличным знанием немецкого языка, ведь молодёжь из ансамбля разучивает песни, записывая немецкие слова русскими буквами. Что поделаешь? В школе все они учили английский.

В 2004 году Ольга Филипповна с Карлом Карловичем отметили круглую дату — 80-летие. Ольга Филипповна говорит, что ей 83 года только по календарю, а чувствует она себя 40-летней женщиной, и потому они с Карлом Карловичем ещё долго будут радовать сердца слушателей своими выступлениями.

К её словам о жизни, о сердце очень подходят строки немецкого поэта С. Георге:

И громче пой о жизни,
И смейся громче всех,
Пока на тихой тризне
Не звякнет твой доспех.

Пусть и в 100 лет она не услышит этого звяканья!

Оглавление

А. П. Хмелева. Прошлое во имя будущего	3
Святая память (<i>Предисловие автора</i>)	4

Часть первая Для славы мёртвых нет!

Наша боль, и совесть, и укор.	8
Человек с горячим сердцем	13
Наша память — не тонкая нитка, а сверхпрочный шпагат	16
И мужество, как знамя, пронесли	22
Жизнь, измеренная потрясениями.	27
Без веры нам жизнь не прожить	31
Терпеть и надеяться	41
Он знал вдохновенье труда	45
Что миновало — забыть нельзя	49
Хотя и смолкли залпы орудий...	53
И отыскалася в жизни стезя	56
И снова память давней раной ноет	60
Года идут, а сердце не стареет	65
«Война меня преследует повсюду».	69
Вознесённый землёй Васюганской.	73

Часть вторая Я снова в прошлое стучусь

Жизнь моя, иль ты приснилась мне...	80
Пролетели годы вереницей	85
Доктор Феня	89
А мы — рабочие земли.	93
Оставившая след на Нарымской земле.	99
Не забывая о былом	106
Помни старь, продумывая новь	111
На деревне стало тихо....	116

Мечта и реальность	122
Россияночка-северяночка	125
«Земля моя, я сын твоих берёз»	130

Часть третья
Мы все войны шальные дети

Всматриваясь в прожитую даль....	136
Сказ о нарымчанине	141
Право на жизнь дано нам не зря	146
В надежде на добрую память	151
Легенда томского кино	154
Полвека счастья и любви	160
Женщина всегда остаётся молодой	163
Жизнь с удивлением в душе	167

Часть четвертая
По праву памяти живой

Наследие	174
Работали, пока хватало сил	176
Кто людям отдавать себя привык....	181
Судьбы её простое полотно	187
Жизнь продолжается.	189
Лесной богатырь	191
Испытанные севером	195
Дорога нарымчанину северная родина	201

Часть пятая
Злыми ветрами унесённые

Дважды сосланный	208
Жизнь — лучший учитель	214
Уроки прожитой жизни.	219
«Переполненная жизнью и светом»	225
Жизнь раны посыпает солью	230

Л. Т. Ситников

Земляки

Книга 2

Отпечатано в типографии издательства «Ветер»

г. Томск, Иркутский проезд, 1. Тел. 659-336

Подписано в печать: 19.13.2008 г. Заказ № 1978.

Формат 62×84/16. Гарнитура «Petersburg».

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,45.

Тираж 270 экз.